

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ
СВИДЕТЕЛЬНИЦА
ВРЕМЕН

ТОМ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
2019

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ
СВИДЕТЕЛЬНИЦА ВРЕМЕН

ТОМ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

Под общей редакцией
Ф.Г. Тараторкина

МОСКВА, 2019

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков
главный редактор, кандидат исторических наук
- Ф.Г. Тараторкин
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Керемецкий
зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства
- Т. Лефко
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская
ученый секретарь

Редакционный совет

- М.В. Баранов
президент «Руниверс»
- С.П. Брюн
сотрудник Музеев Московского Кремля
- В.З. Голдман
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Горский
доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- С.В. Девятов
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жантиев
кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исааков
доктор исторических наук, заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций
- Г. Кантор
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- Т.Ю. Кобищанов
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- И.В. Курукин
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ
- Г.Д. Ленхофф
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе
- А.В. Марей
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес
профессор истории права, Мадридский университет Комплаутенсе
- С.В. Орлов
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д. Панатери
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- Е.И. Пивовар
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
- А.Э. Титков
кандидат исторических наук, директор учебно-научного центра «Кремль-9» РГГУ
- А.А. Улунян
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Я.М. Хамеен-Ангтила
профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences
- Filipp G. Taratorkin
Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences
- Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor, Corresponding Fellow of International Academy of Art and Culture
- Todd Lefko
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary

Editorial Board

- Mikhail V. Baranov
President of «Runivers»
- Sergei P. Brun
Staff member at the Moscow Kremlin Museums
- Wendy Z. Goldman
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department
- Anton A. Gorskiy
Doctor of Historical Sciences, Professor at Moscow State University, Historical Faculty, Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Sergey V. Deviatov
Doctor of Historical Sciences, Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty
- Dmitriy R. Zhantiev
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Salavat M. Iskhakov
Doctor of Historical Sciences. Vice-Chairman of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on the History of Social Reforms, Movements and Revolutions
- Georgy Kantor
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford
- Taras Y. Kobischanov
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Igor V. Kurukin
Doctor of Historical Sciences, Professor at Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Gail D. Lenhoff
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey
Candidate of Sciences in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Stepan V. Orlov
Candidate of Economic Sciences, Docent, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty
- Daniel Panateri
Doctor in History, Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Efim I. Pivovar
Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences, President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences
- Alexey E. Titkov
Candidate of Historical Sciences, Director of the 'Kremlin-9' Centre for Studies and Research at Russian State University for the Humanities
- Arutyun A. Ulunyan
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Jaakko Markus Hämeen-Anttila
Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

ОТ РЕДАКЦИИ

Очередной выпуск «Исторического вестника» посвящен общеисторической тематике.

В этом номере продолжается публикация воспоминаний М.Ф. Прайса — ценного источника по истории революции 1917 г. Несмотря на явную политическую ангажированность автора, его тексты обладают тем элементом здорового объективизма, который был характерен для непосредственных участников событий, не зажатых еще в рамки сурового догматизма. Важным достоинством этих воспоминаний является и стремление автора охватить и проанализировать картину происходящего в целом, в масштабах всей, охваченной политической смутой страны.

Продолжается публикация материалов Международной комиссии по изучению Великой Октябрьской социалистической революции. Эти документы являются ценнейшим источником для тех, кто изучает развитие исторической мысли в советский период нашей истории. Мы видим, что интерес к недавнему нашему прошлому, во многом уже незаширокий и объективный, растет год от года, и публикация подобных материалов стала хорошей традицией в нашем журнале. Тему советского прошлого в этом номере продолжает материал В.А. Невежина о «лечебно-курортной» стороне жизни советского руководства в 20-е годы прошлого века.

Стремясь расширить тематику номера, мы публикуем материалы из истории «дней минувших». Материал М.Г. Ракитиной и Л.В. Соловьевой, а также работа С.А. Захарова, посвящены событиям XV в. Традиционная рубрика «Историческая мысль» посвящена 100-летию государственной архивной службы России, в частности 25-летию Государственного архива Республики Ингушетия.

Мы заканчиваем этот номер некрологом, посвященным памяти большого ученого и замечательного человека — Александра Леонидовича Смышляева. В этом году он ушел из жизни. Мы потеряли коллегу и друга, а российская историческая наука лишилась одного из лучших своих «античников», чьи труды по истории Древнего Рима вошли в ее золотой фонд.

А.Э. Титков

*главный редактор журнала
«Исторический вестник»*

EDITORIAL

A new issue of The Historical Reporter is dedicated to various subjects, pertaining to global history.

Moving on, the reader will find the continuation of the memoirs of M.F. Price — an invaluable source on the Russian Revolution of 1917. Despite the author's clear political bias, his texts have a clear sense of objectivity, a unique trait of those who personally took part in the events and were not yet crushed by the dogmatic approach of the next decade.

An important and academically-positive trait of these memoirs is manifested in the author's clear desire to analyze the overall events' horizon, his yearning to perceive the country's entire political landscape.

We are also continuing to publish the materials of the International Commission on the Study of the Great October Socialist Revolution.

These materials proved to be an incredibly important source for all those studying the evolution of historic thought in the Soviet period.

We can see that the interest in our recent past, with a demand for a clear and unbiased perspective, grows from year to year. And the publication of such materials has already become a hailed tradition of our journal.

The Soviet-era theme continues with V.A. Nevezhin's study on the health-resort vacation life of the Communist leadership in the 1920's.

Expanding the timeframe of the issue, we also are publishing materials dealing with the far older historic periods.

The articles, written by M.G. Rakitina and L.V. Solovieva, as well as by S.A. Zakharov are dedicated to the 15th century.

The traditional «Historic Thought» rubric is dedicated to the 100th anniversary of the State Archive Service of Russia, as well as the 25th anniversary of the State Archive of Ingushetia.

The issue ends with an article, commemorating a great academic and wonderful man — Alexander Leonidovich Smyshlayev. He passed away this year. We lost a dear colleague and a friend, while Russia's historical community lost one of their best 'ancient world' scholars, whose work on the history of Ancient Rome will always be treasured in the golden fund of academic literature.

Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief

*Comments to the authors may be submitted
to the Editor — historical.reporter@gmail.com*

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- С.А. Захаров.** Власть и общество в английских анонимных поэмах первой четверти XV в. 8

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

- Л.В. Соловьева, М.Г. Ракитина.** К вопросу об участии Софьи Палеолог в приглашении итальянских архитекторов для перестройки Московского Кремля. 28

СОВЕТСКАЯ ХРОНИКА

- В.А. Невежин.** Отпускник И.В. Сталин: лечение и отдых на Кавказе в 1920-е годы 42
- С.М. Исхаков.** Международная комиссия по изучению Великой Октябрьской социалистической революции 72

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

- Б.Н. Морозов.** Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы Архивов МИД России 92
- С.М. Исхаков** Роль и значение архивов и архивных документов в сохранении исторической памяти народов России и Кавказа. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию государственной архивной службы России и 25-летию Государственного архива Республики Ингушетия. 98

ИСТОЧНИКИ

- М.Ф. Прайс.** «Мои воспоминания о Русской революции»..... 104

AD MEMORIAM

- Александр Леонидович Смышляев (30.01.1951 — 24.04.2019) 246

CONTENTS

ISSUE ON GENERAL HISTORY

LITERARY HISTORY

- Sergey A. Zakharov.** Government and Society as depicted in English Anonymous Poems of the first quarter of the 15th century..... 8

MEDIEVAL RUS'

- Marina G. Rakitina, Larisa V. Solovyeva.** Sophia Palaeologus, the Invitation of Italian Architects and the Reconstruction of the Moscow Kremlin.....28

SOVIET CHRONICALS

- Vladimir A. Nevezhin.** Joseph Stalin on Vacation: Medical Treatment and Vacation in the Caucasus in the 1920's.....42
- Salavat M. Iskhakov.** The International Commission for the Study of the Great October Socialist Revolution. 72

HISTORICAL THOUGHT

- Boris N. Morozov.** Crimea in the development of Russia: history, politics and diplomacy. Documents from the Russian Foreign Ministry's archive 92
- Salavat M. Iskhakov.** The role and significance of archives and archive documents in the preservation of the historical memory of the peoples of Russia and the Caucasus. Materials from the International Research Conference, dedicated to the 100th anniversary of the Russian Archive Service and the 25th Anniversary of the State Archive of the Republic of Ingushetia.....98

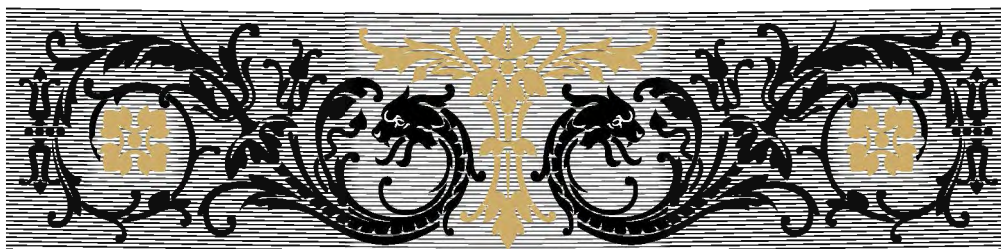
SOURCES

- M.F. Price.** My Memoires on the Revolution. 104

AD MEMORIAM

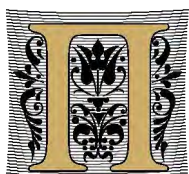
- Alexander Smyshlayev (30.01.1951 — 24.04.2019)..... 246

С.А. Захаров

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В АНГЛИЙСКИХ АНОНИМНЫХ ПОЭМАХ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV В.

олитическая обстановка в Англии на рубеже XIV—XV вв., определившаяся воцарением новой династии и оживлением военных действий на континенте, дала толчок к появлению целой серии анонимных политических песен и поэм, в которых современники пытались осмыслить происходящие события. Анонимная поэзия, рассчитанная на широкую аудиторию, во многом была типичной и развивалась в русле существующей политико-правовой традиции либо повторяла идеи, высказанные знаменитыми придворными поэтами, такими как Д. Гауэр, Т. Хокклив, Т. Лидгейт. Однако среди большого количества анонимных авторов были и те, кто предлагал читателям свой оригинальный взгляд на состояние и развитие общества и государства. К последним относится создатель двадцати четырех поэм, содержащихся в манускрипте «Digby 102» из Бодлеянской библиотеки Оксфорда¹.

¹ A catalogue of Western manuscripts at the Bodleian Libraries and selected Oxford colleges // https://medieval.bodleian.ox.ac.uk/catalog/manuscript_4224

Поэмы не раз публиковались² и привлекали внимание историков в связи с изучением социально-политической и религиозной обстановки в Англии в начале XV в. По меткому выражению современного нидерландского исследователя, они представляют собой «калейдоскоп неупорядоченных сюжетов, в которых, с одной стороны, видны взгляды автора на политическую, социальную и церковную организацию его страны, а с другой — размышления о моральном и религиозном восприятии современниками общественного бытия и отношения к Богу»³. В таком большом наборе социально-политических вопросов, затронутых анонимным поэтом, наше внимание сфокусировано на сюжетах, в которых автор демонстрирует свои взгляды по поводу взаимоотношений власти и общества (законотворческая и судебная деятельность, защита подданных, поддержание мира внутри государства). В свете новых данных о происхождении поэм такой анализ видится необходимым и может пролить свет на историю некоторых государственных институтов Англии, на восприятие их членами социальных, политических и правовых тенденций начала XV в.

Первую попытку анализа поэм предпринял их издатель Д. Кейл в начале XX в. Во вступительной статье к своему изданию он поставил такие важные вопросы, как время написания, авторство, диалект и связь поэм с конкретными историческими событиями. Эти выводы оказали большое влияние на последующие поколения исследователей. По мнению Д. Кейла, поэмы были написаны в первой четверти XV в. клириком, членом парламента или близким к этому институту лицом, так как в них имеются

² Впервые три поэмы были изданы Ф. Фурниваллом в 1897 г. См.: Ed. F. J. Furnivall. *Three Middle-English Poems // Englische Studien* 23. P. 438–442. Первое полное издание со вступительной статьей и комментариями предпринял Д. Кейл. См.: Ed. J. Kail. *Twenty-Six Political and other Poems from the Oxford MSS. Digby 102 and Douce 322*, 1904. После этого издания некоторые поэмы (чаще всего поэма № 16 «О строении человеческого тела») включались в различные антологии английской средневековой поэзии. См.: Ed. R. H. Robbins. *Historical Poems of the XIVth and XVth Centuries*. New York, 1959; Ed. J. M. Kalamazoo. *Medieval English Political Writings*. MI. 1996. P. 153–158, 176–178; *Kennedy R. Strong-Stress Metre in Fourteen-Line Stanza Forms // Parergon* ns 18. P. 127–155. В настоящее время существует два издания поэм: одно опубликованное (Х. Барр) и второе в виде рукописи диссертации (А. Вергей). См.: *Verbeij L.J.Ph. Where of is mad al mankynde. An Edition of and Introduction to the Twenty-Four Poems in Oxford, Bodleian Library, MS Digby 102. Faculty of Humanities, Leiden University*, 2009. Ed. H. Barr. *The Digby Poems. A new edition of the lyrics*. Exeter: University of Exeter Press, 2009.

³ *Verbeij L.J.Ph. Where of is mad al mankynde*. P. 44.

отсылки к конкретным парламентским делам⁴. Исследования средневекового английского языка в то время находились еще на ранней стадии и поэтому Д. Кейл не смог правильно определить диалект, на котором написаны поэмы. Он посчитал, что их автор был выходцем из западной или юго-западной части Центральной Англии⁵. Кроме этих общих наблюдений и анализа пассажей, содержащих аллюзии на исторические события и личности⁶, Д. Кейл не представил никакого серьезного текстологического исследования.

После первого издания поэмы попали в поле зрения исследователей истории религии⁷, литературы⁸, социально-политических отношений⁹. Отечественные ученые также обращались к ним в русле изучения «крестьянской идеологии»¹⁰ и городской культуры¹¹. Новым этапом в

⁴ Д. Кейл обнаружил в шести поэмах (I, III, IV, VIII, IX, XIII) отсылки к делам, имевшим место в парламентах 1399, 1401, 1404, 1406, 1410 и 1414 гг. Четырнадцать поэм (II, V, VI, VII, X, XI, XV, XVII, XIX, XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV) он не смог связать ни с какими конкретными событиями. Позже они составили так называемую религиозно-дидактическую группу. См.: *Kail J. Introduction // Twenty-Six Political and other Poems ... P.vii-xxii.*

⁵ *Ibid.* P. ix-x.

⁶ *Ibid.* P. vii-xxii.

⁷ *McGarry L. The Holy Eucharist in Middle English Homiletic and Devotional Verse. Washington, 1936.*

⁸ *Robbins R.H. Middle English Poems of Protest. Anglia 78.1960.P.193–203; Scattergood V.J. Politics and Poetry in the Fifteenth Century. L., 1971.*

⁹ Дж. Колемана данные поэмы интересовали в связи с исследованием отражения социального протеста в литературе. См.: *Coleman J. English Literature in History 1350–1400. Medieval Readers and Writers, London. 1981;* Р.А. Пэк проанализировал одну из поэм в статье, посвященной теме «совести» в политической поэзии. См.: *Peck R.A. Social Conscience and the Poets // Social Unrest in the Middle Ages. Ed. F.X. Newman. Binghamton, NY., 1986. P. 113–148.* Дж. Натаал также проанализировал одну из поэм в русле своего исследования взаимоотношений короля с общинами королевства. См.: *Nuttall J. The Creation of Lancastrian Kingship. Cambridge, 2007.*

¹⁰ Ю.М. Сапрыкин, как и его английские коллеги, считал местом происхождения и распространения поэм южную часть Средней Англии, то есть место будущего восстания Д. Кеда. Он также отметил, что их автор «аббат или приор не касался в них реформации церкви и все внимание сосредоточил на политических и этических вопросах и рассматривал их вполне в светском духе». Это заявление советского исследователя происходит от сложившейся к тому времени традиции делить поэмы на политические и религиозные и рассматривать каждый блок по отдельности. См.: *Сапрыкин Ю.М. Социально-политические взгляды английского крестьянства в XVI–XVII вв. М., 1972. С. 121–122.*

¹¹ Н.А. Богодарова в своем исследовании, посвященном политической поэзии XIV–XV вв., уделила большое внимание анализу этих поэм. В частности, она отметила, что их автор впервые ставит вопрос о благосостоянии общин, дает детальное описание всех сословий, но при этом «он никого не выделяет и ни одному из со-

изучении этого памятника стал рубеж XX–XXI вв., когда сразу двое ученых (Х. Барр и Л. Вергей) предприняли попытку анализа и публикации текстов поэм¹². Прежде всего, ими был пересмотрен вопрос об авторстве, так как точка зрения Д. Кейла, в свете новых исследований парламента, оказалась малосостоятельной. К тому же были замечены ошибки в транскрибировании текстов, пунктуации и т.д. Появление LALME (Лингвистического атласа) способствовало более точному определению диалекта, а исследования в области канцлерского делопроизводства¹³ дали возможность для установления места происхождения рукописи.

Уникальный литературный памятник, с которым мы имеем дело, сохранился в единственном экземпляре, как часть манускрипта¹⁴, включающего в себя неполный текст «С» «Видения о Петре-пахаре» У. Ленгланда, выдержки из «Покаянных псалмов» Р. Мейдстона¹⁵ и анонимную религиозно-дидактическую поэму «Разговор Тела и Души» (*Disputacio inter corpus*

словий не дает развернутой оценки, он традиционно дидактичен, его политические симпатии и антипатии остаются неизвестными: желая гармонии обществу, сам он скорее отстранен от него». См.: *Богодарова Н.А.* Городские мотивы в английской политической поэзии XIV — начала XV в. // Сб. Средние века. Вып. 45. М., 1982. С. 99.

¹² Х. Барр — профессор Оксфордского университета, известный исследователь средневековой литературы. В исследованиях поэм она сосредоточила свое внимание на лингвистическом и стилистическом анализе. Лейденский профессор Л. Вергей, напротив, в своей докторской диссертации попытается атрибутировать поэмы, обращаясь к историческим исследованиям социально-политического развития Англии в начале XV в. При всей разности подходов Х. Барр и Л. Вергея, оба категорически отвергли выводы и методы исследования Д. Кейла. См.: *Barr H.* The Piers Plowman Tradition. A Critical Edition of 'Pierce the Ploughman's Crede', 'Richard the Redeless', 'Mum and the Sothsegger', and 'The Crowned King'. L., 1993; *Verbeij L.J.* New Light on the Autor of the Twenty-Four Poems in Oxford, Bodleian Library, Digby 102 // *Neophilologus.* 2012. P. 641–649.

¹³ См.: *Tucker P.* The Early History of the Court of Chancery: A Comparative Study // *The English Historical Review.* Vol. 115. No. 463 (Sep., 2000). P. 791–811.

¹⁴ Каталогное описание рукописи дано в: *Kail J.* Introduction // *Twenty-Six Political and other Poems ...* p.vii; *Madan F., Craster H. H. E.* A Summary Catalogue of Western Manuscripts in the Bodleian Library at Oxford. Vol. I. Oxford, 1922. № 1073; *Verbeij L.J.Ph.* Where of is mad al mankynde. An Edition of and Introduction to the Twenty-Four Poems in Oxford, Bodleian Library, MS Digby 102. Faculty of Humanities, Leiden University, 2009. P. 5–8.

¹⁵ Псалмы перефразированы на английском языке в конце 1380-х гг. кармелитским монахом и духовником Джона Гонта Ричардом Мейдстоном. До нас дошла 21 рукопись, что говорит о их особой популярности на рубеже XIV–XV вв. Подробнее о них см.: *Sutherland A.* English Psalms in the Middle Ages, 1300–1450. Oxford, 2015. P. 233–238.

et animam¹⁶) на английском языке с латинским названием. Поэмы могли быть завершены, как следует из их контекста и отсылок к конкретным парламентским делам, между 1422 и 1428 гг.¹⁷ и тогда же, вероятно, были соединены с другими произведениями в одну рукопись¹⁸. Общее название манускрипта получил по имени Кенелма Дигби (1603–1665)¹⁹, в коллекции которого он хранился в 1632–1634 гг. В 1634 г. по предложению будущего архиепископа Кентерберийского Уильяма Лоуда²⁰ (1573–1645) К. Дигби преподнес свою библиотеку в дар Оксфордскому университету²¹. С тех пор рукопись находится в собрании Бодлеянской библиотеки.

Текст поэм написан на пергаменте размером 220 x 155 мм и занимает листы № 98r–127v манускрипта «Digby 102»²², на каждом из

¹⁶ «Disputacio inter corpus et animam» — одно из популярных средневековых религиозно-дидактических произведений. В Англии подобные «диспуты» были известны с XII в. «Разговор Тела и Души» из MS Digby 102 был опубликован в Ed. W. Linow. *De Desputisoun Bitwen þe Bodi and þe Soule*. Erlangen and Leipzig, 1889 (repr. Amsterdam, 1970). Подробнее об этом произведении см.: *Bossy M.A. Medieval Debates of Body and Soul // Comparative Literature*. Vol. 28. No. 2 (Spring, 1976). Duke University Press on behalf of the University of Oregon, 1976. P. 144–163.

¹⁷ *Verbeij L.J.Ph. Where of is mad al mankynde...P. 7, 17.*

¹⁸ Есть предположение, что манускрипт был составлен из двух самостоятельных рукописей: первая включала «Видение Уильяма о Петре-пахаре» У. Ленгленда, а вторая — «Покаянные псалмы», «Разговор Тела с Душой». В пользу этого говорит тот факт, что некоторые листы подвергались обрезке, а чистые листы в конце последних тетрадей были полностью удалены. Как считает Л. Вергей, такое брошпорование, вызванное практическими соображениями, можно назвать «usage unit». Однако не до конца ясно, когда точно и по какому принципу тетради были сшиты вместе. Ряд историков считают, что произведения объединены в связи с религиозно-дидактической тематикой. См.: *Coleman J. English Literature in History 1350–1400. Medieval Readers and Writers*. L., 1981. P. 98; *Bergström-Allen J. Heremitan et Ordinis Carmelitarum. A Study of the Vernacular Theological Literature Produced by Medieval English Whitefriars, Particularly Richard Misyn*. O. Carn. // <http://www.carmelite.org/jnbba/thesis.htm>; *Verbeij L.J.Ph. Where of is mad al mankynde...P. 6–7.*

¹⁹ Подробнее см.: *Digby, Sir Kenelm // Oxford Dictionary of National Biography* <http://www.oxforddnb.com/view/10.1093/refodnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-7629>

²⁰ В 1630–1633 гг. У. Лод занимал пост канцлера Оксфордского университета и принимал активное участие в собирании редких рукописей для библиотеки. Подробнее о принципах и методах собирания Бодлеянской библиотеки в начале XVII в. см.: *Дмитриева О.В. Томас Бодлей и первая публичная библиотека в Европе // Книга в культуре Возрождения*. Сб. ст. под ред. А. М. Брагиной. М.: Наука, 2002. С.198–210.

²¹ Подробнее об этом см.: *Madan F., Craster H. H. E. A Summary Catalogue of Western Manuscripts in the Bodleian Library at Oxford Vol. I*. Oxford, 1922. P. 69; *Craster E. History of the Bodleian Library 1845–1945*. Oxford, 1952. P.97; *Rogers D. The Bodleian Library and its Treasures 1320–1700, Henley-on-Thames*. 1991. P. 91.

²² «Видение Уильяма о Петре-пахаре» У. Ленгленда занимает 1r–97v; «Покаянные псалмы» Р. Мэйдстона — 128r–135v; «Разговор Тела с Душой» — 136r–139r.

которых помещено от 30 до 40 строк²³. Несмотря на наличие рифмы, писец записал поэмы подобно прозе, разделив строфы между собой двумя наклонными чертами и выделив параграфы красным и синим цветом. Такое оформление текста соответствовало старой традиции записи псалмов и гимнов, предназначенных для заучивания наизусть и мелодичного распевания. Тип букв представляет собой комбинацию двух стилей: *Anglicana* и *Secretary*. Последний, в начале XV в., использовался для делопроизводства (главным образом в Канцелярии короля). Однако, как отметил М. Паркес, подобное сочетание стилей было характерно не только для оформления документов, но и дешевых книг²⁴. Не вызывает сомнения тот факт, что переписчиком всех частей манускрипта был один человек²⁵. Таким образом, можно предположить, что рукопись была создана для личного пользования, а основанием для объединения четырех разных произведений стали религиозно-дидактические пассажи, преобладающие в каждом из них.

Оформление текста, диалект английского языка, на котором писал автор, а также отсылки к историческим реалиям начала XV в. — это ключ к определению места и времени появления поэм. Как уже отмечалось выше, их первый издатель и исследователь Д. Кейл назвал местом происхождения западную или юго-западную часть Центральной Англии²⁶. Р. Роббинс — восточную часть Центральной Англии, возможно Дербшир²⁷. Однако оба исследователя не смогли серьезно аргументировать свои предположения. Более обоснованную точку зрения выдвинул Л. Вергей²⁸. Основываясь на современных исследованиях канцелярии Генриха V, а также полностью исключив какую-либо связь автора с парламен-

²³ Листы шиты в тетради по 24 страницы. Нумерация тетрадей 3–21. Тетради 1 и 2 отсутствуют, поэтому «Видение о Петре-пахаре» в этом манускрипте неполное. См.: *Verbeij L.J.Ph. Where of is mad al mankynde...* P. 6.

²⁴ *Parkes M.B. English Cursive Book Hands: 1250–1500, Oxford, 1969.* P. xxii.

²⁵ Подробнее см.: *Verbeij L.J.Ph. Where of is mad al mankynde...* P. 8–10.

²⁶ Свой вывод Д. Кейл основывает на двух положениях: первое, на юге страны к королю относились лояльнее, чем на севере, и ратовали за права общин (автор поэм, по мнению издателя, симпатизирует королю и общинам); второе, в текстах присутствует характерное для юго-западной части Мидленда написание слов. См.: *Kail J. Introduction // Twenty-Six Political and other Poems...* P. ix-x.

²⁷ *Robbins R.H. XIII Poems Dealing with Contemporary Conditions // A Manual of the Writings in Middle English (1050–1500). Vol. 5. Ed. A. E. Hartung. New Haven, 1975.* P. 14–16.

²⁸ Подробнее о выводах этого исследователя см.: *Verbeij L.J. New Light on the Author of the Twenty-Four Poems in Oxford, Bodleian Library, Digby 102 // Neophilologus. 2012.* P. 641–649.

том²⁹, ученый предположил, что поэмы мог написать монах из Вестминстерского аббатства, служивший в канцелярии короля³⁰. Клерки этого учреждения имели доступ к делам парламента, как и сами парламентарии. Наш анонимный поэт, как уже неоднократно отмечалось, демонстрирует хорошую осведомленность в этом вопросе. В пользу его связи с Вестминстерским аббатством говорят следующие наблюдения Л. Вергея: во-первых, поэма № 18 «Who þat hole knowe condicion...» целиком посвящена положениям, которые бенедиктинские монахи подали в 1421 г. Генриху V, а в 1422 г. издали в виде Provincial Capitulary; во-вторых, автор, хорошо знакомый с ними, должен был иметь связь с бенедиктинским монастырем, а ближайшим монастырем к королевскому двору и канцелярии является Вестминстерское аббатство; в-третьих, более половины братии Вестминстерского аббатства несло службу за его пределами, в различных ведомствах, в том числе в королевской канцелярии. С расширением поля деятельности королевской канцелярии требовались образованные люди, в том числе и писцы. Потребность в них удовлетворял ближайший монастырь (Вестминстерское аббатство). Его настоятель, Уильям Колчестер (ум. в 1420)³¹, как видный религиозный и политический деятель своего времени, активно вовлекал братию в светские дела. Таким образом, наш автор мог быть одним из тех истинно переживавших за духовно-нравственное состояние общества монахов, которые несли службу в королевской канцелярии. Если принять точку зрения Л. Вергея об авторстве и происхождении поэм, то перед нами бесценный источник для исследования этого института начала XV в. — времени расширения его функций, в том числе судебных.

С 1370-х гг. в ведомство лорд-канцлера для рассмотрения стали поступать дела от обычных просителей, никак не связанные с интересами самой канцелярии и ее служащих. Постепенно судебные функ-

²⁹ К такому выводу Л. Вергей пришел после исследования списков парламентариев. По его мнению, не вызывает никакого сомнения, что автор принадлежал к духовенству. Приор или аббат, как правило, редко появлялся на заседаниях парламента, а среди духовенства в палате общин не находится подходящего лица, среди тех, кто, как и автор поэм, заседал шесть раз подряд. Так как этот человек показывает хорошее знание парламентских дел, то он должен был так или иначе иметь к ним отношение. Кроме самих парламентариев, полный доступ к документам был только служащим королевской канцелярии. См.: *Verbeij L.J. New Light on the Author of the Twenty-Four Poems...* P. 641–645.

³⁰ *Verbeij L.J. Ph. Where of is mad al mankynde...* P. 16–17.

³¹ Подробнее о нем см.: *Pearse E.H. Willeam de Colchester. Abbot of Westminster.* L., 1915.

ции канцелярии расширились и к середине XV в. здесь обсуждались даже вопросы земельной собственности³². В отличие от других судов, в этом решение принималось на основании «совести» и «справедливости», то есть с отступлением от норм общего права. Корни такого явления в судопроизводстве до сих пор остаются малоизученными. Современный английский историк Г. Додд³³ предположил, что на судебный процесс канцелярии сильное влияние оказывали архиепископы, епископы и другие духовные лица, заседавшие в судебных комитетах парламента и составлявшие большинство в канцелярии. Кроме того, он напоминает о сложившейся традиции участия духовенства в судебных разбирательствах на территории своих диоцезов. По мнению другого исследователя, У. Бризона³⁴, многие дела, после их решения в канцелярии, пересматривались в судах общего права, а сами епископы не раз обращались туда за консультацией или приглашали юристов на свои заседания. Таким образом, заключает ученый, нельзя говорить о самостоятельной судебной деятельности духовенства в канцлерском суде. Вопрос с участием духовенства в судопроизводстве, а самое главное, привнесение им в судебный процесс принципов «христианской справедливости» из-за скудости источников остается открытым. В решении этой проблемы свою роль может сыграть анализ представлений рядового служащего канцелярии короля.

Наш автор — человек, служивший, возможно, в королевской канцелярии, был свидетелем важных политических событий, осмысливал их и искал причины многих явлений в современном ему обществе. Как и любой средневековый мыслитель, он ратовал за благосостояние и процветание государства, которое, в его понимании, возможно лишь тогда, когда будет гармония среди всех слоев населения и в отношении с властью. Или, перефразируя строки его поэм: все должны жить в мире и любви (*Lordis, comons and clerye / To ben alle at on assent*³⁵) и не нарушать установленных Богом сословных границ, исполнять Божьи заповеди, так как все, что дано людям — дано от Бога (*These worldes goodes beth not*

³² *Henderson E.G. Legal Right to Land in the Early Chancery // The American Journal of Legal History. Vol. 26.No 2 (Apr., 1982). P. 97–122.*

³³ *Dodd G. Reason, Conscience and Equity: Bishops as the King's Judges in Later Medieval England // History. Vol. 99. 2014. P. 213–40.*

³⁴ *Bryson W.H. Introduction // Reports of cases in the Court of Chancery in the Middle Ages (1325–1508). Richmond, Virdginia, 2016. P. 1–6.*

³⁵ *Verheij L.J.Ph. Where of is mad al mankynde... P. 143.*

his. / Alle is godes; he oweth hit)³⁶, а раздор — неминуемо ведет к страшным последствиям:

*No man standes of oþer awe: В королевстве, в котором случится раздор,
Vnkynndely synne, and tyrauntes lyf, Ужасный грех и тирания поселится,
Vsurye, symonye, and letter of lawe, Ростовищичество, симония и без-
законие.*

*And holy chirche rebelle to Goddis sawe. И Святая церковь восстанет
против Божьего слова,*

*To kepe his comaunderment þey say no. Чтобы сохранить Его заповеди,
они ничего не сделают,*

*Fro þat kyngdom God his loue wil drawe³⁷. Ибо это королевство Го-
сподь обойдет своей любовью.*

Общество поэт изображает двумя способами: первый, наиболее часто встречающийся в средневековых произведениях, — в виде человеческого тела, каждый член которого соответствует определенному сословию или социальной группе (голова — король, грудь — духовенство, плечи, руки, ребра, позвоночник — лорды, рыцари, юристы, купцы, ремесленники, крестьяне и т.д.)³⁸, и второй — в виде короны с «драгоценными камнями и цветами»³⁹, также соответствующими разным категориям населения и даже целым городам и замкам:

*What doþ a kynges crowne signyfyе, Что означает королевская корона,
Whan stones and floures on sercle is bent? В которой камни и цветы в
венце собраны?*

Lordis, comons and clergie <...> Лорды, общины и духовенство

What signyfyеþ þe stones aboute? Что означают камни в венце?

Richesse, strengþe, and gret bounte, Богатство, силу и добродетель,

*Oure townes and castels, þe reme wiþ oute, Наши города и замки на гра-
ницах,*

þey are oure stones of gret pouste⁴⁰. Они — наши крепкие камни.

Как в первом случае автор описывает «болезни» этого организма и способы борьбы с ними, так и во втором — предостерегает от разруше-

³⁶ Ibid. P. 72.

³⁷ Ibid. P. 159.

³⁸ Такое деление, как отметил Л. Вергей, необычно. В Средние века выделялось три сословия (духовенство, дворянство, крестьянство), анонимный поэт пошел дальше, предложив более детальное деление. См.: *Verbeij L.J.Ph. Where of is mad al mankynde...* P. 46.

³⁹ Ibid. P. 143.

⁴⁰ Ibid.

ния короны, которую «потом будет сложно собрать воедино» (Hit were ful hard azen to knet)⁴¹. Главные опасности, подстерегающие это «тело», в представлениях нашего автора, кроются в восстаниях⁴², смутах и беспорядках, ересях и вторжении врагов⁴³. Избежать их можно только через исправление морально-нравственного облика людей и разумное управление.

Среди всех слоев населения наш поэт уделяет большое внимание «общинам» (comouns), о чем в историографии упоминалось неоднократно и даже навело исследователей на мысль об особой симпатии автора к ним, а может быть, и непосредственной принадлежности⁴⁴. К такому выводу историков привело сравнение в поэмах «общин» с «лучшими цветами в короне». Они, по мнению автора, составляют главное богатство государства, несут службы, платят налоги, содержат короля. А рецепт всеобщего блага выглядит следующим образом:

Old speche is spoken zore: Древняя мудрость гласит:
What is a kyngdom tresory: В чем состоит богатство королевства:
Bestayle, corn stuffed in store, Скот и зерно в запасе,
Riche comouns, and wyse clergy; Богатые общины и мудрое духовен-
ство,
Marchaundes, squyers, chiuallry Купцы, помещики и рыцарство,
That wol be redy at a res, Всегда готовое к походу,
And cheualrous kyng in wittes hyze, И доблестный король с великой
мудростью,
To lede in were, and gouerne in pes⁴⁵. Ведущий на войну и правящий в
мире.

Однако поэт жалеет, что в жизни все выглядит иначе: «лорды никогда не знают, что печалит общины» (Lordis wet neuere what comouns greues)⁴⁶. Поэтому «общины» часто страдают от притеснения лордов, гражданских беспорядков, неприятелей и т.д.

⁴¹ Ibid. P. 144.

⁴² Стоит предположить, что автор либо сам помнил, либо знал из рассказов современников о восстании Уота Тайлера, которое в интеллектуальной среде воспринималось, как страшная трагедия. К этой теме также обращался и Д. Гауэр.

⁴³ Беды, которые могут постичь королевство, подробно описаны в поэме «Truth, Rest and Pease», однако две (восстания и нападения врагов) встречаются и неоднократно. *Verbeij L.J.Pb. Where of is mad al mankynde... P. 83–91.*

⁴⁴ Начиная с Д. Кейла, все исследователи поэм отмечали особое отношение анонимного поэта к «общинам».

⁴⁵ Ibid. P. 85.

⁴⁶ Ibid. P. 86.

В этих анонимных поэмах мы впервые в политической поэзии встречаем формулу: «благополучие общин — благополучие королевства», что придает им особую ценность⁴⁷. Но наш автор вряд ли так симпатизирует «общинам», как это кажется на первый взгляд. Он пишет, что самым страшным бедствием, которое может обрушиться на королевство, будет их восстание и страх перед ним чувствуется при каждом упоминании этой категории населения. Детальное описание страданий и притеснений «общин», скорее всего, — попытка объяснить королю и лордам ужасные последствия их неправильной политики. Поэтому поэт призывает лордов вести себя справедливее по отношению к общинам, не угнетать их, не чинить каких-либо бесчинств. Общины — это главный источник дохода короны, как отмечает автор.

У современных исследователей возникает вопрос: кого конкретно автор включал в категорию «*commoners*»? Кого он так сильно опасался? Как отметила в свое время Н.А. Богодарова, социальный смысл этого понятия в поэмах не совсем ясен, но его употребление вместе с рыцарями и духовенством наталкивает на мысль, что имелась в виду нижняя палата парламента⁴⁸. Однако в упомянутой выше «древней мудрости», которую приводит автор поэм, «общины» противопоставлены духовенству, рыцарям, купцам и эсквайрам. В знаковой поэме «О строении человеческого тела» (*The descriuung of bmannes membres*)⁴⁹ мы вообще не встречаем этого понятия, а целый спектр социальных и профессиональных групп: духовенство (*presthod*), лорды (*lordis*), рыцари (*кнuztes*), эсквайры (*squyers*), крестьяне (*зemen*), юристы (*men of lawe*), купцы (*marchaundes*), ремесленники (*craftes*), пахари (*plough*), слуги (*hуne*). Все эти категории населения, в представлении автора, приносят пользу королевству. Даже в случае с купцами, которых он упрекает в наживе, все равно отмечает их рвение к украшению городов: «Строят высокие дома из извести и камня, / Содержат бурги, городишки и города, / Прославляют и почитают место, где живут...» (*Make hize houses of lym and ston, / Mayntene burghe, toun and cyte, / Welpe and worschип in here won...*)⁵⁰. Тоже и слуги, без которых не обойдется ни один господин (*Wif out seruant lyue not alon*)⁵¹. А сельские жители, в

⁴⁷ Богодарова Н.А. Городские мотивы в английской политической поэзии XIV — начала XV в. // Сб. Средние века. Вып. 45. М., 1982. С. 99.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Ibid. P. 161–166.

⁵⁰ Ibid. P. 163.

⁵¹ Ibid. P. 164.

его представлениях, вообще идеализированы. Они трудятся весь день, умерены в еде и не вкушают спиртного, только если во время причастия (*But after howsel, þey drynke no wyn*)⁵².

Все эти наблюдения в использовании термина «общины» наводят на мысль, что наш анонимный поэт подразумевал не только нижнюю палату парламента, но и в целом непривилегированные сословия. О том, что это собирательная категория, говорит и факт отсутствия в детальном описании общества термина «общины», а также постоянное противопоставление ему привилегированных сословий (короля, лордов и духовенство).

На противоположном от «общин» полюсе автор поэм ставит короля и лордов. Власть короля у него уподоблена власти Бога: «Как и Господь, на земле король имеет могущество» (*As a God, in erþe a kyng haþ myzt*)⁵³. Однако: «Он (король. — С. 3.) должен сделать Господа своим соправителем / И не руководствоваться только лишь своими желаниями» (*He muste make God his partener, and do not his owen wille*)⁵⁴. Политико-правовая традиция Англии к этому времени была уже знакома с понятием о личности и качествах государя. Большой популярностью в интеллектуальной среде пользовались соответствующие трактаты Фомы Аквинского «*De regimine principum ad Regem Surti*» (написан ок. 1266 г.) и Эгидия Колонны «*De regimine principum*» (ок. 1277 г.). Последний был популярен как в латинском варианте, так и в переводах. Под влиянием этих произведений служащий ведомства Лорда-хранителя Большой королевской печати Томас Хокклив (ок. 1368–1426) написал свою поэму-трактат «О правлении государей» — первую поэму на английском языке, посвященную рассуждениям о государе⁵⁵. Другой известный поэт, вероятно, юрист по образованию, Джон Гауэр (ок. 1330–1408), также неоднократно обращался к образу идеального государя в своих произведениях. Оба поэта сошлись в том, что правителю необходимы, прежде всего, мудрость, справедливость и соблюдение закона⁵⁶.

⁵² Ibid. P. 164.

⁵³ Ibid. P. 145.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ См.: Богодарова Н.А. Образ государя в сочинениях Томаса Окклифа // Средневековый город: Саратов, 1991. Вып. 10. С. 74–84.

⁵⁶ См.: Ed. G. C. Macaulay. *The Complete works of John Gower*. Oxford, 1902. P. 3–313.

«*Imperium Regis non solum bella triumphis
 Ornant, sed leges seruet vbique bonas*». Ibid. P. 244.

«*Est tibi rex, melius quod te de lege gubernes,
 Subdere quam mundi singular regna tibi*». P. 248.

Iuraque dans plebe, des ita iura tibi. P. 248.
Micius acta regas, aliter nisi causa requirat.

Король в поэмах из манускрипта «Дигби 102» представлен в типичном для своего времени образе, как рыцарственный и мудрый монарх, окруженный мудрыми советниками. Но его рыцарственность автор связывает не только с исполнением военных обязанностей, защитой населения, а также сохранением закона, справедливым судом, повсеместным внедрением и соблюдением рыцарского кодекса. Кроме того, как считает поэт, он должен быть добродетельным и бесстрашным — «ибо человек, живущий добродетельной жизнью, бесстрашен по своей природе» (Wel Iuyng man: hardy of kynde), он должен «бесстрашно защищать и атаковать» (And boldely dar fende and assayle) и чтобы сохранить доброе имя — «следовать мудрому совету» (What kyng that wol haue good name, He wol be lad by wys counsayle)⁵⁷.

Однако в сохранении мира и процветания королевства государю помогает его окружение, прежде всего советники:

*zifrou be kyngis chaunceller, Если ты будешь королевским канцлером,
Кере þe crowne hool in stat; Храни корону в целости,
zifrou be kyngis counselere, если ты будешь королевским советником,
Loke no stones þerof abate⁵⁸. Посмотри, чтобы камней в ней не стало меньше.*

Поэт предостерегает от глупых и говорит о пользе мудрых советов. Залогом благополучия же, по его мнению, является разум, идущий от Бога, и господствующий над желанием (Let wyt be lord aboue zouge wille). В политических произведениях рубежа XIV—XV вв. тема мудрых советников присутствовала постоянно, однако только здесь мы видим рассуждение об опасности исполнения долга советника короля. Его положение при дворе непрочно, напоминает анонимный поэт, а падение зависит не только от дурного совета, но и от наветов соперников и собственной жадности⁵⁹. Поэтому автор поэм предупреждает:

*þe wyseman his sone forþed Мудрый человек своему сыну должен запретиť
Masoun craft and alle clymbyng, Ремесло каменника и любое лазание,
And shipman craft, for þerile of dede, И ремесло шкипера, из-за риска погибнуть,*

⁵⁷ Ibid. P. 86.

⁵⁸ Ibid. P. 110–111.

⁵⁹ Ibid.

*And preuey in counseil be neu3 no kyng*⁶⁰. И в тайном совете быть рядом с королем.

Идея ответственности звучит не только для советников, но для самих королей и лордов. Первый отчет они должны дать перед Богом за то, чем владеют (*And land and see, and ryne and blis. / God wole haue rekenyng, uwys <..> Of ryht and wrong, how it is went.*)⁶¹. Второй — перед общинами, так как дела и вся жизнь их, увещевает поэт, станут рано или поздно известны:

On a towntaune a sete may not be hyd, Как место на горе не может быть сокрыто,

Ne lordis werkis in no degre. Так и господские дела ни в какой степени. A lordis werkis wif comouns is kynd, Господские дела общинам известны,

Pat he dof most in preuete. Даже те, которые они вершат втайне.

*Gouernour of kyngdom or Cyte, О правителях королевства или Города After þey lyue men deme so*⁶². Люди судят по их жизни.

Отношение власти с обществом выстраивается по нескольким направлениям, но самым важным и болезненным по праву можно назвать соблюдение закона и суд. «Сохраняй закон — и народ не восстанет» (*And lawe be kept, no folk nyl ryse*)⁶³ — призывает автор поэм. Тема суда присутствует в нескольких поэмах перманентно, что говорит не только о ее популярности (со времен Эдуарда III появилось огромное количество песен и поэм на английском, латинском и французском языках, в которых осуждались взяточничество и волокита в королевских судах), но и восприятию автором «справедливого суда», как одной из важных составляющих процветания королевства. В поэме «Правда, покой и мир» (*Treuth, reste and pes*)⁶⁴, где речь идет о духовном очищении, мы встречаем и описание судебного процесса: «Тот, кто ведет расследование или выносит приговор, пусть не нарушает закон за вознаграждение или плату. В качестве хозяина и господина не поддерживает несправедливость». В случае нарушения этих истин автор пугает «адским огнем — единственным вознаграждением за это» (*That haldeþ questes or assise, þat take or zeueþ fee or hire, Lette not lawe fro rizt gyse, Ne mayntene wrongis as master and sire. þey*

⁶⁰ Ibid. P. 111.

⁶¹ Ibid. P. 72.

⁶² Ibid. P. 111.

⁶³ Ibid. P. 73.

⁶⁴ Ibid. P. 83–91.

may be ferd for helle fire, To ete here neyzebores at here mete. þat lyf shal not euere more dure; Ffor-þу, wiþ god of pes ze trete)⁶⁵. Человек, наделенный властью, должен выносить приговор, по мнению анонимного поэта, руководствуясь законом и в соответствии с правдой и справедливостью, которые имеют следующий иерархический порядок:

*Trouþe is messenger to ryzt, Правда — это посланник к праву,
And ryzt is counseille to lustice; a право — совет Справедливости.
Iustice in Goddis stede is dyzt. Справедливость на Божье место поставлена,
Do euene lawe to foolle and wyse, Применяй право равно к глупцам и мудрецам,
Set mesure in euene assise, Сохраняй меру в каждом приговоре,
The rizte weye as lawe ges. Верный путь — путь закона.
And lawe be kept, folk nyl not ryse; И там, где будут хранить закон, народ не восстанет,
That kyngdom shal haue reste and pes⁶⁶. Королевство будет жить в покое и мире.*

В этой иерархии понятий «правда» поставлена на главное место, она воплощается в праве, которое контролируется «справедливостью». Подобную схему мы видим и у Д. Гауэра, где «справедливость» воспринимается, как категория, необходимая для установления правом «правды» или «истины» и для репрезентации власти короля⁶⁷. Популярность данной идеи была связана с падением авторитета местных и центральных судов в конце XIV в.

О королевском суде поэт отдельно не пишет, но в ряде произведений можно увидеть явные отсылки к нему. Судебная деятельность государя в поэме «Господи, храни нашего короля и корону» (God kere oure Kyng and saue the Groune)⁶⁸ поставлена на одно из центральных мест. Король, утверждает автор, должен быть праведным судьей, тогда он может сохранить королевство. Право судить, как и власть, дается королям от Бога. При вынесении королем приговора, чтобы соблюсти справедливость, он

⁶⁵ Ibid. P. 84.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Показателен призыв поэта к королю в поэме «Глас вопиющего»:

«O rex, ergo tui detergas criminal regui,

Et rege discretus que tibi suadet opus;

Perdita restaures communia iura, que leges

Ad regnum reuoca, crimen et omne fuga». The Complete works of John Gower. P. 265.

⁶⁸ Ibid. P. 142–148.

должен выслушать обе стороны и наказать клеветника⁶⁹. Здесь автор отсылает нас к состязательности сторон, на отсутствие которой часто жаловались предшественники и современники поэта. В случае, если в судах будут по-прежнему твориться несправедливость и взяточничество, то государство ждет «большая опасность, так как восстанут общины» (Ffor fawte of lawe zif comouns rise, / Pan is a kyngdom most in drede)⁷⁰, отсюда, заключает автор поэм, процветание королевства возможно тогда, когда соблюдается закон и вершится справедливый суд.

В поэме «О строении человеческого тела» (The descryuyng of bmannes membres)⁷¹ король уподобляется голове, которая управляет ртом, носом, глазами и ушами (Pe heued y likne to a kyng, For he is lord souereyn of al. Наф foure to his gouernyng: Mouф and nose and eyen wifal, Eryn fayre to his heryng)⁷². Голову с телом соединяет шея, в представлении автора, — это справедливость (Iustice), позволяющая королю «судить в соответствии с правом» (pat demef гу3т)⁷³. Показательно, что ниже шеи, в районе груди, автор поместил «честное духовенство» (presthod in good degre)⁷⁴. Далее идут лорды, рыцари, сквайры, йомены, и только ниже их упомянуты юристы, как ребра этого организма. Такое положение и отношение к «справедливой» шее кажется любопытным, так как ближе всего к суду (так как используется глагол «demef», т. е. судить, выносить судебный приговор) стоит духовенство, а не юристы. Это вполне объяснимо, если вспомнить о присутствии духовных лиц в различных судебных комитетах парламента и канцелярии.

Справедливый суд, в представлениях автора поэм, наравне с защитой своих подданных от неприятеля и мудрого управления является главной обязанностью короля, исполнение которой принесет мир и покой в королевстве. Описание подобного суда напоминает процедуру судебного разбирательства в королевской канцелярии, что наводит на мысль о знакомстве нашего автора не только с парламентскими делами, на что обращали внимание исследователи, но и с работой канцелярии. Именно

⁶⁹ zif suche a tale tellere were
 To a kyng aпрауre a mannys name,
 The kyng schulde boфe partyes here,
 And punysche pe fals for defame.

⁷⁰ Ibid. P. 84.

⁷¹ Ibid. P. 161–166.

⁷² Ibid. P. 162.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Ibid.

в этот суд со второй половины XIV в. начинают активно подавать прошения горожане и простые держатели в манорах, которые потеряли надежду найти правосудие в местной курии. Как отметил еще А.Н. Савин, канцелярия короля — первый судебный институт, который начал принимать дела против лордов⁷⁵. Может быть, наши «общины», которые нужно защищать — это и есть те самые горожане и держатели, обиженные своими лордами и идущие за помощью к королю? Именно их восстание, которого так боится поэт, напоминает ему запечатленное в памяти людей восстание Уота Тайлера, в котором были представлены различные категории королевских подданных.

---

⁷⁵ Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. 2-е изд. М., 2012. С. 213.

REFERENCES

1. A catalogue of Western manuscripts at the Bodleian Libraries and selected Oxford colleges // https://medieval.bodleian.ox.ac.uk/catalog/manuscript_4224
2. *Barr H.* The Piers Plowman Tradition. A Critical Edition of «Pierce the Ploughman's Crede», «Richard the Redeless», «Mum and the Sothsegger», and «The Crowned King». L., 1993.
3. *Bergström-Allen J.* Heremitan et Ordinis Carmelitarum. A Study of the Vernacular Theological Literature Produced by Medieval English Whitefriars, Particularly Richard Misyn. O. Carm.// <http://www.carmelite.org/jnbba/thesis.htm>
4. *Bogodarova N.A.* Gorodskie motivy v anglijskoj politicheskoj poezii XIV — nachala XV v. // Sb. Srednie veka. Vyp. 45. M., 1982. S. 81–103.
5. *Bogodarova N.A.* Obraz gosudarya v sochineniyah Tomasa Okklifa // Srednevekovyj gorod: Saratov. 1991. Vyp. 10. S. 74–84.
6. *Bossy M-A.* Medieval Debates of Body and Soul // Comparative Literature. Vol. 28. No. 2 (Spring, 1976). Duke University Press on behalf of the University of Oregon. 1976. P. 144–163.
7. *Bryson W.H.* Introduction // Reports of cases in the Court of Chancery in the Middle Ages (1325–1508). Richmond, Virdginia, 2016.
8. *Coleman J.* English Literature in History 1350–1400. Medieval Readers and Writers. London, 1981.
9. *Craster E.* History of the Bodleian Library 1845–1945. Oxford, 1952.
10. *Dmitrieva O. V.* Tomas Bodlej i pervaya publichnaya biblioteka v Evrope // Kniga v kul'ture Vozrozhdeniya. Sb. st. pod red. L.M. Braginoj. M.: Nauka, 2002. C. 198–210.
11. *Dodd G.* Reason, Conscience and Equity: Bishops as the King's Judges in Later Medieval England // History. Vol. 99. 2014. P. 213–40.
12. *Ed. H. Barr.* The Digby Poems. A new edition of the lyrics. Exeter: University of Exeter Press, 2009.
13. *Henderson E.G.* Legal Right to Land in the Early Chancery // The American Journal of Legal History. Vol. 26. No 2 (Apr., 1982). P. 97–112.
14. *Kennedy R.* Strong-Stress Metre in Fourteen-Line Stanza Forms // Parergon ns 18. P. 127–155.

15. *Madan F., Craster H.H.E.* A Summary Catalogue of Western Manuscripts in the Bodleian Library at Oxford Vol. I. Oxford, 1922.
16. *McGarry L.* The Holy Eucharist in Middle English Homiletic and Devotional Verse. Washington, 1936.
17. Medieval English Political Writings. Ed. , J. M. Kalamazoo. MI. 1996.
18. *Nuttall J.* The Creation of Lancastrian Kingship. Cambridge, 2007.
19. *Parkes M.B.* English Cursive Book Hands: 1250–1500. Oxford, 1969.
20. *Pearse E.H.* Willeam de Colchester. Abbot of Westminster. L., 1915.
21. *Peck R.A.* Social Conscience and the Poets // Social Unrest in the Middle Ages. Ed. F. X. Newman. Binghamton. NY, 1986. P. 113–148.
22. *Robbins R.H.* Middle English Poems of Protest. Anglia 78. 1960.
23. *Robbins R.H.* XIII Poems Dealing with Contemporary Conditions // A Manual of the Writings in Middle English (1050–1500). Vol. 5. Ed. A. E. Hartung. New Haven, 1975.
24. *Rogers D.* The Bodleian Library and its Treasures 1320–1700, Henley-on-Thames, 1991.
25. *Saprykin Yu.M.* Social'no-politicheskie vzglyady anglijskogo krest'yanstva v XVI–XVII vv. M., 1972.
26. *Savin A.N.* Anglijskaya derevnya v epohu Tyudorov. Izd. 2. M., 2012.
27. *Scattergood V.J.* Politics and Poetry in the Fifteenth Century. L., 1971.
28. The Complete works of John Gower. 12. Ed. G. C. Macaulay. Oxford, 1902.
29. *Tucker P.* The Early History of the Court of Chancery: A Comparative Study // The English Historical Review, Vol. 115. No. 463 (Sep., 2000). P. 791–811.
30. Twenty-Six Political and other Poems from the Oxford MSS. Digby 102 and Douce 322, Ed. J. Kail. L., 1904.
31. *Verheij L J.* New Light on the Autor of the Twenty-Four Poems in Oxford, Bodleian Library, Digby 102 // Neophilologus. 2012. P. 641–649.
32. *Verheij L.J.Ph.* Where of is mad al mankynde. An Edition of and Introduction to the Twenty-Four Poems in Oxford, Bodleian Library, MS Digby 102. Faculty of Humanities, Leiden University, 2009.

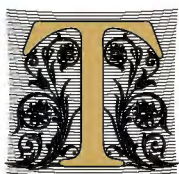

Ключевые слова:

Политическая поэзия, Средневековая политическая мысль, королевская канцелярия, канцлерский суд, Вестминстерское аббатство, справедливость.

Sergey A. Zakharov

GOVERNMENT AND SOCIETY AS DEPICTED IN ENGLISH ANONYMOUS POEMS OF THE FIRST QUARTER OF THE XV CENTURY

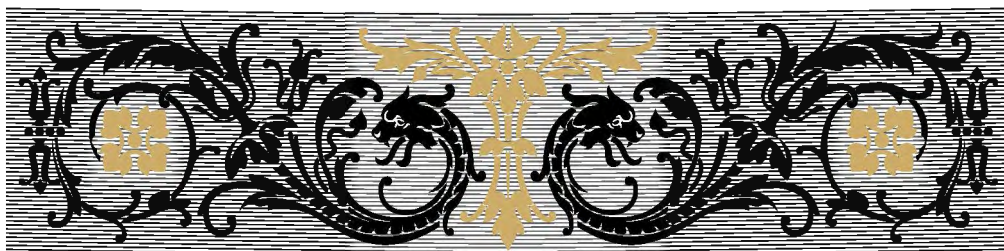
The article is devoted to the analysis of twenty-four religious-political English poems of the beginning of the 15th century from the MS «Digby 102» (Bodleian Library of Oxford). During one hundred years that have passed since their first publication and introduction into scientific circulation, authorship was mistakenly attributed to a «cleric or abbot, member of parliament». However, studies of recent years have convincingly shown that their author was not associated with parliament, but most likely belonged to the brethren of Westminster Abbey and served in King's Chancery. In the history of this institution, the end of XIV — beginning of XV was the time of the expansion of its functions, including judicial. The trial in the Chancery Court was based on the principles of «conscience» and «equity», which distinguished it from the courts of common law. In historiography, there is still no consensus about the origin of this type of legal proceedings, and the lack of direct sources makes the problem practically insoluble. Anonymous poems by the Chancery's clerk of this time can shed light on the early history of the chancellor's court. One of the main issues raised in them, was the relationship of government and society. The poet advocated the prosperity of the state, which, he said, depends on the moral condition of people and reasonable ruling. According to an anonymous author, the judicial activities of the king play an important role in the relationship between government and society. A fair trial, as the clerk believed, can prevent the rebellion of «communities», one of the worst disasters in the kingdom.

Key words: Political poems, Medieval political thought, King's Chancery, Court of Chancery, Westminster Abbey, Equity.

Sergey A. Zakharov — head of Moscow Kremlin Museums methodology department.

 Захаров Сергей Александрович

заведующий методическим сектором Музеев Московского Кремля

М.Г. Ракитина
Л.В. Соловьева

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ СОФЬИ ПАЛЕОЛОГ В ПРИГЛАШЕНИИ ИТАЛЬЯНСКИХ АРХИТЕКТОРОВ ДЛЯ ПЕРЕСТРОЙКИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

личность второй жены Ивана III византийской принцессы Софьи Палеолог, именуемой в источниках титулом «деспина», неоднократно привлекала внимание историков. Политическая и идеологическая составляющая брака московского великого князя и племянницы византийского императора не подлежит сомнению. Но влияние Софьи Палеолог на политику Ивана III то преувеличивается, то полностью нивелируется. Так, русские историки XIX в., начиная с Карамзина, пытались приписать византийской принцессе чуть ли не ключевую роль в резком смене курса Иваном III во взаимоотношениях Московской Руси с Ордой, а также в принятии решения великим князем перестроить Московский Кремль с привлечением итальянских архитекторов. Советская историческая наука в основном сохраняла прежний взгляд на значимость вклада византийской принцессы в утверждение независимости Московского государства и репрезентации власти великого князя. В последнее время наблюдается противоположная тенденция, например, видный специалист по русско-итальянским отношениям, автор книги «Софья Палеолог»¹, Татьяна Матасова считает, что

¹ Матасова Т.А. Софья Палеолог. М., 2016.

Иван III.
Западноевропейская гравюра XVI в.

Софья Палеолог. *Реконструкция*
С.А. Никитина. ММК НВ-2338/1-2

«карамзинская оценка вклада Софьи в дело государственного строительства и культуры» устарела². Матасова во время своих публичных лекций в ГИМе и выступлений на радио «Вера» не раз заявляла, что деспина не принимала никакого участия в государственных делах мужа, была поглощена семейными заботами, частыми беременностями и воспитанием многочисленных детей. По ее мнению, Софья никоим образом не могла повлиять на приглашение итальянских специалистов в Россию, называемых на Руси «фрязями». Матасова аргументировала это тем, что все итальянские архитекторы, приглашенные в Москву, происходили из северной Италии и в Риме, где при папском дворе жила Софья, они не работали, а значит, не могли контактировать с византийской принцессой. Историк отмечает также возможность знакомства Софьи с известным болонским архитектором и инженером Аристотелем Фиораванти до 1475 г., т.е. до его прибытия в Москву для строительства Успенского собора. С этим утверждением Татьяны Матасовой мы категорически не согласны.

² Матасова Т.А. Некоторые истоки «положительного» образа Софьи Палеолог в российской историографии / Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. МГУ. М., 2017. С. 90.

Из биографии Софьи Палеолог известно, что она прибыла в Италию в мае 1465 г., к тому времени ее родители уже умерли, и принцессу вместе с братьями взял под свое покровительство римский папа Павел II. Непосредственно воспитанием племянников последнего византийского императора руководил кардинал Виссарион, грек по происхождению, известный книжник и сторонник Флорентийской унии. Сохранились его письма, где он излагает программу занятий и правила жизни своих подопечных, указывает, как обустроить их двор, как экономно распорядиться денежными средствами, как благодарить своих покровителей³.

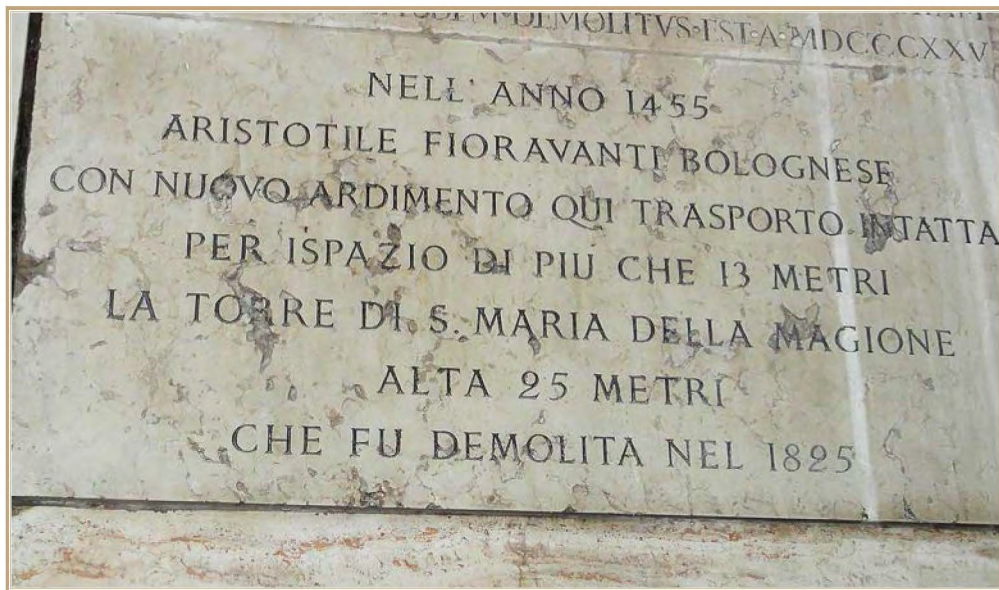
Византийская принцесса прожила в Риме семь лет вплоть до своего замужества, она покинула папскую столицу 24 июня 1472 г. В это время в Риме ведутся крупномасштабные строительные работы, перестраиваются базилика Святого Петра и Ватиканский дворец, чинятся древние крепостные стены, возводятся внушительные общественные здания и дворцы знати. Для обновления облика папской столицы приглашаются архитекторы и инженеры со всей Италии, их деятельность вызывает живейший интерес у жителей города, их постройки и замыслы обсуждаются и критикуются. Архитектор воспринимается уже не как безымянный мастер, чья скромная персона заслонена весомой фигурой знатного заказчика. Архитектор эпохи итальянского Ренессанса — это самостоятельная самоценная личность. Ренессансный зодчий, как правило, великолепно знает свое дело, он разносторонне образован, он умеет вести светскую беседу, и за свои творения он получает не только плату, но приобретает славу и известность, его имя остается в памяти потомков, как имена античных художников. Он, конечно, по социальному статусу стоит чуть ниже, чем его знатный заказчик, и он вынужден подчиняться требованиям своего повелителя, но он вхож в окружение венценосной особы не как слуга, а как почти равноправный собеседник и советчик. Под это описание очень подходит архитектор Аристотель Фиораванти, о котором сохранились отзывы, как о человеке широко образованном, приятном в общении и умевшем достойно и вежливо вести себя, как при дворе миланского герцога, так и на приеме у римского папы⁴.

Приглашение болонского инженера Аристотеля Фиораванти для строительства Успенского собора в Московском Кремле явно было связано с Софьей Палеолог. Ее воспитатель кардинал Виссарион, несо-

³ Пирлин П.О. Россия и Папский престол. М., 2012. С. 165–166.

⁴ Земцов С.М., Глазьев В.А. Аристотель Фиораванти. М., 1985. С. 44–45.

Памятная доска на месте передвинутой Аристотелем Фиораванти колокольни.
 Болонья, Италия

мненно, рассказывал ей и ее братьям об уникальном мастере, умевшем передвигать башни и поднимать тяжелые колокола при помощи хитроумных инженерных приспособлений (конструкций). Виссарион курировал дела папского государства в Болонье, в 1453 г. по заказу папского легата был отлит новый большой городской колокол, который было поручено поднять на высокую башню Аристотелю. Он соорудил хитроумную лебедку и при помощи этого приспособления выполнил заказ. Как считают многие исследователи, именно тогда кардинал Виссарион лично познакомился с талантливым болонским инженером⁵. Через два года кардинал вручил Аристотелю премию в пятьдесят золотых флоринов от папы Николая V за еще одно инженерное чудо. Властям Болоньи для расширения городской дороги мешала колокольня старой церкви Санта Мария Маджоре, высота которой превышала 25 метров, а фундамент залегал на глубину 5 метров⁶. Сносить колокольню не хотели, и перед Аристотелем поставили задачу переместить здание. При помощи специальной платформы ему удалось в течение четырех дней передвинуть колокольню на 13 метров, не разбирая ее, и освободить пространство для строительства. После этого уникального и сложного инженер-

⁵ Снегирев В.А. Аристотель Фиораванти и перестройка Московского Кремля. М., 1935. С. 31.

⁶ Cappelli F. Aristotele Fioravanti l'uomo che muove le torri / Medioevo. N 2 (205), Febbraio, 2014.

ного решения, которое и в наше время считается трудоемким, имя болонского архитектора и инженера стало известно по всей Италии⁷. Его так и называли «мастер Аристотель, который двигает башни». Странно было бы, что кардинал Виссарион не рассказывал своим воспитанникам о знаменитом болонском архитекторе. Причем сам Фиораванти бывал в Риме, его приглашали папы Николай V, Павел II и Сикст IV для передвижения (перемещения) или переноса тяжелых колонн, саркофагов и обелисков. Архитектор не раз удостоивался папской аудиенции, что также обсуждалось и становилось известным папскому окружению, в которое входили и Палеологи. Примечательно, что Фиораванти посещал Рим в 1471 и 1472 гг., когда там еще жила Софья. Если не сама Софья была лично знакома с Аристотелем, то ее окружение и свита знали болонского архитектора. Например, Константин Гаврас, который уже в Москве постригся под именем Кассиан и основал на севере на реке Учме монастырь. Константин Гаврас был великолепно образованным человеком, который, несомненно, будучи в Риме, был в курсе всех новостей и, конечно, осведомлен об удивительных технических приспособлениях, при помощи которых хитроумный болонский инженер передвигал тяжелые мраморные колонны и базальтовые обелиски.

Матасова утверждает, что одним из аргументов непричастности Софьи к приглашению итальянских архитекторов для перестройки Кремля является отсутствие в ее свите мастеров и строителей⁸. Действительно, летописи не упоминают, что в свите византийской принцессы, сопровождавшей ее в Москву, были специалисты стальных и палатных дел. С этим утверждением сложно поспорить. Скорее всего, это так и было. Иначе бы летописи сообщили о строительных работах под руководством «фрязей» уже сразу после приезда Софьи в 1472–1473 гг. Но это не исключает, что по совету византийской принцессы великий князь стал приглашать мастеров из Италии. А в них очень нуждалось молодое Московское государство. На службе великого князя еще до приезда «грекини» было несколько итальянцев, они выполняли дипломатические или торговые поручения, но только после женитьбы на Софье в Москву стали приезжать целые артели итальянских специалистов, и это были не только строители, но и литейщики, пушечники, рудознатоцы, ювелиры. Странно было бы считать, что Софья не имела

⁷ *Oechslin W.* La fama di Aristotele Fioravanti ingegnere e architetto / *Arte Lombarda*. N. 44/45. 1976. P. 102–120.

⁸ *Матасова Т.А.* Указ. соч. М., 2017. С. 94.

к их приглашению никакого отношения. Даже такой факт, что после приезда византийской принцессы в Москве образовалось целое поселение итальянцев — фрязей, способствовал дальнейшему прибытию в столицу итальянских специалистов разного профиля. Отправляясь в далекую Московию, они знали, что, несмотря на трудный и долгий путь, найдут там сообщество своих соотечественников и единомышленников. Есть свидетельства, что среди фрязей в Москве были и католические священники⁹, значит, во фряжской слободе располагались места для отправления католических богослужений. Таким образом, само присутствие Софьи в Москве способствовало приезду итальянских мастеров на Русь.

Софья приехала в Москву осенью 1472 г. Бракосочетание «грекини» с московским великим князем проходило 12 ноября во временной деревянной церквушке, устроенной на месте алтаря разобранного старого Успенского собора. Древний собор, возведенный в XIV в. при Иване Калите и митрополите Петре, к началу 1470-х гг. уже обветшал, его стены двинулись, встал вопрос о перестройке храма. Инициативу в свои руки взял митрополит Филипп I, он озаботился о денежных средствах и пригласил для строительства мастеров Кривцова и Мышкина. Им было указано взять за образец большой Успенский собор XII в. города Владимира. Весной 1472 г. древнюю церковь разобрали и начали строительство нового храма, который по замыслу мастеров должен был превышать владимирский образец. Приехавшая в тот же год Софья наблюдала почти все этапы строительства собора. Через два года стены нового храма были построены, оставалось только возвести своды. Но произошла катастрофа, во время небольшого землетрясения 20 мая 1474 г. рухнула северная стена собора. Были приглашены псковские мастера, они проинспектировали постройку, отметили некачественность известки, но отказались завершить строительство. И только после отказа псковичей великий князь поручает послу Семену Толбузину найти хорошего «муроля» в Италии. Именно Софья обратила внимание мужа на итальянских специалистов. До этого времени он привлекал к строительным работам то местных мастеров (Ермолин, Кривцов и Мышкин), то псковичей. Например, биографы Аристотеля Фиораванти полагали, что «участие Софьи в его приезде более чем вероятно»¹⁰. Великая княгиня вполне могла посоветовать

⁹ Гордеева А.И. Иван III Великий. Первый российский государь. Летопись жизни. М., 2008. С. 352, 386.

¹⁰ Земцов С.М., Глазьев В.А. Указ. соч. С. 85.

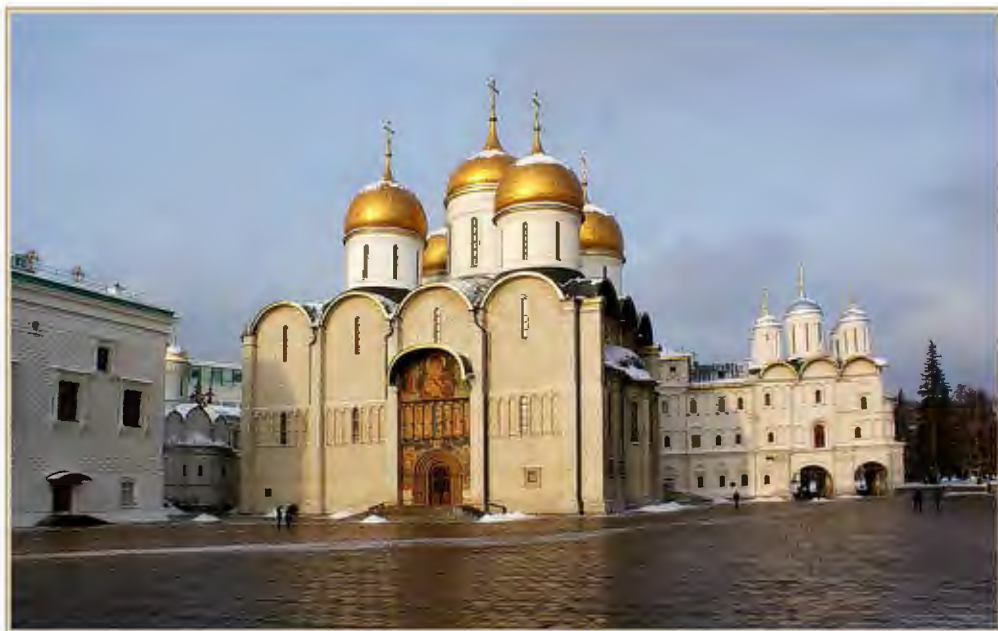

Аристотель Фиораванти руководит постройкой Успенского собора.
 Миниатюра. Лицевой летописный свод. XVI в.

обратиться к болонскому архитектору и инженеру, как специалисту по реконструкции уже возведенных зданий и выпрямлению покосившихся башен. По-видимому, в контракте было оговорено, что его нанимают для исправления и завершения постройки Кривцова и Мышкина. Примечательно, что летописец, описывая начало деятельности итальянца в Кремле, с удивлением констатирует, что зодчий отказался от завершения недостроенного храма, чьи три мощные стены были в приличном состоянии. (Обрушилась только одна северная стена.) Вместо этого он соорудил специальную стенобойную конструкцию и за неделю разобрал то, что «три года делали». Видимо, осмотрев постройку Кривцова и Мышкина, опытный строитель понял, что данная конструкция не подлежит исправлению и лучше ее разобрать и начать строительство заново.

Примечателен тот факт, что Аристотель Фиораванти занимал достаточно привилегированное положение в Москве. По сведениям венецианского посла Амброджо Контарини, посетившего Москву в 1476 г., дом архитектора находился вблизи великокняжеских хором в Кремле, его ча-

Успенский собор Московского Кремля

сто принимали у себя Иван III и Софьи Палеолог¹¹. Контарини отмечает благосклонное отношение Софьи к Аристотелю. Возможно, их сближали общие воспоминания о жизни в Риме, о кардинале Виссарионе. Сам венецианец Контарини удостоился приема у великой княгини, которая обратилась к нему с «добрыми и учтивыми речами» на его родном языке. Данный факт свидетельствует о ее активном участии в придворных церемониях и приемах. Софья, вопреки утверждениям Матасовой, не замыкалась на домашних заботах и не занималась только вопросами деторождения и воспитания многочисленного потомства.

Аристотель Фиораванти закончил возведение нового Успенского собора летом 1479 г. Весной этого же года у Софьи родился первый ребенок мужского пола, долгожданный, вымоленный сын, названный Василием. Пройдет чуть более четверти века и Василий Иванович после смерти отца утвердится на московском престоле, он продолжит дипломатические контакты с Римом и будет приглашать итальянских зодчих. Именно тогда на Руси появятся необычные шатровые храмы, к возникновению которых приложили свою руку итальянские мастера¹².

¹¹ Земцов С.М., Глазьев В.А. Указ. соч. С. 78–79.

¹² Rossi F. Il contributo degli architetti italiani alla nuova architettura russa (XV–XVI secolo) concenazioni dell'antico, tradizione moscovita e stilemi rinascimentali / *Mitteilungen des Kunsthistorischen institutes in Florenz*, 60. Bd., H.1. Firenze 2018. P. 209–210.

Пьетро Антонио Солари. Мадонна. XV в.
Музей «Кастель Веккио». Милан

После завершения строительства Успенского собора великий князь не отпустил Аристотеля Фиораванти на родину в Италию, он привлек его к организации пушечного производства в Москве. Летописцы отмечают, что Фиораванти в качестве военного инженера сопровождал Ивана III во время военных походов на Тверь и Новгород. Упоминания о болонском мастере пропадают из русских хроник после 1485 г., ученые объясняют это смертью престарелого архитектора¹³. По-видимому, Фиораванти принадлежит авторство проекта кардинальной перестройки стен и башен Московского Кремля. Этот проект воплотят в жизнь уже другие итальянские «муроли», они возведут стены крепости из большемерного кирпича, производство которого в Москве было основано Аристотелем Фиораванти.

На рубеже XV–XVI вв. над перестройкой Московского Кремля трудились многие итальянские зодчие. Среди них выделяется фигура скульптора и архитектора Пьетро Антонио Солари, выходца из знаменитой семьи миланских зодчих, ваятелей и художников. Пьетро Солари оставил о себе добрую память в Милане, до наших дней в городе сохранились его постройки, а в местном музее можно увидеть скульптуры его работы. Кстати, к приглашению Солари в Москву мог приложить руку и Фио-

¹³ Снежнев В.А. Указ. соч. С. 103.

Прием Иваном III посольства во главе с Андреем Палеологом.
Миниатюра. Лицевой летописный свод. XVI в.

раванги. Аристотель неоднократно бывал и работал в Милане, будучи в Москве, он не забывал о своих миланских связях. Известно, что Аристотель направлял письма миланскому герцогу, присылал ему в подарок ловчих птиц¹⁴. Он мог дать совет Ивану III обратиться к миланским архитекторам и привлечь их к строительству новой городской крепости. Интересно, что Пьетро Солари, второй после Фиораванти крупный итальянский мастер, принявший приглашение русского князя, приехал в Москву в 1490 г. вместе с большим посольством, во главе которого стоял брат Софьи Палеолог Андрей¹⁵. Несомненно, Андрей Палеолог был причастен к приглашению видного миланского архитектора на службу великому князю Ивану III.

Приехав в Москву, миланец сразу включился в перестройку Кремлевской крепости, над которой уже в течение пяти сезонов трудились его соотечественники Марк и Антон Фрязины. Они построили южную

¹⁴ Земцов С.М., Глазычев В.А. Указ. соч. С. 96.

¹⁵ Гордеева А.И. Указ. соч. С. 351.

Христос Пантократор. Образок с камеей на лазуристе в золотой оправе.

Византия, X в. Оправа, Россия, XV в.

Музеи Московского Кремля. ММК Соб-555. ДК-143. ЗВ-503.

линию обороны — стены и башни вдоль Москва-реки. Это строительство шло медленно, так как из-за близости воды приходилось вести сложные гидротехнические работы. Примечательно, что первая башня, возведенная Солари в 1490–1491 гг., — это Боровицкие ворота, которые тогда служили главным въездом на великокняжеский двор. Пьетро Антонио украсил ребра Боровицкой башни тремя белокаменными резными гербами, на одном из них помещен двуглавый орел — личный герб семьи Палеологов. Согласно традиции подобные геральдические изображения должны были украшать сундуки, кубки, наперсные иконы и другие предметы из приданого Софьи Палеолог. В собрании Оружейной палаты Московского Кремля хранится резной лазуритовый образ Христа Пантократора, на золотой оправе которого помещен двуглавый орел, что указывает на его принадлежность византийским императорам из династии Палеологов¹⁶. Историк архитектуры Дмитрий Петров высказал предположение, что иконографическим источ-

¹⁶ Стерлигова И.А. Византийские святыни и драгоценности московских государей / Наше наследие. № 93–94. М., 2010.

ником коронованного двуглавого орла на Боровицкой башне могли послужить геральдические изображения на личных вещах из приданого Софьи Палеолог¹⁷.

Таким образом, вышеизложенные свидетельства и факты дают нам право утверждать, что Софья Палеолог сыграла видную роль в деле приглашения итальянских архитекторов в Москву. Мы считаем, что знакомство Софьи с Аристотелем Фиораванти в Риме не подлежит сомнению. Сам же факт присутствия в Москве византийской принцессы вместе с греко-римским ее окружением способствовал приезду итальянских специалистов разнообразного профиля, так необходимых для укрепления и украшения столицы молодого независимого государства.

---

¹⁷ Петров Д.А. Материальные формы переноса информации о «тербе» Палеологов ко двору Ивана III / Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII Международной научной конференции. М., 2015. С. 352.

REFERENCES

1. *Cappelli F.* Aristotele Fioravanti l' uomo che muove le torri / Medioevo. N 2 (205), Febbraio, 2014. P. 1–6.
2. *Gordeeva L.I.* Ivan III Velikij. Pervyj rossijskij gosudar'. Letopis' zhizni. M., 2008.
3. *Matasova T.A.* Nekotorye istoki «polozhitel'nogo» obraza Sof'i Paleolog v rossijskoj istoriografii / Rus', Rossija: Srednevekov'e i Novoe vremja. Vypusk 5: Pjatyje chtenija pamjati akademika RAN L.V. Milova. MGU. M., 2017. S. 90–96.
4. *Matasova T.A.* Sof'ja Paleolog. M., 2016.
5. *Oechslin W.* La fama di Aristotele Fioravanti ingegnere e architetto / Arte Lombarda. N. 44/45. 1976. P. 102–120.
6. *Petrov D.A.* Material'nye formy perenosa informacii o «gerbe» Paleologov ko dvoru Ivana III / Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny i istochnikovedenie: sovremennye issledovanija i perspektivy razvitija. Materialy XXVII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. M., 2015. S. 351–352.
7. *Pirling P.O.* Rossija i Papskij prestol. M., 2012.
8. *Rossi F.* Il contributo degli architetti italiani alla nuova architettura russa (XV–XVI secolo) concenzioni dell'antico, tradizione moscovita e stilemi rinascimentali / Mitteilungen des Kunsthistorischen institutes in Florenz, 60. Bd., H.1. Firenze 2018. P. 209–210.
9. *Snegirev V.L.* Aristotel' Fioravanti i perestrojka Moskovskogo Kremlja. M., 1935.
10. *Sterligova I.A.* Vizantijskie svjatyni i dragocennosti moskovskih gosudarej / Nashe nasledie. № 93–94. M., 2010. S. 2–23.
11. *Zemcov S.M., Glazychev V.L.* Aristotel' Fioravanti. M., 1985.

Ключевые слова:

итальянские архитекторы, перестройка Московского Кремля, Софья Палеолог, Великий князь Иван III, Аристотель Фиораванти, приглашение итальянских мастеров, строительство собора, крепостные стены и башни.

Marina G. Rakitina, Larisa V. Solovieva.

ON SOFIA PALAEOLOGUS' ROLE IN THE INVITATION OF ITALIAN ARCHITECTS TO THE MOSCOW KREMLIN

The articles' authors enter a polemic debate with a few of contemporary historians regarding the thesis that the Grand Princess Sofia Paleologos did not have any influence over her husband Ivan III in the matter of inviting Italian architects to reconstruct the Moscow Kremlin.

If 19th century historians credited the Byzantine Princess with almost a domineering role in the state affairs of her husband, contemporary historians fall into a different extremity, completely denying her influence. A well-known specialist in Italo-Russian relations T.A. Matasova states, that Sofia Palaeologus, during her life in Rome, had no contacts with the Italian architects and was not in any way with their invitation to Moscow. According to Matasova, when she became a Grand Princess, she was preoccupied with giving birth and raising her numerous children.

The authors of this article point to Sofia's personal acquaintance with the architect Aristotle Fioravanti through her tutor — Cardinal Bessarion. Sofia's tutor personally knew Fioravanti and even accorded him with a special award for moving of a bell-tower in Bologna. Aristotle frequented Rome at the invitation of the Popes Paul II and Sixtus IV.

Even if Sofia had not personally met the brilliant engineer and architect from Bologna, her entourage knew Aristotle quite well. Sofia's ties with other Italian specialists can also be traced quite clearly, most notably with Pietro Antonio Solari, who came to Moscow in the retinue of her brother — Andrew Palaeologus.

The very fact of the Byzantine Princesses' journey from Rome to Moscow was a crucial factor in appearance of various Italian specialists at the Muscovite court, whose expertise helped rebuild and decorate the capital of the young, newly-independent country.

Key words: Italian Architects, the reconstruction of the Moscow Kremlin, Sofia Palaeologus, Grand Prince Ivan III, Aristotle Fioravanti, the invitation of Italian Masters to Moscow, cathedral construction, fortress, walls and towers.

Marina G. Rakitina — History PhD, staff member of the Lecture Department of the Moscow Kremlin Museums.

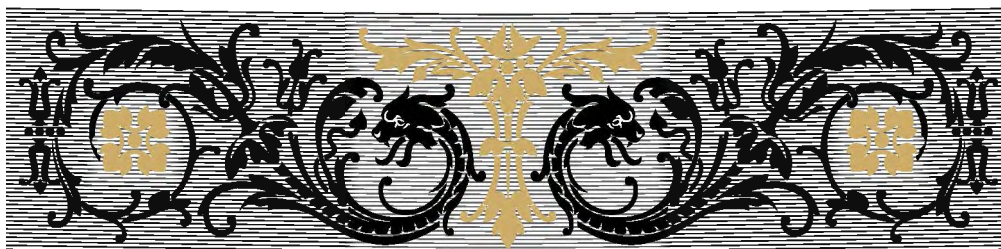
Larisa V. Solovyeva — Art Historian, staff member of the Tour and Methodology Department of the Moscow Kremlin Museums.

 Марина Гарриевна Ракитина

кандидат исторических наук, сотрудник лекционного отдела
Музеев Московского Кремля

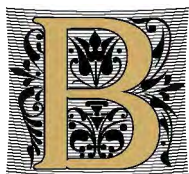
 Лариса Валентиновна Соловьева

искусствовед, сотрудник экскурсионно-методического отдела
Музеев Московского Кремля

В.А. Невежин

ОТПУСКНИК И.В. СТАЛИН: ЛЕЧЕНИЕ И ОТДЫХ НА КАВКАЗЕ В 1920-Е ГОДЫ

течение длительного времени оставался неизученным (а точнее, закрытым для исследования историков) вопрос о состоянии здоровья, отдыхе и лечении И.В. Сталина. Между тем в его жизни значительное место занимали именно поездки в отпуск на южные курорты Кавказа и

Крыма. С получением доступа к документам сталинского личного архива эта исследовательская лакуна начала заполняться¹.

¹ Монтефиоре С.С. Сталин: двор Красного монарха. М., 2005; Жилев В.И. Иосиф Сталин. Один отпуск — два уголовных дела // Родина. 2006. № 5. С. 69–74; Невежин В.А. Кавказские «симпозионы» Сталина // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа — IV. Материалы Региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 18–20 ноября 2011 г. Пятигорск, 2012. С. 267–276; Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015; Невежин В.А. Отдых одинокого вождя: поездка И.В. Сталина на Кавказ (1933) // Российская государственность в судьбах народов Кавказа — IX. Материалы Региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 24–25 ноября 2016 г. Пятигорск, 2016. С. 148–154; Он же. Как лечились большевики: Сталин на Кавминводах (1923 г.) // Российская государственность в судьбах народов Кавказа — X. Материалы Региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 24–25 ноября 2017 г. Пятигорск, 2017. С. 305–318; Он же. Хозяин-гость: путешествие Сталина по Кавказу (1926 г.) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Шко-

Однако на основании имеющейся научной и научно-популярной литературы есть возможность составить представление лишь об отдельных отпусках Сталина (продолжительность, места пребывания и т.д. и т.п.). Более того, один из авторов, А.Е. Артамонов, называющий себя «любителем истории», допустил целый ряд неточностей при описании этих сюжетов². Книга считающегося профессиональным историком С.С. Монтефиоре также изобилует неточными формулировками, серьезными ошибками, когда затрагивается тема отпусков И.В. Сталина. Поэтому для ее всестороннего изучения было необходимо внести некоторые коррективы и уточнения.

В предлагаемой статье предпринята попытка обобщить и конкретизировать имеющиеся сведения об отпусках И.В. Сталина, которые он проводил на юге. Учитывая недостаточную в целом степень изученности темы, а также сравнительно небольшой объем статьи, автор счел возможным ограничиться хронологическими рамками 1920-х гг. Предпринята попытка, во-первых, восстановить последовательность сталинских отпусков в обозначенный период; во-вторых, дать представление о тех видах транспорта, на которых И.В. Сталин ездил в отпуск, и о местах его пребывания на юге; в-третьих, восстановить историю его болезни, описать методы лечения и отношение пациента к медицинским процедурам; в-четвертых, представить сведения о том, как он проводил свободное от этих процедур время.

Автор выражает искреннюю признательность к.и.н. В.И. Жилияеву за информационную поддержку.

В качестве основных источников при написании статьи привлекались документы Политбюро ЦК РКП(б) (ВКП(б)), воспоминания, история болезни. Согласно утверждению С.С. Монтефиоре, по крайней мере, 10% от общего объема переписки И.В. Сталина, его соратников по большевистскому руководству и друзей приходилось на отпуска; еще 20% занимали обсуждения проблем со здоровьем³. Несмотря на недоказуемость подобного априорного заявления, оно заслуживает внимания. Во всяком случае, в предлагаемой статье активно использовались письма Сталина, других представителей большевистского руководства, а также лиц из обслуживающего персонала.

да Кавказского гостеприимства: перспективы развития и кадровое обеспечение». Пятигорск, 20–21 апреля 2018 г. Т.1. Пятигорск, 2018. С. 105–109.

² Артамонов А.Е. Госдачи Кавказских Минеральных Вод; тайны создания и пребывания в них на отдыхе партийной верхушки и исполкома Коминтерна: от Ленина до Хрущева. М., 2017.

³ Монтефиоре С.С. Указ. соч. С. 83.

По окончании Гражданской войны, когда ситуация в Советской стране начала стабилизироваться, большевики получили возможность вплотную заняться вопросами организации своего отдыха и лечения. Были предприняты попытки упорядочения медицинского обслуживания; при этом особое внимание уделялось партийной и государственной номенклатуре. В 1921 г. возникло Управление санитарного надзора, переименованное в 1922 г. в Санитарное управление Кремля при Управлении делами Совнаркома (Санупр Кремля). Основная задача Санупра состояла в организации лечебного и санитарного обслуживания Кремля, домов ВЦИК, СНК и ЦК РКП(б), учреждений, подведомственных ВЦИК и Управлению делами Совнаркома.

Постепенно определился круг лиц, подлежащих персональному обслуживанию в кремлевской больнице и в других лечебных учреждениях Санупра Кремля. С принятием Положения о Санитарном управлении Кремля и с определением обслуживаемого контингента был закреплен статус этого учреждения как органа при Правительстве РСФСР, позднее — при Правительстве СССР. Оно осуществляло организацию деятельности и руководство медицинским обеспечением сотрудников высших органов законодательной и исполнительной власти⁴.

Создавались санаторно-курортные учреждения для отдыха и лечения работников правительственных организаций, находившиеся в ведении ВЦИК и Совнаркома, а руководство их медицинской деятельностью возлагалось на Санитарное управление Кремля.

В Москву приглашались известные немецкие медики, которые проводили консультации совместно с российскими специалистами. В начале 1923 г. был создан Врачебный консилиум при ЦК РКП(б), который наблюдал за состоянием здоровья членов партии. Позднее возникла Лечебная комиссия ЦК. В ее компетенцию входила организация лечения советского партийно-государственного руководства как в СССР, так и за границей. Комиссия выдавала денежные пособия, помогала членам большевистской партии, временно потерявшим трудоспособность. За период 1923–1924 гг. через нее прошло более трех тысяч человек.

Большое внимание уделялось санаторно-курортным учреждениям для отдыха и лечения работников правительственных организаций, находившимся в ведении ВЦИК и Совнаркома, а руководство их медицинской деятельностью возлагалось на Санитарное управление Кремля.

⁴ Кремлевская медицина (От истоков до наших дней): От придворной медицинской службы до Медицинского центра Управления делами Президента Российской Федерации. М., 1997. С. 86–87.

В 1928 г. сеть санаторно-курортных учреждений, медицинское обслуживание которых осуществлялось Санитарным управлением Кремля, значительно расширилась. Помимо медицинских частей подмосковных домов отдыха в его ведении находились медицинские части домов отдыха ЦИК СССР, ВЦИК и СНК СССР РСФСР в Сочи, Крыму, на Кавказских Минеральных Водах. 1 октября 1928 г., в связи со значительными изменениями основных направлений деятельности, Санитарное управление Кремля было преобразовано в Лечебно-санитарное управление Кремля (Лечсанупр)⁵.

Все эти мероприятия напрямую касались представителей высшего партийно-государственного руководства, поскольку они нуждались в лечении, пройдя царские тюрьмы и ссылки, революционные события, Гражданскую войну. К их числу принадлежал и Сталин.

Имея в виду сталинские отпуска, С.С. Монтефиоре не без сарказма писал: «Прежде чем отправиться на отдых, нужно было совершить определенный ритуал. На одно из заседаний Политбюро формально выносился вопрос: предложить товарищу Сталину неделю отдыха. Правда, к концу двадцатых годов эта неделя увеличилась до двадцати дней, а потом “по предложению врачей” и до одного-двух месяцев»⁶. Здесь требуется уточнение. Вопрос о предоставлении Сталину недельного отпуска, упомянутый Монтефиоре, действительно был включен в повестку дня высшего партийного органа (15 ноября 1923 г.)⁷. Однако вряд ли этот отпуск (ввиду его краткосрочности) мог быть использован для поездки на юг на отдых. К тому же вторая половина ноября — не самое лучшее время для подобных поездок ввиду неблагоприятных погодных условий.

В таблице в хронологическом порядке представлена составленная нами на основе разнообразных источников информация о сталинских отпусках 1920-х гг., проведенных на Кавказе и в Крыму. Эти сведения дают основание для следующего вывода: продолжительные отпуска И.В. Сталина действительно обосновывались врачебными рекомендациями, как бы ни иронизировал по этому поводу С.С. Монтефиоре.

Помимо этого, как видно из таблицы, определенные Политбюро сроки проведения отпусков И.В. Сталиным не соблюдались точно (как правило, он отправлялся на отдых позднее, чем это предписывал высший партийный орган и возвращался также позже отведенного срока).

⁵ Там же. С. 91.

⁶ *Монтефиоре С.С.* Указ. соч. С. 84.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 394. Л.4; Ф. 558. Оп. 11. Д. 1481. Л. 12.

Таблица.
Сведения об отпусках И.В. Сталина, проведенных на юге
(1921–1930 гг.)⁸

Дата решения Политбюро о предоставлении отпуска	Продолжительность отпуска	Места пребывания и время нахождения в отпуске
23 апреля 1921 г.	Полтора месяца	Нальчик, Тифлис. Конец мая — 8 августа (дата отъезда в Москву по окончании отпуска)
9 августа 1923 г.	Полтора месяца	Ессентуки, Кисловодск. Конец августа — 18 октября (дата отъезда в Москву по окончании отпуска)
27 мая 1925 г.	Два месяца (15 июля — 15 сентября)	Сочи, Мухалатка (Крым) 11 июля — 14 сентября (даты отъезда и возвращения в Москву из отпуска)
20 мая 1926 г.	Полтора месяца	Сочи, Грузия. 23 мая (дата прибытия в Сочи) — 7 июля (дата возвращения в Москву)
5 мая 1927 г.	1 июня — 1 сентября	Сочи-Магеста. 7 июня — 23 июля (время пребывания в Сочи)
9 августа 1928 г. (Постановление принято задним числом).	Два месяца	Сочи. 5 августа — 29 сентября (время пребывания в Сочи)
3 июня 1929 г.	15 июля — 1 октября	Сочи, Нальчик. 26 июля — 12 октября (время пребывания в Сочи)
25 июля 1930 г.	Два с половиной месяца	Сочи. 28 июля — 11 октября (даты пребывания в Сочи)

⁸ Таблица составлена по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 505. Л. 9, 32; Д. 633. Л. 5, 17; Д. 699. Л. 5; Д. 743. Л. 7; Оп. 162. Д. 9. Л. 5; Оп. 163. Д. 492. Л. 76; Д. 637. Л. 42, 43; Ф. 558. Оп. 11. Д. 1481. Л. 29; Неужин В.А. Как лечились большевики... С. 308, 315.

Начало систематического врачебного наблюдения за состоянием здоровья И.В. Сталина относится к 1921 г. 28 марта Сталин был госпитализирован по болезни. В Московской городской больнице им. К.Т. Солдатёноква (позднее — им. С.П. Боткина) он перенес сложную операцию. Хирург В.Н. Розанов после удаления аппендикса был вынужден сделать пациенту резекцию слепой кишки, и за благополучный исход этой операции было трудно ручаться. По свидетельству Розанова, Ленин был очень обеспокоен течением болезни Сталина. Ежедневно, утром и вечером, он звонил в Солдатёнковскую больницу и не просто спрашивался о здоровье своего соратника, но и требовал от врачей самого тщательного и обстоятельного доклада. Сталин провел в больнице в общей сложности две недели (выписался оттуда 8 апреля).

19 апреля врачи В.Н. Розанов и В. Соколов по результатам консилиума составили следующее заключение: И.В. Сталину, по их мнению, следовало отправиться на полтора месяца на Кавказ и лечиться там не менее полутора месяцев в условиях полного покоя. При выработке конкретных рекомендаций относительно дальнейшего курса лечения были учтены предложения Ленина и Розанова.

Политбюро обязало И.В. Сталина соблюдать постельный режим, после чего отправиться на лечение в Гагру. 30 апреля 1921 г. высший партийный орган постановил «немедленно предписать» Сталину начать свой отпуск «в ближайшие дни». Поскольку оно одновременно приняло решение назначить пленум ЦК РКП(б)⁹ (состоялся 16 мая), то И.В. Сталин уехал в отпуск на Северный Кавказ не сразу, и направился не в Гагру, а в Нальчик¹⁰.

Спустя два года кремлевские врачи О. Минковский, О. Ферстер и В.В. Крамер, осмотрев И.В. Сталина, диагностировали у него ревматический полиартрит (сказалось пребывание в царской ссылке в Заполярье) и неврастению. Пациент жаловался на боли в мелких суставах конечностей, на головокружение и временное ослабление памяти при сильном утомлении. По рекомендации врачей в 1923 г. Сталин вначале проходил лечение в Ессентуках, а затем — в Кисловодске¹¹.

По окончании Гражданской войны начал возрождаться Сочи-Мацестинский курорт, где еще в 1902 г. впервые стали отпускать целебные сероводородные ванны под медицинским наблюдением. В 1919 г. Сочи был

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 140. Л. 35.

¹⁰ *Невежин В.А.* Как лечились большевики... С. 307–308.

¹¹ Там же. С. 311–312, 315.

внесен в список курортов общегосударственного значения в Советской России¹². С середины 1920-х гг. И.В. Сталин, как и другие представители советского партийного и государственного руководства, регулярно проводил отпуска на этом курорте.

С.С. Монтефиоре не преминул «состричь» по данному поводу. Английский историк писал: «Ежегодное принятие ванн было у большевистских вождей своего рода паломничеством»¹³. Это «глубокомысленное» наблюдение Монтефиоре может свидетельствовать лишь о его полной неосведомленности. Судя по всему, ему и невдомек, что имеется большая разница между принятием обычной ванны и лечением *сероводородными ваннами* строго по предписанию врачей.

Мацеста известна своим месторождением сероводородных источников. Сероводород, главный лечебный фактор, проникая через кожу и дыхательные пути в организм, воздействует на клеточные и тканевые структуры и способствует рассасыванию остатков воспалительных процессов, в особенности в тех областях, где и у здоровых людей кровотоком осуществляется с трудом, — в суставных и межпозвоночных хрящах, сухожилиях, костях и т. д. Сочи-Мацеста расположена на берегу Черного моря. Мацестинские сероводородные ванны в сочетании с морскими и солнечными дают большой лечебный эффект. Благодаря близости моря высокие летние температуры несколько корректируются в сторону понижения и благоприятны для природы и человека. С первой половины мая вплоть до второй половины октября в Сочи наблюдается продолжительное климатическое лето.

С 1925 г. при выборе Сочи «в качестве столицы советских курортов Мацеста стала основным аргументом для Сталина», впоследствии испытывавшего на себе эффективность ее целебного воздействия¹⁴.

Вторую часть отпуска в 1925 г. И.В. Сталин провел в Крыму. Крым, куда направился И.В. Сталин для продолжения отпуска, не менее, чем Сочи-Мацеста, славился своими целебными свойствами. Основой крымского лечения вместе с благоприятным климатом и живописной местностью является наличие морского побережья. Важными факторами служат минеральные воды Крымского полуострова и лечебные грязи лиманов. У Крыма пограничное положение, он находится между умеренным и субтропическим поясами. Климат на полуострове мягкий и сухой.

¹² Сочи-Мацестинский курорт. 110 лет. Сочи, 2012. С. 5, 96.

¹³ Монтефиоре С.С. Указ. соч. С. 91.

¹⁴ Сочи-Мацестинский курорт... С. 96.

К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин и А.А. Жданов (слева направо)
на отдыхе в Сочи

Красивые склоны гор Крыма покрыты хвойными лесами, и это оказывает благоприятное действие на нервную систему. Мухалатка, где в 1925 г. отдыхал И.В. Сталин, располагается между Ялтой и Форосом, на берегу Черного моря.

18 февраля 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило список партийных и государственных функционеров, которые должны были явиться на консилиум, проводившийся при участии немецких врачей. В этот список было включено свыше 40 человек: членов и кандидатов в члены Политбюро, ЦК ВКП(б), а также наркомов и их заместителей. В этот список был включен и И.В. Сталин. По итогам консилиума Сталину была вновь рекомендована поездка для излечения в Сочи-Мацесту¹⁵.

Однако одним отпуском И.В. Сталин в 1926 г. не ограничился. В конце лета он вновь отправился на отдых на юг. Этой поездке предшествовал консилиум, состоявшийся 21 августа 1926 г., который наряду с немецкими врачами Краусом и О. Ферстером проводили также В.Н. Розанов, П.Н. Елистратов и П.Н. Обросов, о чем была составлена соответствующая справка. Сталину было предписано лечение миндалин и зева, «как очага, дающего частые обострения ревматических явлений». Помимо этого медики предложили следующие рекомендации: «Урегулировать образ жизни: своевременное принятие пищи и своевременный сон. Не превращать

¹⁵ *Невежин В.А.* Хозяин-гость... С. 106.

Иван Александрович
Валединский

ночь в день. Меньше алкоголя, меньше курева. 2 дня в неделю свободных от работы. Ежегодно повторять курлечение (курортное лечение. — В. Н.) в Мацесте»¹⁶.

Строго придерживаясь этих врачебных рекомендаций, свои отпуска в 1926–1928 гг. Сталин употребил для поправки здоровья на курорте Сочи-Мацеста.

В 1929 г. Сталин в очередной раз направился на отдых в Сочи. Оттуда он ездил на несколько дней в Нальчик и вновь возвратился на Сочи-Мацестинский курорт. А.Е. Артамонов писал по этому поводу: «...Зарождающийся климатический и бальнеологический курорт Нальчик для отдыха и лечения суставов рекомендовал Генеральному секретарю И.В. Сталину научный руководитель курорта Сочи “Старая Мацеста” И.А. Валединский. За два года до отдыха в Нальчике, в мае 1927 года, профессор, бальнеолог И.А. Валединский по личной инициативе, в целях клинической диагностики, осуществил серьезное медицинское обследование И.В. Сталина (ЭКГ, рентгенография грудной клетки, АД, физикальное обследование), однако никаких серьезных изъянов И.А. Валединский у 48-летнего генсека не нашел. Наиболее беспокоящими у И.В. Сталина к концу 20-х годов оставались суставы верхних конечностей, пораженные ревматическим артритом (полиартритом), которые вождь всех времен и народов лечил горячими сероводородными мацестинскими источниками. Однако очень эффективным лечением полиартрита являются и разнообразные

¹⁶ Чигирин И.И. Сталин. Болезни и смерть. М., 2016. С. 35–36, 49–50.

методы пелоидотерапии или грязелечения. И.А. Валединский на основе научных изысканий Государственного бальнеологического института на КМВ НКЗ РСФСР и рекомендаций заместителя заведующего Отделом лечебных местностей Наркомздрава РСФСР Н.Е. Хрисанфова решил провести курс пелоидотерапии своему подопечному — генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину»¹⁷.

Свое предположение о том, что по предписанию врачей Валединского и Хрисанфова Сталин был в 1929 г. направлен на лечение в Нальчик целебными грязями Тамбуканского озера, Артамонов, однако, не подтверждает никакими источниками. И.А. Валединский в 1927 г. действительно осматривал И.В. Сталина, но не в мае, а в июле. Помимо Валединского в качестве медиков-консультантов работали в 1926–1928 гг.: в Сочи — Щуровский и Верзилов, а в Москве — Ферстер, Розанов, Обросов, Елистратов. Н.Е. Хрисанфов в этих консультациях не участвовал и поэтому никак не мог (даже вместе с И.А. Валединским) направить И.В. Сталина на лечение в Нальчик.

Настоящая причина поездки Сталина на этот курорт состояла в следующем. Во-первых, в Нальчике проходили лечение члены его семьи (тесть С.Я. Аллилуев, сын Василий с учителем и воспитательницей, приемный сын Артем), а во-вторых, — туда же направился в конце июля из Крыма сталинский закадычный друг Г.К. Орджоникидзе.

2 августа Орджоникидзе сообщил Аллилуевой о болезни малолетнего Василия Сталина: «Здравствуй, Надя! Вчера был у твоего молодца, он еще был в постели, но уже встал. По словам учительницы, у него был колит, пролежал он недели две, немного похудел, но живо оправится». Узнав о болезни сына, Сталин своеобразным образом отреагировал на сообщение Орджоникидзе: «Мой Вася, говорят, захворал не на шутку? Верно ли? Не собирается ли помирать?»¹⁸.

Скорее всего, именно Орджоникидзе удалось убедить Сталина приехать на время в Нальчик в конце лета 1929 г.

Этот город являлся бальнеологическим и горноклиматическим курортом, чему способствовал ряд факторов. Нальчик находится на высоте в среднем 550 метров над уровнем моря. На территории города имеется несколько источников минеральной воды. Лечебная грязь доставляется из озера Тамбукан. Обилие лесных массивов, парки и фруктовые сады также создают благоприятные условия для эффективного использования

¹⁷ Артамонов А.Е. Указ. соч. С. 446.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 777. Л. 112, 113.

Авель Сафронович
Енукидзе

климата Нальчика в лечебных целях. Кроме того, климат здесь мягкий: летом не жарко, а зимой не холодно. В середине XIX в. был заложен уникальный парк — «Атажукинский сад» (по имени его владельца, кабардинского князя Атажукина), самый большой на Северном Кавказе.

Имея в виду поездки И.В. Сталина и его ближайших соратников в длительные отпуска, С.С. Монтефиоре категорически утверждал: «Вожди отправлялись отдыхать на юг, на советскую Ривьеру, на личных поездах. Их охраняли войска ОГПУ»¹⁹. На наш взгляд, в данном случае (уже в который раз) Монтефиоре явно передергивает факты. На самом деле реальность далека от измышлений английского автора.

Прежде всего, следует отметить, что проблемы логистики, несомненно, занимали тех должностных лиц, которые отвечали за организацию отпусков представителей партийного и государственного руководства. Понятно, что заявление С.С. Монтефиоре о том, что «вожди» следовали в отпуск «на личных поездах», далеко от истины. Вот что сообщал, например, в письме на имя секретаря ЦИК СССР А.С. Енукидзе (от 30 августа 1925 г.) командующий войсками Московского военного округа, член ЦК РКП(б) (между прочим, без пяти минут член Политбюро) К.Е. Ворошилов. Последний совершил поездку из Москвы в Крым на отдых вместе с членом Центральной контрольной комиссии ЦК РКП(б) М.Ф. Шкирятовым. В этом письме Ворошилов, в частности, информировал Енукидзе: «Доеха-

¹⁹ Монтефиоре С.С. Указ. соч. С. 84.

ли благополучно, хотя с некими неприятностями. Энкэпээсовцы (сотрудники Наркомата путей сообщения. — В. Н.) засадили нас со Шкирятичем в маленькое купе 2-го класса между[народного] вагона и мы душились в нем, а рядом в хороших купе ехали спекулянты со своими куртизанками, но это мелочи некоторые, тем не менее, нужно устранить в будущем»²⁰.

Что касается И.В. Сталина, то он ездил в отпуск на юг в более комфортабельных условиях, чем те, которые были созданы руководством НКСП для К.Е. Ворошилова и М.Ф. Шкирятова. Как правило, он передвигался поездом; исключение составило кратковременное летнее путешествие в Грузию в 1926 г., во время которого он вместе с А.И. Микояном и Г.К. Орджоникидзе был вынужден пересесть на автомобиль²¹.

Сведения о том, как, например, была организована поездка И.В. Сталина и его жены Н.С. Аллилуевой в Сочи в 1927 г., содержатся в письме сопровождавшего их С. Паршина, направленном 21 июня в Москву на имя К. Сергеева (его личность установить не удалось). Как следует из этого письма, вместе со Сталиным и Аллилуевой в вагоне в пути следования находился А.Я. Беленький (начальник специального отделения при коллегии ГПУ-ОГПУ СССР, отвечавшего за охрану руководителей страны).

Не обошлось во время этого путешествия без проблем. С. Паршин, в частности, сообщал в Москву: «Добрались мы до Сочи благополучно без каких-либо происшествий, если не считать, что в пути между Харьковом и Ростовым потерпел крушение шедший в обратную сторону товарный поезд, под откос свалилось до 20 вагонов, так что нам пришлось ехать обходным путем и дать малость крюку. Дело это было ночью, хозяин (И.В. Сталин. — В. Н.) спал, в пути мы время нагнали и в Ростов приехали почти без опозданий, так что для него это осталось неизвестным»²².

С.С. Монтефиоре, априори уверивший себя в том, что во время поездок на юг И.В. Сталин передвигался на личном поезде, утверждал: «Его даже в самый разгар голода в стране всегда сопровождал специальный состав с продуктами. Если по прибытии на место отдыха помощникам казалось, что продуктов не может хватить на весь отпуск, они тут же отправляли телеграммы в Орел и Курск, чтобы прислали дополнительный поезд с едой. Во время поездки Сталина кормили, конечно, горячими блюдами»²³.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 40. Л. 39.

²¹ *Невежин В.А.* Хозяин-гость... С. 107.

²² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 71. Л. 26 об.

²³ *Монтефиоре С.С.* Указ. соч. С. 84–85.

Данный пассаж, как следует из ссылки на источник, основан на упомянутом письме С. Паршина от 21 июня 1927 г. Следует прежде всего заметить, что С.С. Монтефиоре неверно датирует это письмо 27 июня 1927 г., а автора именует «Парчин». Из этого вытекает, что подлинник названного источника не был знаком Монтефиоре. Скорее всего, он приводил текст в пересказе, позаимствовав его из книги П. Шинского²⁴, которого С.С. Монтефиоре назвал Чинским.

Год, которым датируется письмо С. Паршина (1927-й), вряд ли, вопреки необоснованным утверждениям С.С. Монтефиоре, можно отнести ко времени «разгара голода» в СССР. Если же обратиться к подлиннику источника, сохранившемуся в архиве (а не к бездумному пересказу его по книге другого автора, как это делает Монтефиоре), то вырисовывается следующая картина. На самом деле С. Паршин писал в Москву 21 июня 1927 г.: «Недостаток продуктов, несмотря на уверения Н.С. [Аллилуевой] и Абрама [Беленького], что всего будет много, который я обнаружил за несколько минут до отхода поезда, быстро пополнил, дав депешу в Орел и Курск, так что в пути готовили на своей кухне горячие обеды и ужины»²⁵. Как видим, ни о каком «специальном составе с продуктами» для Сталина в письме С. Паршина нет и речи.

Сведения о том, где и в каких условиях проживал И.В. Сталин, находясь на отдыхе на юге в 1920-е гг., отрывочны. Так, согласно воспоминаниям Валединского, в 1927 г. Сталин «приехал в Сочи и жил на даче № 7 на “Зензиновке”»²⁶. В упомянутом письме от 21 июня 1927 г. С. Паршин следующим образом описывал место пребывания «хозяина»: «Дача, в которой мы расположились, обновилась на все 100%, как к большому празднику, в даче фруктовый сад, яблоки, груши, сливы, к сожалению, на фрукты здесь неурожай, но все же будут позднее мандарины, которых здесь достаточно. Есть огород, едим всегда свежие овощи, как то: редис, салат, молодую (sic. — В. Н.) картофель с своего огорода, также в этом году рассадили виноградник»²⁷.

Два года спустя Т. Сухова, давняя знакомая И.В. Сталина, которая отдыхала в одном из домов отдыха Сочи, была приглашена на сталинскую дачу, которая, по ее свидетельству, оказалась совсем близко от горы Ахун. Сухова так описывала эту дачу: «Участок большой, дорога усыпана крупной галькой, по бокам недавно посаженные деревья, разделанный (sic. —

²⁴ *Chinsky P. Staline: Archives inédites, 1926—1936. Paris, 2001. P. 28—29.*

²⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 71. Л. 26 об.

²⁶ Там же. Д. 1538. Л. 73, 74.

²⁷ Там же. Д. 71. Л. 26 об.—27.

В. Н.) огород, на котором растут помидоры, перец, арбузы и что-то еще, не помню. Лето было очень сухое, вижу на этом участке старика с лейкой и небольшого мальчика, поливают огород». Радушно встретивший гостью И.В. Сталин стал показывать ей свой участок. Он то и дело «наклонялся и заботливо поправлял ветки помидор, участок был разделен вновь и недавно, судя по посадкам». По свидетельству Суховой, Сталин «с любовью посматривал на эти посадки»²⁸.

Судя по приведенным описаниям, во второй половине 1920-х гг. И.В. Сталин стремился поддерживать такой же хозяйственный порядок на дачном участке в Сочи, какой установил в Зубалове, где постоянно проживал вместе с семьей²⁹.

Заслуживает особой разработки вопрос о том, какие болезни лечил Сталин на юге, какие рекомендации по их излечению давали ему врачи и, главное, как пациент относился к медицинским предписаниям.

Здесь следует вновь упомянуть о первом сталинском отпуске. А.Е. Артамонов, с одной стороны, уверял, что в мае 1921 г. И.В. Сталин приехал в Нальчик в служебную командировку. С другой стороны, этот автор утверждал: Сталин был размещен в бывшем особняке купца Дутикова, где «проходил послеоперационную реабилитацию, которую ему назначил заведующий хирургическим отделением Солдатёнковской (Боткинской) больницы В.Н. Розанов». А.Е. Артамонов ссылался также на местную периодическую печать, которая 1 июня 1921 г. сообщала о прибытии в Нальчик наркома по делам национальностей Сталина «с целью отдыха»³⁰. Из рассуждений Артамонова не совсем ясно, приехал Сталин в этот город на лечение, на отдых или же в служебную командировку. Прояснить дело помогает биохроника И.В. Сталина, в которой говорилось, что он в конце мая 1921 г. «выезжает *на лечение* (выделено мной. — В. Н.) в г. Нальчик»³¹.

Однако следует подчеркнуть, что ни полноценного лечения, ни просто отдыха у Сталина летом 1921 г. не получилось, поскольку, во-первых, по свидетельству Микояна, он проживал в Нальчике «без врачебного надзора», а во-вторых, будучи членом Политбюро ЦК большевистской партии, участвовал в работе местных партийных организаций. В связи с этим Ленин, который, как уже отмечалось, так много внимания уделил вопросу организации отдыха Сталина, был крайне недоволен. Он даже

²⁸ Там же. Оп. 4. Д. 653. Л. 189–190.

²⁹ Аллилуева С.И. 20 писем к другу: воспоминания дочери. М., 2000. С. 30–31.

³⁰ Артамонов А.Е. Указ. соч. С. 429.

³¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 426.

направляя в Тифлис телеграммы на имя Г.К. Орджоникидзе, выражая удивление, почему тот отрывает И.В. Сталина от отдыха³².

Кавминводы, куда направился в отпуск И.В. Сталин в 1923 г., являются уникальным курортным местом. На северном склоне Главного Кавказского хребта, на расстоянии 15–20 км друг от друга, располагаются города-курорты, в том числе Ессентуки и Кисловодск. Традиционно для лечения в данном регионе применяются минеральная вода и целебные грязи близлежащего озера Тамбукан (тамбуканские грязи). Из различных источников следует, что в Ессентуках он принимал лечебные ванны. Ваннщица Ессентукской грязелечебницы М. Генералова свидетельствовала, что это были нарзанские ванны³³. Сам И.В. Сталин в письме на имя Зиновьева Г.Е., направленном из Ессентуков в Кисловодск 8 сентября 1923 г., писал, что принимает грязевые ванны³⁴. Позднее, в письме на имя Орджоникидзе от 30 июля 1925 г. Сталин приводил своеобразное сравнение целебных ресурсов Ессентуков и Сочи: «Лечусь аккуратно. Мацестинская вода действует много лучше», чем Ессентукские грязи³⁵.

Врачи тщательно обследовали И.В. Сталина сразу по прибытии на курорт. Так, 23 августа 1926 г. медики нашли общее состояние только что приехавшего в Сочи И.В. Сталина удовлетворительным и назначили мацестинские ванны. С 26 августа по 7 сентября он принял 10 общих и 8 ручных ванн.

20 сентября врачи обнаружили, что у Сталина начинается простудное заболевание после предпринятой 18 сентября экскурсии на гору Ахун; он промок от дождя и принял «неудачную ванну» (отсутствовала горячая вода). Ангина продолжалась 10 дней. 29 сентября в амбулаторной истории болезни была сделана запись: «Дальнейшее улучшение... Товарищ Сталин решил до конца отъезда отдохнуть и ванн не принимать»³⁶.

И.А. Валединский вспоминал, что в 1928 г. перед приемом И.В. Сталиным мацестинских ванн была проведена «расширенная консультация» с участием профессоров В.А. Щуровского и В.М. Верзилова. По свидетельству Валединского, пациент по-прежнему жаловался на небольшую ломоту в мышцах и в ногах. Однако врач отмечал: «Объективно: никаких патологических изменений не было констатировано, в частности, со стороны нервной системы как центральной, так и периферической»³⁷, что

³² Небезжин В.А. Как лечились большевики... С. 308.

³³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 653. Л. 36.

³⁴ Там же. Оп. 11. Д. 734. Л. 49.

³⁵ Там же. Оп. 1. Д. 3334. Л. 1.

³⁶ Чигирин И.И. Указ. соч. С. 42, 43.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1538. Л. 74.

Слева направо: А.И. Микоян, И.В. Сталин, Г.К. (Серго) Орджоникидзе

подтверждается записью в истории болезни. Медики рекомендовали Сталину среди прочего принимать мажестинские ванны, пить боржоми (по полстакана три раза в день) и соблюдать диету.

13 августа 1928 г. врачи записали в истории болезни: «Самочувствие хорошее. Ванны переносит хорошо». 20 августа вновь констатировалось хорошее самочувствие. К этому времени И.В. Сталин принял 15 мажестинских ванн. 27 августа И.А. Валединский, В.А. Щуровский и В.М. Верзилов рекомендовали И.В. Сталину еще 5 ванн. Ему были также предписаны купание в море и солнечные ванны³⁸.

Согласно воспоминаниям Валединского, в 1929 г. он не проводил медицинских консультаций Сталина³⁹. Однако из амбулаторной истории болезни И.В. Сталина следует: 28 июля его консультировали врачи И.А. Валединский и В.М. Верзилов. По результатам осмотра пациента в истории болезни появилась следующая запись: «В течение года не хворал. Никаких болезней не ощущает. Голова не болит. Усталости не чувствует. Самочувствие хорошее». В то же время были отмечены следующие отрицательные симптомы: «Боли в левой лопатке. Большой хруст в суставах. Особо чувствителен, когда мало спит. Сон временами неважный. Сравнительно с прошлым годом производит впечатление переутомленного человека... Живот значительно вздут. В легких небольшое кол[ичество]

³⁸ Чигирин И.И. Указ. соч. С. 64, 65, 69, 72.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1538. Л. 74.

свистящих хрипов под левой лопаткой. Значительный хруст в суставах. Атроф[ия] левого предплечья и плеча. Болезненность нервных стволов». Валединский и Верзилов констатировали наличие у Сталина большого утомления и «артретизм» (предрасположение к ряду заболеваний). Пациенту было предписано врачами принимать мацестинские ванны.

6 августа И.А. Валединский и В.М. Верзилов вновь консультировали И.В. Сталина в Сочи. По результатам консультации в амбулаторной истории болезни была сделана следующая запись: «В горле чисто. Пульс хорошего наполнения и правильный. Тоны чистые. В легких хрипов не слышно, хотя отдыхающий слышит их по временам сам. В плечевых суставах значительный хруст. Настроение значительно лучше. Общий вид гораздо бодрее. Болезненность нервных стволов не замечает». Валединский и Верзилов дали следующие рекомендации: «...Взять 15 (мацестинских. — В. Н.) ванн, сидеть по 10 минут. Купание в море»⁴⁰.

Благодаря лечебным процедурам, в первую очередь целебным мацестинским ваннам, которые он принимал по рекомендации высококвалифицированных врачей, состояние здоровья И.В. Сталина заметно улучшалось. Так, 25 июля 1925 г. он сообщал члену ЦИК СССР В.А. Аванесову: «Я сейчас в Сочи. Прекрасное место, много солнца, уйма зелени, море, леса, — благодать... В 80-ти верстах имеется “Красная поляна”, соединение морского и горного климата, 600 метров над уровнем моря, прекрасный, мягкий, бархатный “воздух”...» А 30 июля извещал его: «Я чувствую себя хорошо, даже очень хорошо»⁴¹.

О том, что явно пошел на поправку, он написал и Молотову 1 августа: «Я выздоравливаю. Мацестинские воды (около Сочи) хороши против склероза, переработки нервов, расширения сердца, ишиаса, подагры, ревматизма»⁴².

Медики, наблюдавшие И.В. Сталина, констатировали, что назначенные процедуры пациент переносит терпимо, а боли в руке у него уменьшаются. Дополнительно ему были назначены солнечные ванны, массаж левой руки, плеча и пояса. В истории болезни Сталина отмечено (запись от 10 сентября 1926 г.): «Под влиянием лечения и мацестинских ванн боли в левой руке значительно меньше. Общее самочувствие хорошее»⁴³.

⁴⁰ Чигирин И.И. Указ. соч. С. 75–76.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 696. Л. 9, 12.

⁴² Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М., 1995. С. 39.

⁴³ Чигирин И.И. Указ. соч. С. 35, 45.

Валединский заключал, имея в виду поездки Сталина в Сочи для лечения в 1926–1928 гг.: «После троекратного курса мажестинских ванн болевые ощущения в мышцах рук и ног... уменьшились»⁴⁴.

Даже несмотря на неожиданное заболевание (ангину), И.В. Сталин направлял оптимистические письма соратникам. «Поправляюсь более или менее», — сообщал он В.М. Молотову 23 сентября 1926 г.⁴⁵

15 августа 1929 г. И.А. Валединский и В.М. Верзилов после очередной консультации пришли к весьма утешительному выводу: «Общее состояние вполне удовлетворительное». А 17 августа врач Н. Щуровский отмечал в истории болезни, что И.В. Сталин принял 17 мажестинских ванн и уехал (в Нальчик)⁴⁶.

21 августа 1929 г. сам Сталин писал Молотову: «Вода здесь (в Нальчике. — В. Н.) замечательная. Ей-ей. Расскажу подробно, когда увидимся»⁴⁷. Скорее всего, речь здесь идет о минеральной воде, которой издавна славился курорт Нальчик. Однако ситуация осложнилась неожиданным сталинским недугом. 23 августа Сталин сообщал в письме на имя Орджоникидзе: «Собрался было написать, да болезнь помешала (довольно дрянная ангина, от которой все еще не могу отделаться)»⁴⁸.

28 августа 1929 г. Н.С. Аллилуева, которая готовилась к экзаменам для поступления в Промышленную академию, писала мужу из Москвы: «Дорогой Иосиф! Как твое здоровье, поправился ли и лучше ли чувствуешь себя в Сочи?» Сталин отвечал: «Я успел уже принять две ванны. Думаю принять ванн 10. Погода хорошая. Я теперь только начинаю чувствовать громадную разницу между Нальчиком и Сочи в пользу Сочи. Думаю серьезно поправиться»⁴⁹. А 29 августа он сообщал Енукидзе: «Я нахожусь теперь в Сочи и останусь там, чтобы принять дополнительно десяток ванн и отдохнуть как следует»⁵⁰. Одновременно И.В. Сталин информировал В.М. Молотова: «После болезни в Нальчике начинаю поправляться в Сочи»⁵¹.

Подробно об этой болезни И.В. Сталина рассказал И.А. Валединский, который наблюдал Сталина во время его пребывания в Сочи в течение

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1538. Л. 74.

⁴⁵ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову... С. 90, 94.

⁴⁶ *Чигирин* И.И. Указ. соч. С. 76.

⁴⁷ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову... С. 255. В этом сборнике документ отнесен к числу тех, даты которых не установлены. Датируется по содержанию.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 778. Л. 11.

⁴⁹ Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. М., 1993. С. 22–23, 40.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 728. Л. 21.

⁵¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову... С. 156.

трех недель (ежедневно). Как-то, после очередного приема мажестинских ванн, Сталин с Ворошиловым отправились на прогулку. У И.В. Сталина после того, как он попробовал холодной углекислой воды из минерального источника, в результате переохлаждения возникла горловая фолликулярная ангина, а температура тела достигла 39 градусов. Через 4 дня интенсивного лечения температура спала, однако наблюдались незначительные невралгические боли в левом боку и небольшое раздражение почек. Но в целом общее самочувствие оставалось бодрым, что, по словам Валединского, «вообще свойственно здоровой натуре тов. Сталина»⁵².

1 сентября И.В. Сталин доверительно писал жене: «Оказывается, в Налъчике я был близок к воспалению легких. Хотя я чувствую себя много лучше, чем в Налъчике, у меня “хрип” в обоих легких и все еще не покидает кашель»⁵³. 2 сентября Сталина вторично консультировали в Сочи врачи, профессора Валединский и Верзилов. По результатам консультации они сделали следующую запись в истории болезни И.В. Сталина: «Принял после возвращения 5 ванн. Большой хруст в плечевом поясе... Звук на правом легком укорочен — под углом лопатки шум плевры. Мокрота утром отходит трудно, в течение дня легче. Некоторая болезненность в межкостных мышцах на левой кисти». К 11 сентября Сталин принял уже 25 мажестинских ванн, которые совмещал с морскими купаниями⁵⁴.

Одновременно он приступил к лечению зубов. 8 сентября И.В. Сталин сообщал жене о своей надежде, что его «зубное дело» будет закончено к концу сентября⁵⁵. О том, что лечит зубы, И.В. Сталин упоминал 16 сентября и в переписке с Г.К. Орджоникидзе⁵⁶. В тот же день Сталин с оптимизмом информировал Енукидзе: «Погода в Сочи хорошая. Поправляюсь в “плановом” порядке»⁵⁷.

13 сентября 1929 г. Сталин сообщал Орджоникидзе: «Оказывается, в Налъчике у меня “налаживалось” воспаление легких, но успело “наладиться” (по смыслу — не успело «наладиться». — В. Н.), так как во время (sic. — В. Н.) уехал. В Сочи приехал с плевритом (сухим)».

В целом, Сталин остался доволен лечебными процедурами, которые принимал в Сочи-Мажесте. В упомянутом письме на имя Г.К. Орджоникидзе он с удовлетворением сообщал: «Сейчас чувствую себя хорошо.

⁵² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1538. Л. 75.

⁵³ Иосиф Сталин в объятиях семьи... С. 23.

⁵⁴ Чигирин И.И. Указ. соч. С. 79, 88.

⁵⁵ Иосиф Сталин в объятиях семьи... С. 31.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 558. Л. 29.

⁵⁷ Там же. Оп. 11. Д. 728. Л. 27.

Николай
Александрович
Семашко

Принял дополнительно 10 ванн. Никаких осложнений с ревматизмом нет больше»⁵⁸.

Находясь на лечении в Сочи, И.В. Сталин с первого же своего пребывания активно интересовался постановкой и состоянием курортного дела. 16 июля 1925 г. он вместе с А.И. Микояном посетил Красную Поляну. По результатам поездки он телеграфировал в Москву В.М. Молотову о тех беспорядках, которые были замечены: «Положение больных невыносимо. Среди них масса рабочих из разных концов России. Нет порядка, кормят отвратительно, нет медикаментов, не хватает постельных принадлежностей, нет врачебного ухода, нет света. Курупром и вышестоящими органами даны обещания, но ни одно из них не выполнено, что страшно раздражает больных». Свое письмо Сталин заканчивал следующим образом: «Прошу настоятельно принять срочные меры по коренному улучшению положения больных»⁵⁹.

В тот же день нарком здравоохранения Семашко в своей шифротелеграмме на имя начальника Сочинского курортного управления Воровского предписывал: «Категорически требую в недельный срок привести в порядок курорт или закрыть его». Наркомздрав разрешил Сочинскому курортному управлению произвести расходы сверх сметы для срочной закупки всего необходимого и полного оборудования сочинских лечебных учреждений⁶⁰.

⁵⁸ Там же. Л. 11.

⁵⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 816. Л. 59.

⁶⁰ Там же. Л. 62, 63.

20 июля 1925 г. Семашко информировал Молотова о положении дел в Красной Поляне. Он отдал соответствующие распоряжения; одновременно на место был откомандирован ответственный работник «для принятия на месте срочных дел»⁶¹.

В 1927 г. Бухарин не без ехидства адресовал Сталину в письме из Москвы следующее пожелание: «Ну, будь здоров, лечись хорошенько. Кланяйся Над[ежде] Серг[еевне]. Не провоняй в мацестинской воде — ха-ха-ха!»⁶².

Трудно сказать, повлияло ли каким-либо образом это шутовское послание на Сталина, но во время приема мацестинских ванн он обратил внимание на то, что хотя ваннщицы меняются часто, у всех у них слезятся глаза. Работавший тогда слесарем, являвшийся одновременно председателем Мацестинского группкома профсоюза Медсантруд П.П. Тыщенко впоследствии вспоминал: «Сталин обратился к присутствующему дежурному врачу за разъяснением. Врач объяснил, что это действие сероводорода на слизистые оболочки глаза. “Но разве ничего нельзя сделать?” — спросил товарищ Сталин. “Сделать можно, но ничего не делается”, — ответил врач». Сталин попросил пригласить к нему Тыщенко, от которого узнал: на неоднократные обращения профсоюзной организации с просьбами об улучшении условий труда обслуживающего персонала ванн курортное управление г. Сочи никак не реагировало, ссылаясь на отсутствие денежных средств.

В разговоре со Сталиным Тыщенко упомянул еще об одной проблеме, с которой сталкивались работницы Мацестинского курорта. В воспоминаниях П.П. Тыщенко по этому поводу сказано следующее: «Еще до революции на Мацесте были построены для нижних чинов царской армии бараки. В этих вшивых, грязных, дырявых бараках и жили ваннщицы. Бараки эти помещались вдоль Мацеста, куда спускали отработанную воду из ванного здания. Поэтому работницы и их дети все 24 часа находились в отравленной сероводородной атмосфере. Вокруг Мацестинской долины, на склонах гор, в великолепных садах раскинулось около полтора десятка неплохих дач. Но эти дачи Сочинским Курупром были сданы вместе с прилегающими садами знаменитых сочинских чернослив, в аренду бывшим ротмистрам, штабс-капитанам, а то и просто расторопным кулакам. Эти паразиты с помощью наемной рабочей силы эксплуатировали богатые сады... и жили себе припеваючи, дыша великолепным горным воздухом.

⁶¹ Там же. Л. 60.

⁶² Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 708. Л. 160 об.

На требование общих собраний профсоюза заправи́лы Сочинского Курупра отвечали, что заключенные на аренду договора они расторгнуть и выселить арендаторов не имеют оснований. Сочинской прокуратуре, куда я обращался неоднократно, отвечали, что расторжение договоров будет незаконным, противоречащим революционной законности.

Неоднократные решения общих собраний, целый ряд статей в местной сочинской газете не сдвинули ни на шаг этот вопрос. Большая статья за моей подписью появилась в толстом московском журнале “Медработник” — органе ЦК союза Медсантруд. Я исправно получил гонорар за свою статью, но это была единственная польза от статьи». Обо всем этом П.П. Тыщенко и рассказал И.В. Сталину «по порядку, не спеша». Сталин во время рассказа отдыхал после очередной (третьей или четвертой) по счету мажестинской ванны. Покуривая свою трубку, «полулежа на топчане», он, не перебивая, «терпеливо слушал» Тыщенко, который закончил вопросом: «Как это можно во имя революционной законности позволить бывшим людям и кулакам, явным врагам советской власти, жиреть, эксплуатировать сады, а рабочих держать в грязных дырявых бараках?» Реакция Сталина, судя по воспоминаниям Тыщенко, была следующей. Он «усмехнулся в усы, неторопливо вынул трубку и сказал: “Революционную законность использовать во вред трудящимся нельзя. Уж коли наша сочинская законность идет вразрез интересам трудящихся и защищает кулаков, то в ней нет и грамма революционной законности. Ну, ничего!” — закончил он обещающе».

Незамедлительно были приняты меры по устранению недостатков. Прежний руководитель Мажестинского курорта был снят с должности и назначен новый. На устройство вентиляции, душа, сменного белья для ваннщиц нашлись денежные средства. Договоры на аренду дач «белогвардейскими офицерами и кулаками» расторгли, их выселили, а на дачах поселились рабочие. Бараки сломали, а лес пошел на постройку клуба для рабочих⁶³.

Находясь на излечении на юге, И.В. Сталин также находил время для того, чтобы разрешать мелкие конфликты, непосредственно связанные с его пребыванием на курортах. Так, в 1925 г. он обратился с письмом к А.Я. Беленькому, прося устроить для себя «место в Мухалатке (Крым) к 15–20 августа с тем, однако, чтобы никого не разгонять и не стеснять» из-за себя. Однако ответа не получил, полагая, по причине отсутствия

⁶³ Там же. Оп. 4. Д. 653. Л. 212–215.

Беленького в Москве. Поэтому И.В. Сталин просил переадресовать эту просьбу (через своего помощника И.П. Товстуху) Г.Г. Ягоде «или кому-либо другому из заместителей А.Я. Беленького по охране членов ЦК», а о результатах срочно сообщить ему лично⁶⁴.

Однако Беленький поступил вопреки пожеланиям Сталина «никого не разгонять и не стеснять». Он решил выселить Г.И. Бройдо, занимавшего тогда должность заведующего Госиздатом, а ранее работавшего со Сталиным в Наркомнаше, из дома отдыха ЦИК в Мухалатке, чтобы разместить там генсека. Сталин выразил большое недовольство в связи с этим беспрецедентным случаем. Вместе с А.С. Бубновым они немедленно написали Г.Г. Ягоде и В.М. Молотову письмо, в котором отмечали, что А.Я. Беленький «допустил ряд грубых бестактностей, компрометирующих членов ЦК и ГПУ». Сталин и Бубнов даже требовали немедленно освободить Беленького от курирования Мухалатки «по линии ГПУ», назначив вместо него Ягоду «или кого-нибудь другого по указанию Ягоды»⁶⁵. 30 августа И.В. Сталин направил телеграмму самому Г.И. Бройдо. Он высказал сожаление в связи с тем, что тот уехал из Мухалатки, несмотря на просьбу остаться. Сталин просил Бройдо вернуться в Мухалатку, уверял его, что Беленький «обязательно пострадает» за свою «ретивость»⁶⁶. Однако остается неизвестным, понес ли А.Я. Беленький наказание за данный поступок.

Другой инцидент, теперь уже связанный с неожиданным приходом И.В. Сталина из Сочи в Нальчик, имел место в конце лета 1929 г. И.В. Сталин, прибыв в Нальчик, сообщил А.С. Енукидзе, что «из центральных людей», помимо него самого, на курорте проживали также К.Е. Ворошилов и Г.К. Орджоникидзе. Сталину стало известно, что все расходы по их пребыванию («на еду и пр.») идут за счет Кабардинского облисполкома. По его мнению, это было «неправильно» и «обременительно для последнего». В данной связи И.В. Сталин информировал А.С. Енукидзе о том, что председатель Кабардино-Балкарского обкома РКП(б) Б.Э. Калмыков ничего не знает об этой записке. Сталин был уверен: Калмыков обидится, если узнает о ней. «Тем не менее, — заключал И.В. Сталин, — расходы следовало бы возместить облисполкому. Это может сделать только хозотдел ЦИК и, прежде всего, Секретариат ЦИК. Нельзя ли направить сюда кого-либо из циков-

⁶⁴ Там же. Оп. 11. Д. 68. Л. 50–51.

⁶⁵ Там же. Л. 52.

⁶⁶ Там же. Д. 54. Л. 54.

ских людей, чтобы решить этот вопрос и некоторые другие вопросы на месте»⁶⁷.

24 августа А.С. Енукидзе в ответном письме признал сталинскую правоту и обещал принять меры для разрешения возникшей проблемы: «...Эти некоторые расходы в связи с пребыванием в Кабарде центральных работников мы должны взять на себя. Я посылаю т. Пахомова (зав. Хоз[яйственным] отд[елом] ЦИК) в Кисловодск, он заедет в Нальчик и все сделает *осторожно и хорошо* (курсив мой. — В. Н.)»⁶⁸. Однако Сталин не стал дожидаться приезда Пахомова в Нальчике: семью отправил в Москву, а сам отбыл на сочинский курорт.

Находясь в отпуске на юге, И.В. Сталин постоянно переписывался с Москвой, был в курсе основных внутривластных и внешнеполитических проблем Советского государства, принимал активное участие в их разрешении, направляя письма и шифротелеграммы, в которых содержались его директивные указания членам Политбюро и правительства. Следует напомнить, что 1920-е гг. характеризовались большой напряженностью для Советской страны. Во второй половине этого десятилетия развернулась острая внутрипартийная дискуссия, в которой И.В. Сталин принимал активное участие. Был выбран курс на модернизацию, связанный с огромными трудностями. В сложных условиях началось осуществление индустриализации и коллективизации. То и дело возникали «военные тревоги» и создавалась угроза СССР на международной арене.

Меньше известно о том, как именно *отдыхал* Сталин на юге, т.е. как проводил время, свободное от неизбежной повседневной работы с документами, деловой переписки, осмотра врачами и принятия рекомендованных ими лечебных процедур. Здесь уместно, на наш взгляд, обратиться к свидетельствам очевидцев и участников событий.

Купаться в море И.В. Сталин не любил, да и врачи ему этого не рекомендовали. Судя по всему, Сталину нравилось проводить свободное время, участвуя в играх. Так, 8 сентября 1925 г. К.Е. Ворошилов писал А.С. Енукидзе из Мухалатки, что Сталин «отдохнул основательно и весел и радостен неизменно. Кроме всего прочего, Коба научился играть в кегли и бильярд. И то, и другое ему очень нравится». В то время, как Ворошилов писал свое письмо, Сталин, Чубарь и Шкирятов «дулись» в бильярд⁶⁹.

⁶⁷ Там же. Д. 728. Л. 24.

⁶⁸ Там же. Л. 19.

⁶⁹ Там же. Ф. 74. Оп. 2. Д. 39. Л. 40.

Супруга К.Е. Ворошилова свидетельствовала, что И.В. Сталин во время пребывания в отпуске на Кавказе любил совершать походы «на природу». Например, он и его соратники по партии вместе с членами семей на машинах отправлялись иногда на берег реки, где разводили костер, жарили шашлыки, пели песни и шутили⁷⁰.

С. Паршин сообщал в Москву о других «невинных забавах» вождя и его окружения во время отпуска в Сочи летом 1927 г.: «Часто собираемся все вместе и стреляем в цель из воздушных ружей, часто делаем прогулки автомобилем, забираемся в лес и там жарим на костре шашлыки — выпиваем и закусываем, дядя (Сталин. — В. Н.) обыкновенно рассказывает что-нибудь из своей подпольной жизни или начинает трунить над Абрамом [Беленьким]. Несколько раз был у нас в гостях Демьян [Бедный]. Вчера, например, ездили кататься истребителем по морю до Адлера. К сожалению, выехали слишком поздно и должного впечатления от поездки не осталось. Демьян всю дорогу рассказывал нецензурные анекдоты, запас которых у него, как видно, неисчерпаем»⁷¹.

В некоторых ситуациях, судя по воспоминаниям Суховой, Сталин вел себя более «чинно и благородно». При посещении сталинской дачи летом 1929 г. она приняла невольное участие в импровизированном соревновании по стрельбе: «Товарищ Сталин взял ружье, выстрелил и попал в цель без промаха. Мне дали маленькое английское [ружье] “Монте-Кристо”. Стрелять я не умела и в цель, конечно, не попала. Товарищ Сталин сказал мне: “Как же защищаться будешь!”»⁷².

Однако не всегда развлечения И.В. Сталина во время пребывания в отпуске были столь невинными. Порой, как это следует, например, из приведенного отрывка из письма С. Паршина, он позволял себе «нарушать режим», т.е. употреблять вместо минеральной воды (или наряду с ней) и алкогольные напитки. Так произошло, например, в первой половине июня 1926 г., когда лечебные процедуры Сталин заменил возлияниями, часто находясь вместе со своими соратниками Микояном и Орджоникидзе «под градусом»⁷³.

Памятным для А.И. Валединского оказался случай, имевший место в 1927 г. По окончании курса приема мажестинских ванн Сталин устроил «субботник»: пригласил наблюдавших его врачей на застолье и так

⁷⁰ Монтефиоре С.С. Указ. соч. С. 87.

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 71. Л. 27 об.—28.

⁷² Там же. Оп. 4. Д. 653. Л. 190.

⁷³ Невежин В.А. Хозяин-гость...

И.В. Сталин (первый слева) с женой Надеждой Аллилуевой (первая справа) на отдыхе. 1921 г.

угостил их коньяком, что сам Валединский «оказался дома только на следующий день в воскресенье».

В 1930 г. к концу лечения в гости к И.В. Сталину в Сочи приехал А.М. Горький. Писатель застал врача А.И. Валединского и его влиятельного пациента в тот момент, когда оба, как говорится, совмещали приятное с полезным, а именно: «пили кахетинское вино на террасе». На предложение присоединиться к ним Горький шуточно ответил: «Ну, что же, и курицы пьют». Сталин тут же изобразил, как пьют куры, «т.е. поднимал голову кверху после каждого глотка»⁷⁴.

Привлеченные нами источники позволяют сделать вывод о том, что отпуска, проводившиеся И.В. Сталиным на Кавказе в 1920-е гг., являлись важной составной частью его повседневной жизни. Впервые составленный нами по документам Политбюро ЦК РКП(б) (ВКП(б)) график такого рода отпусков дает основание для вывода о том, что они являлись продолжительными (от одного до двух с половиной месяцев). Практически все они предоставлялись Сталину после консультаций с кремлевскими врачами и по их рекомендации. Курс лечения он проходил на курортах Северного Кавказа (Нальчик, Кавминводы, Сочи-Мацеста). Вместе с И.В. Сталиным, как правило, отдыхала на юге его супруга Н.С. Аллилуева.

В отпуск они ездили на поезде, причем практиковался такой способ решения вопроса логистики: к пассажирскому составу прицеплялся

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1538. Л. 74, 75.

специальный вагон, в котором следовали Сталин, его жена, сотрудники охраны и обслуживающий персонал.

Вопрос о том, где они проживали во время нахождения в отпуске, не изучен до конца. Точно известно, что в Сочи для этого использовалась во второй половине 1920-х гг. специальная дача. Она размещалась на большом участке, где был разбит огород и выращивались овощи.

По состоянию здоровья И.В. Сталин, страдавший главным образом ревматическими болями в суставах, находясь в отпуске на Кавказе, уделял время лечению. Его регулярно обследовали врачи, он принимал по их рекомендации нарзанные, грязевые либо мацестинские ванны, другие процедуры. В целом, курс лечения, особенно пребывание на курорте Сочи-Мацеста, имел положительный эффект для И.В. Сталина.

Пребывая на отдыхе, Сталин был вынужден повседневно заниматься решением важных проблем и задач, стоявших перед Советским государством как в области внутренней, так и внешней политики. Он знакомился с большим количеством присылаемых из Москвы документов, постоянно вел переписку с представителями высшего партийного и советского руководства (в первую очередь с В.М. Молотовым), давая им директивные указания в различных областях. Следует отметить, что практика, сложившаяся в 1920-е гг., а именно: совмещение отпуска и «работы с документами», использовалась И.В. Сталиным и впоследствии.

То же можно сказать и об отношении Сталина к вопросам постановки курортного дела в тех местах, где он проводил отпуска. И.В. Сталин интересовался состоянием этого дела и порой лично предпринимал практические действия по устранению существующих в нем недостатков.

На досуг и, собственно, на отдых в этих условиях времени оставалось крайне мало. И.В. Сталин проводил его в морских прогулках на катере, на импровизированных пикниках на пленэре, в игре в бильярд и в кегли. Не обходилось и без возлияний, однако следует отметить, что режим лечения, предписанный медиками, Сталин в целом соблюдал исправно.

REFERENCES

1. *Artamonov A.E.* The State Ministries of the Caucasian Mineral Waters: The secrets of the creation and stay in them on vacation of the party top and executive committee of the Comintern: from Lenin to Khrushchev [Gosdachi Kavkazskih Mineral'nyh Vod: tajny sozdaniya i prebyvaniya v nih na otdyhe partijnoj verhushki i ispolkoma Komintern: ot Lenina do Hrushcheva]. M.: Algoritm, 2017. 253 p.
2. *Chinsky P.* Staline: Archives inédites, 1926—1936. Paris: Berg International, 2001. 155 p.
3. Kremlin medicine (From its origins to our days): From the court medical service to the Medical Center of the Presidential Administration of the Russian Federation [Kremlevskaya medicina (Ot istokov do nashih dnei): Ot pridvornoj medicinskoj sluzhby do Medicinskogo centra Upravleniya delami Prezidenta Rossijskoj Federacii]. M.: Izvestiya, 1997. 294 p.
4. *Montefiore S.S.* Stalin: the courtyard of the Red Monarch [Stalin: dvor Krasnogo monarha]. M.: OLMA-PRESS, 2005. 767 p.
5. *Nevezhin V.A.* Caucasian «symposions» of Stalin // Russian statehood in the destinies of the peoples of the North Caucasus — IV. Materials of the regional scientific-practical conference. Pyatigorsk, November 18–20, 2011 [Kavkazskie «simposiony» Stalina // Rossijskaya gosudarstvennost' v sud'bah narodov Severnogo Kavkaza — IV. Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pyatigorsk, 18–20 noyabrya 2011 g.]. Pyatigorsk, 2012. P. 267–276.
6. *Nevezhin V.A.* Rest of the lonely leader: I.V. Stalin's trip to the Caucasus (1933) // Russian statehood in the destinies of the peoples of the Caucasus — IX. Materials of the Regional Scientific and Practical Conference. Pyatigorsk, November 24–25, 2016 [Otdyh odinokogo vozhdya: poezdka I.V. Stalina na Kavkaz (1933) // Rossijskaya gosudarstvennost' v sud'bah narodov Kavkaza — IX. Materialy Regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pyatigorsk, 24–25 noyabrya 2016 g.]. Pyatigorsk, 2016. P. 148–154.
7. *Nevezhin V.A.* How the Bolsheviks were Treated: Stalin in the Caucasian Mineral Waters (1923) // Russian Statehood in the destinies of the Peoples of the Caucasus — X. Materials of the Regional Scientific and Practical

- Conference. Pyatigorsk, November 24–25, 2017 [Kak lechilis' bol'sheviki: Stalin na Kavminvodah (1923 g.) // Rossijskaya gosudarstvennost' v sud'bah narodov Kavkaza — X. Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pyatigorsk, 24–25 noyabrya 2017]. Pyatigorsk, 2017. P. 305–318.
8. *Nevezhin V.A.* Host-guest: Stalin's trip to the Caucasus (1926) // Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference «School of Caucasian Hospitality: Prospects of Development and Staffing». Pyatigorsk, April 20–21, 2018. Vol.1 [Hozyain-gost': puteshestvie Stalina po Kavkazu (1926 g.) // Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Shkola Kavkazskogo gostepriimstva: perspektivy razvitiya i kadrovoe obespechenie». Pyatigorsk, 20–21 aprelya 2018. T. 1]. Pyatigorsk, 2018. P. 105–109.
  9. Sochi-Matsesta resort. 110 years [Sochi-Macestinskij kurort. 110 let]. Sochi, 2012. 145 p.
  10. *Khlevnyuk O.V.* Stalin. The Life of one leader: a biography [Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya: biografiya]. M.: AST- CORPUS, 2015. 464 p.
  11. *Zhilyaev V.I.* Joseph Stalin. One vacation — two criminal cases [Iosif Stalin. Odin otpusk — dva ugolovnyh dela] // Rodina. 2006. № 5. P. 69–74.

Ключевые слова:

И.В. Сталин, отпуска, курорты, Кавказ, лечение, отдых.

Vladimir A. Nevezhin

JOSEPH STALIN ON VACATION: HIS TRIPS AND TREATMENT IN THE CAUCASUS IN THE 1920'S.

The article is dedicated to Joseph Stalin's vacations in the Caucasus in 1921–1930's, and is based on a series of sources, including archive documents, many of which are introduced into the research field for the first time. The author also is the first to create a timeline of Stalin's vacations. Logistics are analyzed, Stalin's preferential health resorts are named. It is shown that Stalin's medical treatment and therapy was controlled by well-known doctors. Concrete material is brought to light, revealing Stalin's role in the improvement of health resorts. The overall organization of Stalin's days off and vacations in the Caucasus in the 1920's is also thoroughly examined.

Stalin combined his therapy with everyday work on numerous documents, sending directives to Moscow regarding important questions of the U.S.S.R.'s inner and foreign policy.

Key words: Joseph Stalin, vacation, health resorts, the Caucasus, therapy, recreation.

Vladimir A. Nevezhin — Doctor of History, Leading Researcher of the Institute of Russian History.

 Невежин Владимир Александрович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории

С.М. Исхаков

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

История науки, как известно, позволяет понять логику развития представлений человека об окружающем его мире, об истории, о предшественниках, их вкладе в тот или иной процесс, который продолжается и в наше время. История международного сотрудничества советских историков с зарубежными коллегами, с одной стороны, отражала международное положение СССР, с другой — проблемы самой советской исторической науки, которая многие годы находилась в изоляции от мировой науки, а также стремление отечественных обществоведов к научной интеграции, к участию в совместных изысканиях. Разоблачение «культа личности» на XX съезде КПСС, хрущевская «оттепель» существенным образом сказались на освещении первостепенных для советских историков событий революционного 1917 г., на их подходах к освещению падения самодержавия в Российской империи и установления социалистической системы сначала здесь, а затем в других странах. О том, как происходило налаживание международных контактов советских историков в этой сфере, кем были непосредственные участники этого сложного процесса, какую на самом деле важную, но малоизвестную роль сыграли эти ученые, особенно из Академии наук СССР, какими были результаты их работы, недо-

статочно известно даже историографам, которые занимаются изучением антропологии академической жизни.

Состоявшееся в январе 1962 г. в Варшаве совещание главных ученых секретарей академий наук стран по вопросу о координации исследований наметило для совместной разработки силами ученых этих стран ряд проблем, в том числе и по истории. Была создана Проблемная комиссия многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран «История Великой Октябрьской социалистической революции», оргкомитет которой провел в Москве в апреле 1963 г. первое информационное совещание историков социалистических стран, участвовавших в этом проекте. В нем приняли участие представители 11 соцстран — Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии и Югославии. На совещании выступил председатель Научного совета АН СССР по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» академик И.И. Минц, который стал также возглавлять данную международную комиссию. На этом заседании были также заслушаны сообщения о деятельности секций Научного совета и научных учреждений СССР, занимающихся изучением рассматриваемой проблемы¹. К этому времени в составе Научного совета работали следующие секции союзных республик: Азербайджанская (А.С. Сумбатзаде), Армянская (Ц.П. Агаян), Грузинская (Н.И. Стурца), Казахская (С.Н. Покровский), Латвийская (В.А. Штейнберг), Литовская (Б.Ю. Вайткавичюс), Среднеазиатская (Х.Ш. Иноятов), Эстонская (Х. Арумяэ)².

То, что в области истории была избрана именно история Великой Октябрьской социалистической революции как объект для многостороннего сотрудничества, было связано, с точки зрения принимавших это решение, с тем, что комплексная разработка такой многогранной темы учеными разных стран могла привести к большим достижениям в области изучения теории и овладения опытом проведения, согласно лексикону того времени, «пролетарских революций»³. Налицо была не только пропагандистская функция подобной тематики, но и прикладное значение в «борьбе за мир».

¹ Иллерицкая Е.В. Историческая наука в СССР. В Отделении истории АН СССР и научных советах. Информационное совещание историков социалистических стран // Вопросы истории. 1963. № 10. С. 104–106. Е.В. Иллерицкая — секретарь этой международной комиссии (до декабря 1970 г.).

² История Великой Октябрьской социалистической революции. Информационный бюллетень Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран. 1972. № 4. С. 42, 53, 58–89.

³ Дудзинская Е.А. Международные научные связи советских историков. М., 1978. С. 83.

В соответствующих странах академиями наук были созданы постоянные организационные ячейки — группы, национальные комиссии, научные советы, которые выступали в качестве представителей своих академий наук в комиссии; таким образом, каждая академия наук имела в комиссии свою национальную часть и определяла своего постоянного представителя. Заседания ее проводились по мере необходимости, но не реже одного раза в год; на них, кроме решения организационных вопросов, заслушивались научные доклады. Комиссия при ее создании в 1962 г. была определена АН СССР как постоянный координирующий центр, обеспечивающий организацию многостороннего сотрудничества по данной проблеме. Практическую работу в этом направлении выполнял упомянутый Научный совет. В период между заседаниями комиссии этот Совет выполнял всю организационную работу по выполнению плана деятельности комиссии. Председатель Совета являлся одновременно представителем АН СССР в комиссии и ее председателем. Основными направлениями деятельности комиссии являлись: изучение международного значения Октябрьской революции и истории других социалистических революций, борьба с антикоммунистическими трактовками истории этих революций, с фальсификацией теории и практики социализма⁴. Таким образом, перед комиссией были поставлены как политические и идеологические, так и собственно научные задачи.

Первые пять лет работы международной комиссии принесли такие результаты: почти во всех странах-участницах изданы были национальные библиографии, проведена большая исследовательская работа, вышли десятки монографий, статей, документальных сборников⁵. По инициативе комиссии было проведено большое количество конференций, симпозиумов и других мероприятий. Так, в марте 1967 г. в Москве состоялась научная конференция «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции». Всего из соцстран, помимо СССР, было направлено на конференцию около 80 участников. Кроме ученых из стран социализма, в ней участвовали историки-марксисты еще из 27 стран: Австрии, Англии, Аргентины, Бельгии, Бразилии, Венесуэлы, Индии, Ирака, Ирана, Испании, Италии, Иордании, Колумбии, Ливана, Мексики, Панамы, Португалии, Сирии, США, Уругвая, ФРГ, Финляндии, Франции, Чили, Цейлона, Южной Африки и Японии. Всего на конференции присутствова-

⁴ Минц И.И. Интернационализм в деятельности Проблемной комиссии «История Великого Октября и последующих социалистических революций» // Многостороннее сотрудничество академий наук социалистических стран. Сборник статей и документов. М., 1978. С. 93–106.

⁵ Дудзинская Е.А. Указ. соч. С. 85.

до 500 ученых из 37 стран мира⁶. Присутствие историков из таких стран, как Англия, США, ФРГ, Франция, где истории России и ее революциям уделяли большое внимание, было результатом работы членов международной комиссии, перед которыми была поставлена такая задача. После этой конференции И.И. Минц отметил: «Следует закрепить установившиеся контакты с прогрессивными исследователями капиталистических стран»⁷.

На 3-м координационном совещании, которое состоялось в сентябре 1969 г. в Ленинграде, был поставлен вопрос о подготовке совместного международного труда. Решили также начать выпуск «Информационного бюллетеня» комиссии, чтобы сообщать научной общественности о проделанной организационной и исследовательской работе, а также систематически публиковать обзоры литературы, выходящей в социалистических странах, отчеты о проводимых научных мероприятиях, рецензии, статьи. Была создана международная редколлегия этого бюллетеня. В 1971 г. вышел его первый номер⁸. Выпуском бюллетеня комиссия надеялась стимулировать работу по всем этим направлениям, наладить четкую взаимную информацию о проделанной организационной и исследовательской работе⁹.

Этот бюллетень издавался в Москве на базе советской части комиссии. В нем регулярно освещались научные мероприятия по данной проблеме, содержалась информация о новой научной литературе, сообщалось о проблематике исследований, которую вели ученые союстран. В бюллетене публиковались документы комиссии, а также отдельные статьи по данной проблематике. Некоторые номера бюллетеня приобретали тематическую направленность. Так, 4-й номер бюллетеня целиком был посвящен 50-летию образования СССР: здесь был показан ход изучения истории Великого Октября в секциях Научного совета в союзных республиках. При этом признавалось, что проблемы истории Октября и образования СССР не нашли еще достаточного освещения¹⁰.

⁶ Минц И.И. Интернационализм в деятельности Проблемной комиссии «История Великого Октября и последующих социалистических революций»... С. 99.

⁷ Отчет о научно-исследовательской работе по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» за 1968 г. С. 29. Этот материал имел гриф «Для служебного пользования».

⁸ Дудзинская Е.А. Указ. соч. С. 85–86.

⁹ Минц И.И. Организация и некоторые результаты работы Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества // История Великой Октябрьской социалистической революции. Информационный бюллетень Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран. 1971. № 1. С. 10.

¹⁰ История Великой Октябрьской социалистической революции. Информационный бюллетень... 1972. № 4. С. 5.

В 1967–1971 гг. по этой тематике появились несколько коллективных трудов ученых Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Поволжья, Прибалтики, Северного Кавказа, Средней Азии, Украины¹¹. Совместные скоординированные действия дали заметные результаты в изучении этих сложных явлений.

На страницах бюллетеня публиковалась информация о различных аспектах научной жизни советских историков-октябристов. Так, сообщалось, что Научный совет провел в 1972 г. анкетирование среди специалистов в области истории Октябрьской революции и Гражданской войны. Основной целью анкеты было выявление круга проблем, нуждающихся в углубленной разработке и в обсуждении на сессиях и конференциях, а также определение комплекса источников, которые должны быть опубликованы в первую очередь. Научный совет получил 170 заполненных анкет: 70 анкет были заполнены историками Москвы и Ленинграда, остальные 100 — учеными, работавшими в 33 городах Советского Союза, в том числе 9 столицах союзных республик (Алма-Ата, Ашхабад, Баку, Ереван, Кишинев, Минск, Таллин, Ташкент, Тбилиси), 9 столицах автономных республик и центрах автономных областей (Казань, Карачаевск, Коканд, Махачкала, Нальчик, Орджоникидзе, Петрозаводск, Цхинвали и Чебоксары), а также старых и молодых научных центрах (Андижан, Донецк, Волгоград, Калинин, Карши, Краснодар, Куйбышев, Куляб, Псков, Ростов, Рязань, Саратов, Ставрополь, Ульяновск). На анкету откликнулись историки, имевшие большой опыт научно-исследовательской и педагогической работы и широкий научный кругозор.

Историки, работавшие в разных районах страны, в самых различных учреждениях и занимавшиеся очень неоднородной проблематикой, говоря о темах, нуждающихся в первоочередной разработке, называли примерно один и тот же круг вопросов. Так, 46 человек указали на недостаточную разработанность истории деятельности и краха буржуазных и мелкобуржуазных партий и организаций в период Ок-

---

¹¹ Миллер В., Ненароков А. О завершении одного важного серийного издания по истории Октября // История Великой Октябрьской социалистической революции. Информационный бюллетень... 1971. № 2. С. 49–52. Спустя почти полвека А.П. Ненароков отметил, что разработка истории Октябрьской революции настоятельно требует международного сотрудничества в исследовании проблем национальной политики советской власти, за последние годы здесь порождены новые ошибочные политические мифы (Ненароков А.П. История Великой российской революции: парадоксы современной историографии // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 9–11 октября 1917 г.). М., 2017. С. 34).

Заседание редколлегии коллективной монографии «Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии: восстановление советской власти» (издана в Москве в 1978 г.). Докладчик Б.А. Томан (первый слева).

Сотрудники Научного совета АН СССР по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» Е.В. Иллерицкая (третья слева) и Т.Ф. Кузьмина (четвертая слева).
Вильнюс, 1973 г.

тябрьской революции и Гражданской войны, истории Белого движения и белой эмиграции, деятельности антисоветских правительств и т.п. В 39 анкетах указывалось на необходимость углубленного изучения истории национальных движений и решения национального вопроса в период Октябрьской революции и Гражданской войны, а также особенностей Октябрьской революции в национальных районах страны. 30 ученых указали на необходимость продолжения всестороннего изучения истории Гражданской войны. 17 человек подчеркнули важность исследований по истории аграрного вопроса в Октябрьской революции и Гражданской войне, причем больше половины из них указывали на необходимость исследования аграрных преобразований советской власти в национальных районах. Авторы 17 анкет высказались за углубленную разработку историографии Октября и Гражданской войны, еще в 10 анкетах говорилось о важности исследований по источниковедению этого периода.

Новая группа вопросов, которые ставили историки в анкетах, касалась изучения психологии масс в годы революции и Гражданской войны, идейной борьбы накануне и в период проведения Октябрьской революции, культурного строительства в первые годы советской власти и его роли в борьбе за массы, а также проблемы «интеллигенция и революция».

В анкетах содержались рекомендации об издании сборников документов периода Октябрьской революции и Гражданской войны¹².

Этим анкетированием и подготовкой самого бюллетеня занимались сотрудники Научного совета, а издавался он в Институте истории СССР АН СССР, где и находилась редакция этого издания. Тираж 1-го номера — 150 экз. В редколлегию от советской стороны входили: А.Я. Манусевич (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), И.И. Минц, А.П. Ненароков (Институт истории СССР АН СССР). Тираж 2-го номера увеличился до 350 экз., 4-го — до 400 экз., затем вновь стал 350 экз. Тираж последнего номера, который появился в 1987 г., составил 250 экз. С 4-го номера у бюллетеня появился секретарь редакции — Т.Ф. Кузьмина (Институт истории СССР АН СССР).

Сотрудники Научного совета также занимались организацией и проведением мероприятий международной комиссии, принимая непосредственное участие в них. К примеру, в 6-м заседании комиссии (Берлин, 30 октября — 2 ноября 1973 г.) от советской стороны участвовали представители Научного совета АН СССР — И.И. Минц, Г.А. Трукан (зам. председателя этого Совета), А.Я. Манусевич, Е.В. Иллерицкая (ученый секретарь Совета с декабря 1971 г.), А.В. Игнатъев¹³.

К 1973 г., по наблюдениям одного из сотрудников Совета Г.З. Иоффе, в среде профессиональных историков стало осознаться, что научная разработка многогранной и сложной проблемы Октября 1917 г. и вызванного им революционного движения в разных странах мира оказывается всесторонней лишь при условии ее комплексного изучения учеными ряда стран. Вот почему советские исследователи, изучающие историю революций в России, проявляли большой и все растущий интерес к трудам своих коллег из других социалистических стран¹⁴, а также, добавим, из капиталистических стран, особенно те, которые, как и сам Г.З. Иоффе, имели возможность изучать такую литературу в спецхранах советских библиотек и архивов.

В 1973 г. в Майнце (ФРГ) состоялась первая конференция историков ФРГ и СССР (среди его представителей был заведующий сектором

---

¹² Об опыте анкетирования историков Октябрьской революции и Гражданской войны (Научный совет по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции») // История Великой Октябрьской социалистической революции. Информационный бюллетень... 1973. № 5. С. 64–67.

¹³ История Великой Октябрьской социалистической революции. Информационный бюллетень... 1974. № 6. С. 87–89.

¹⁴ Иоффе Г. Центральные исторические журналы СССР о трудах историков социалистических стран (1973 год) // История Великой Октябрьской социалистической революции. Информационный бюллетень... 1974. № 6. С. 82.

истории ЦК КПСС С.С. Хромов) по теме «Германия и Россия в период капитализма». Состоявшиеся в ее ходе встречи и беседы произвели, в частности, на одного из ведущих в ФРГ специалистов по истории СССР советского период Д. Гайера такое впечатление, что он загорелся мыслью установить прямые личные контакты с учеными из Института истории СССР в Москве и его филиала в Ленинграде. В 1974 г. он совершил поездку в СССР, посетив эти научные учреждения¹⁵.

К работе комиссии постоянно привлекались представители секций из союзных республик. Так, в работе 7-го заседания комиссии (Улан-Батор, 5–6 октября 1974 г.) от советской стороны участвовали, в частности, Ц.П. Агаян, Н.И. Стуруа, А.С. Сумбатзаде, Х.Ш. Иноятов¹⁶. На 9-м заседании комиссии (Бухарест, 26–28 октября 1976 г.) от советской части, к примеру, присутствовал представитель Латвийской секции А.К. Бирон, на 10-м заседании комиссии (Москва, 7–10 июня 1977 г.) — другой представитель Латвийской секции — А.А. Дризул¹⁷.

После того как совещание вице-президентов академий наук стран по общественным наукам в Москве в январе 1975 г. рекомендовало расширить проблематику комиссии, включив в ее задачи изучение всех революций, было изменено и название комиссии. Она стала называться Проблемной комиссией «История Великого Октября и последующих социалистических революций»¹⁸. Это произошло в ходе 8-го заседания комиссии (Прага, 30–31 октября 1975 г.), в котором от советской стороны участвовали И.И. Минц, Ц.П. Агаян, Т.Ф. Кузьмина (зам. ученого секретаря упомянутого Научного совета), А.Я. Манусевич, Н.И. Стуруа, А.Г. Шевелев (Институт истории АН Украинской ССР)¹⁹.

На заседаниях комиссии были утверждены рабочие группы, созданные в странах-участницах, которые распределили между собой разработку отдельных аспектов проблемы. В частности, советская сторона взяла тему «Октябрьская революция и решение национального вопро-

¹⁵ Филитов А.М. Научные связи историков в годы «холодной войны»: взгляд с «другой стороны» // Отечественная история. 2000. № 4. С. 130, 136, 138.

¹⁶ История Великой Октябрьской социалистической революции. Информационный бюллетень... 1975. № 8. С. 68, 70.

¹⁷ История Великого Октября и последующих социалистических революций. Информационный бюллетень Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран. 1977. № 10. С. 95, 97; 1978. № 11. С. 92–94.

¹⁸ Минц И.И. Интернационализм в деятельности Проблемной комиссии «История Великого Октября и последующих социалистических революций»... С. 102.

¹⁹ История Великой Октябрьской социалистической революции. Информационный бюллетень... 1976. № 9. С. 112–114.

са». При распределении тем комиссия исходила из желания национальных бюро и представления о степени их разработанности в соответствующих странах²⁰. Эти рабочие группы проводили конкретную исследовательскую работу по тем или иным темам, периодически встречались для обсуждения различных вопросов. Так, 28–29 апреля 1976 г. в Будапеште состоялось совещание международной рабочей группы по подготовке коллективного научного труда «Октябрьская революция и опыт создания государства диктатуры пролетариата», в работе которого от советской стороны принял участие, в частности, Ю.А. Поляков (Институт истории СССР АН СССР)²¹. Он же присутствовал на другом совещании этой группы, которое состоялось 26–27 апреля 1978 г. в Будапеште. Также в Будапеште 25–26 апреля 1979 г. состоялось очередное совещание этой рабочей группы, когда были обсуждены и приняты статьи, в частности, Ю.И. Кораблева и Е.В. Иллерицкой. 4–5 июля 1979 г. в Бухаресте состоялось заседание другой международной рабочей группы, имевшей название «Вопросы индустриализации и создания единой социалистической экономики»²².

Как правило, совещания комиссии происходили в ходе проведения той или иной международной конференции. Так, во время Международного симпозиума «Великий Октябрь и опыт создания государств диктатуры пролетариата» в Будапеште 3–4 октября 1978 г. состоялось 11-е заседание комиссии, в котором от советской части участвовали Ю.А. Поляков, Ю.И. Кораблев, В.И. Миллер (ученый секретарь советской части комиссии) и др.²³ 17 октября 1979 г. в Варшаве состоялось рабочее совещание представителей комиссии (от советской стороны — И.И. Минц, А.А. Дризул, Н.И. Стуруа, Т.Ф. Кузьмина и др.), участвовавших в работе научной конференции «Формирование политического строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (Варшава, 16–17 октября 1979 г.)²⁴.

Развивалось сотрудничество комиссии не только с европейскими, но и с вьетнамскими и монгольскими историками. На 12-м заседании комиссии, которое состоялось в Москве 12–13 июня 1979 г., в нее был

²⁰ Дудзинская Е.А. Указ. соч. С. 88–89.

²¹ История Великой Октябрьской социалистической революции. Информационный бюллетень... 1976. № 9. С. 71.

²² История Великого Октября и последующих социалистических революций. Информационный бюллетень... 1980. № 14. С. 84–85.

²³ Там же. 1979. № 13. С. 91–92, 96.

²⁴ Там же. 1978. № 11. С. 52; 1980. № 14. С. 80–82, 87–88.

Группа участников заседания Проблемной комиссии «История Великого Октября и последующих социалистических революций» в Бухаресте. Слева направо: М.А. Мунтян (1-й секретарь Посольства СССР в Румынии), В.Я. Гросул (Институт истории СССР АН СССР), И.С. Достян (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), Д.М. Драгнев (Институт истории АН Молдавской ССР), Т.Ф. Кузьмина, И. Константину (Институт истории АН Румынии).
Во время поездки в г. Адамкиси (Румыния), 1980 г.

принят Комитет общественных наук Социалистической Республики Вьетнам²⁵. 15 июня 1981 г. в Улан-Баторе состоялось заседание комиссии (от советской стороны — И.И. Минц, Т.Ф. Кузьмина и др.) и представителей советско-монгольской двусторонней комиссии по сотрудничеству АН СССР и АН МНР в области общественных наук²⁶.

В ноябре 1981 г. впервые сотрудники Института истории СССР АН СССР (его директор С.С. Хромов, зам. председателя Научного совета Ю.И. Кораблев, ученый секретарь Комиссии по международным связям Института истории СССР АН СССР Н.Ф. Бугай) посетили Институт истории в г. Ханое, а также Институт общественных наук в г. Хошимине. В ходе переговоров было достигнуто соглашение о том, что вьетнамская национальная комиссия историков будет координировать научные исследования по теме «История социалистической революции во Вьетнаме» в рамках рабочей научно-исследовательской группы по проблеме «Влияние Великого Октября на Вьетнамскую революцию и революции в развивающихся странах Юго-Восточной Азии»²⁷. В ноябре 1985 г. в г. Хо-

²⁵ Там же. 1981. № 15. С. 96, 102.

²⁶ № 16. С. 62.

²⁷ Кузьмина Т.Ф., Миллер В.И. В гостях у вьетнамских коллег // История Великого Октября и последующих социалистических революций. Информационный бюллетень... 1982. № 17. С. 109–112.

шимине состоялась подготовленная с участием комиссии конференция, советскую делегацию возглавлял Ю.А. Поляков²⁸.

В апреле 1982 г. в д. Смоленице, под Братиславой, состоялось рабочее заседание группы членов международной комиссии (И.И. Минц, Ю.А. Поляков, А.Я. Манусевич, Е.В. Иллерицкая), на котором был уточнен план работы комиссии на 1983–1985 гг.²⁹ 14-е заседание комиссии состоялось в Варшаве 31 мая — 1 июня 1983 г. (от советской стороны — Ю.И. Кораблев, А.Я. Манусевич, В.И. Миллер, где обсуждались ее работа, подготовка очередных номеров бюллетеня комиссии, плана на 1984–1985 и 1986–1990 гг.³⁰

Одним из результатов работы комиссии стал выход в свет коллективного труда³¹. Главное, в чем заключалась ценность данного издания, как отмечалось в многочисленных рецензиях, — это новаторский для своего времени характер предпринятого в книге сравнительного исследования революционного движения в разных странах. Компаративистика, таким образом, становилась одним из важных инструментов изучения сложных и актуальных вопросов обществоведения.

Несмотря на то, что проблемы революционной России считались предметом острой идеологической борьбы, интересы развития исследований приводили как советских, так и ученых из других стран к заинтересованности в расширении международного сотрудничества. В Ленинграде 5–9 октября 1984 г. состоялась встреча ученых из разных стран: Д. Гайер (ФРГ), П. Дьюкс (Великобритания), Ф. Мучи (Венгрия), А. Рабинович (США), В. Руге (ГДР), Х. Хазельштайнер (Австрия), Хр. Христов (Болгария), С.С. Хромов (СССР). Присутствовавшие советские историки отмечали, что цель создаваемой Международной комиссии по истории Великой Октябрьской социалистической революции состоит в том, чтобы стать еще одной формой научного сотрудничества, открыть возможность обмена мнениями со специалистами из буржуазных стран³². Показательно, что В. Руге (Центральный институт истории АН ГДР) являлся представителем ГДР в Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества академий

²⁸ История Великого Октября и последующих социалистических революций. Информационный бюллетень... 1987. № 21–22. С. 189–191.

²⁹ Там же. 1982. № 17. С. 61–62.

³⁰ Там же. 1984. № 19. С. 5–9.

³¹ Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе. М., 1977; 2-е изд., перераб. и доп. М., 1982.

³² Иоффе Г.З. Международная комиссия по истории Октябрьской революции // Вопросы истории. 1985. № 2. С. 162–164; Отчет Научного совета за 1983–1985 гг. М., 1986. С. 113.

наук соцстран, Ф. Мучи (Институт истории АН Венгрии) — представителем Венгрии, Хр. Христов (Институт истории Болгарской АН) — Болгарии.

Какова была роль С.С. Хромова в создании этой комиссии и кого он представлял? В 1979—1988 гг. он был директором Института истории СССР АН СССР, а до этого работал в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС. Будучи директором, он имел поддержку заведующего Международным отделом ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева, который был к тому же академиком, возглавляя в 1962—1985 гг. Научный совет АН СССР «История рабочего и национально-освободительного движения». Логично предположить, что новую международную комиссию в ЦК КПСС разрешили создавать в своих собственных интересах, а именно: использовать достижения буржуазной исторической науки под своим контролем, возможности, связанные с теорией конвергенции, которая получила распространение на Западе еще в 50—60-е гг. XX в.

Минцевская комиссия тем временем продолжала активную зарубежную деятельность. Так, 30—31 мая 1985 г. в г. Чешские Будейовицы (Чехословакия) состоялось 15-е ее заседание (с участием И.И. Минца, Е.В. Иллерицкой, В.И. Миллера), где были рассмотрены итоги работы, уточнения к плану на 1985 г., вопрос о плане на 1986—1990 гг. и др. В этом плане были намечены, в частности, международные конференции в Софии (1986 г.), Улан-Баторе (1987 г.), Гаване (1987 г.), Варшаве (1987 г.), Праге (1989 г.), Будапеште (1989 г.), Варшаве (1989 г.). Следующее заседание комиссии было намечено провести в Москве в марте — апреле 1987 г., а 17-е заседание — в Будапеште в марте 1989 г.³³

Первое заседание хромовской Международной комиссии по истории Октябрьской революции³⁴ состоялось во время XVI конгресса Международного комитета исторических наук (МКИН) (Штутгарт, 25 августа — 1 сентября 1985 г.). Конгрессы МКИН, проходящие раз в 5 лет, на протяжении почти века привлекали внимание ученых со всего мира, поскольку показывали новые направления исследований и представляли собой возможность для настоящих научных дискуссий, в которых участвовали и отдельные ученые, и представители различных научных школ. Каждый конгресс отражал в той или иной мере состояние исторической

³³ История Великого Октября и последующих социалистических революций. Информационный бюллетень... 1985. № 20. С. 6—18.

³⁴ Название этой комиссии дается в издании, подготовленном в Национальном комитете историков России, такое — «Международная комиссия по истории Октябрьской революции в России» (Российские историки на международных конгрессах исторических наук (1900—2000 гг.). Исторический обзор. М., 2005. С. 117), что неверно.

науки в различных странах, расхождения и противоречия между историками, в том числе по революционной тематике.

Президентом комиссии на этом заседании в Штутгарте был избран академик И.И. Минц (он не приехал на конгресс, направив участникам собрания письменное приветствие), генеральным секретарем — С.С. Хромов. В приветствии говорилось о том, что «можно по-разному оценивать характер и движущие силы Октября, но все специалисты независимо от разных взглядов не могут не признавать значения Октября в истории человечества: подобно Великой Французской революции, возвестившей создание нового общества, так и Октябрь положил начало новейшему периоду истории»³⁵. С.С. Хромов выступил с докладом о состоянии историографии по Октябрьской революции в России в различных странах³⁶. Из него следовало, что какого-либо развития в советской историографии не было, а происходило движение по проторенной многократно тематике.

В состав новой комиссии (хромовской) помимо И.И. Минца и С.С. Хромова³⁷ вошли зарубежные исследователи — Д. Гайер, К. Герман (Чехословакия), П. Дьюкс, А. Морич (Австрия), Ф. Мучи (вице-президент), Ш. Нацагдорж (Институт истории АН Монголии), А. Рабинович (вице-президент), Г. Розенфельд (ГДР), Хр. Христов. Принятие данной комиссии в состав МКИН в качестве его внутренней организации состоя-

³⁵ Российские историки на международных конгрессах исторических наук... С. 117.

³⁶ *Chromov S.S. Historiography on the Great Socialist October Revolution // Actes du XVI Congrès des Sciences Historiques, Rapports. II. Stuttgart, 1985. P. 843–847.* Содержание этого доклада в основном совпадает с текстом изданной в Москве в преддверии конгресса брошюры «Современная советская историография Октябрьской революции в России», авторами которой значатся И.И. Минц и С.С. Хромов.

³⁷ В проекте состава советской части этой комиссии значились 50 ученых, в том числе Н.Н. Азовцев (Институт военной истории), Ю.Н. Афанасьев (журнал «Коммунист»), А.К. Бирон (Институт истории АН Латвийской ССР), В.И. Бовькин (Институт истории СССР АН СССР), Ф.М. Ваганов (Главное архивное управление при Совете Министров СССР), В.А. Виноградов (ИНИОН АН СССР), П.В. Волобуев (Институт истории естествознания и техники АН СССР), Г.А. Галоян (Президиум АН Армянской ССР), А.С. Гапоненко (Академия общественных наук при ЦК КПСС), Е.Г. Гимпельсон (Институт истории СССР АН СССР), П.А. Голуб (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), Е.Н. Городецкий (Институт истории СССР АН СССР), К.В. Гусев (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), О.Н. Знаменский (Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР), Х.Ш. Инояттов (Институт истории АН Узбекской ССР), И.М. Ионенко (Казанский госуниверситет), Г.З. Иоффе, Ю.Ю. Кондуфор (Институт истории АН Украинской ССР), Ю.И. Кораблев, Ю.А. Поляков, Г.Н. Севостьянов (журнал «Новая и новейшая история»), А.С. Сумбатзаде (Институт информации по общественным наукам АН Азербайджанской ССР), А.Н. Сургуладзе (Тбилисский госуниверситет), Ш.Т. Ташлиев (Институт истории АН Туркменской ССР), В.Г. Трухановский (журнал «Вопросы истории»), А.Г. Чубарьян (Институт всеобщей истории АН СССР), Н.З. Якупов (Одесский госуниверситет).

лось во время конгресса. Причем Ш. Нацагдорж одновременно являлся представителем своей страны в Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества академий наук соцстран.

На конгресс И.И. Минца, которому тогда было 89 лет, не пустил его лечащий врач. В своем дневнике академик сделал 29 августа 1985 г., во время работы конгресса, такую запись: «В этот день на... мировом конгрессе историков... должен был я произнести вступительное слово в секции, где обсуждалась проблема истории Октября. Впервые! До этого заправили исторического конгресса не допускали создания такой секции. Можно себе представить мое настроение!»³⁸ Его отношение к этой комиссии, надо полагать, улучшилось после того, как ему сообщили, что он был избран ее президентом. До этого момента он не мог быть ее главой, как ошибочно сказано в академическом справочнике³⁹. Фактическим же ее руководителем являлся директор Института истории СССР АН СССР С.С. Хромов.

На конференцию, подготовленную Международной комиссией многостороннего сотрудничества, посвященную 70-летию Великого Октября, в Берлин в октябре 1987 г., поехала, в частности, Е.В. Иллерицкая; в Варшаву на научную конференцию «Роль участников Октябрьской революции и гражданской войны в России в развитии рабочего движения, в борьбе за народную власть и ее укрепление в странах социализма» в октябре 1987 г. поехала, в частности, Т.Ф. Кузьмина.

Представители этой комиссии и Научного совета также участвовали в работе конференции «Великая Октябрьская социалистическая революция и Кубинская революция», которая состоялась в октябре 1987 г. в Гаване, в конференции, посвященной 70-летию образования Венгерской Советской Республики, которая прошла в марте 1989 г. в Будапеште.

Первым же крупным мероприятием Международной комиссии по истории Октябрьской революции стала Международная конференция «Классы и политические партии в Октябрьской революции в России», которая состоялась 19–22 мая 1987 г. в Одессе. В ее работе участвовали ученые из 13 стран, в том числе Австрии, Великобритании, Индии, Китая, США, Финляндии, Франции, ФРГ. Конференцию открыли И.И. Минц и С.С. Хромов. С докладами выступили члены комиссии П. Дьюкс, А. Морич, Ф. Мучи, А. Рабинович, Хр. Христов, а также другие историки, в частности, Б. Бонвеч (ФРГ), У. Розенберг (США), М. Ферро (Франция), Чэнь Чжихуа (Китай).

³⁸ «Из памяти выплыли воспоминания...» Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М., 2007. С. 537.

³⁹ Российские историки на международных конгрессах исторических наук... С. 117.

Для дальнейшего развития контактов и сотрудничества между историками разных стран, отмечал в 1989 г. П. Дьюкс, следует сделать еще очень многое. Под влиянием общения с советскими историками — членами этой комиссии он писал, что должно быть больше терпимости к различным точкам зрения. Пока же, по его впечатлениям, обнаруживается больше слепого патриотизма, больше эмоциональных реакций, чем академического анализа. «Тем не менее я, — считал он тогда, — убежден, что не только в длительной перспективе, но и в ближайшее время историки из разных стран смогут расширить и умножить число научных контактов... Я убежден, что, развивая совместные исследования... мы сможем расширить круг знаний друг о друге, улучшить взаимопонимание»⁴⁰. Другой активный член комиссии Д. Гайер в том же 1989 г. отметил, что советская партийная бюрократия, диктующая, что есть истина, привела к тому, что историкам на Западе трудно было рассматривать советскую историческую науку в качестве партнера. Он подчеркнул, что в первый раз предоставляется возможность развивать более совершенные и плодотворные формы серьезной научной кооперации историков, в частности, ФРГ и СССР⁴¹. А. Рабинович и Ф. Мучи, будучи участниками Международной научной конференции историков «Россия, СССР в XX веке», которая прошла весной 1990 г. в Москве, заявили, что почти все вопросы политической истории 1917 г. нужно изучать по-новому, что начинать нужно сызнова, что не должно быть монополии на истину какой-то группы историков или целых учреждений⁴².

Самые важные вопросы работы этой комиссии решались во время заседаний в ходе конгрессов МКИН. На XVII конгрессе МКИН в Мадриде (27 августа — 2 сентября 1990 г.) 28 августа состоялось заседание Международной комиссии по истории Октябрьской революции, в котором был заслушан ряд докладов, в том числе советских историков. Согласно правилам МКИН, в заседании комиссии были сделаны и кадровые решения: П.В. Волобуев был избран президентом комиссии, а Г.З. Иоффе — генеральным секретарем⁴³ вместо С.С. Хромова, который тогда уже не был директором упомянутого института. Уход его из комиссии, где он был олицетворением ака-

⁴⁰ Дьюкс П. История в современном мире // Вопросы истории. 1989. № 9. С. 178.

⁴¹ Гайер Д. Проблемы и перспективы сотрудничества историков Советского Союза и ФРГ // История СССР. 1990. № 2. С. 208–209.

⁴² До и после Октября. Беседа с профессором Индианского университета А. Рабиновичем и доктором исторических наук, руководителем Отдела общественных наук Венгерской АН Ф. Мучи // Диалог. 1990. № 15. С. 72–77.

⁴³ Исхаков С.М. Международная комиссия по изучению революций в России // 1917 год в Евразии. Сборник статей и материалов. М., 2017. С. 8–9.

демического бюрократа и идеологического «надзирателя», вызвал у членов комиссии прилив оптимизма. «Долгие годы идеологический диктат лишал нас», отмечали советские историки, в частности Иоффе, плодотворного сотрудничества с зарубежными коллегами, с которыми российские историки встали на путь активного диалога⁴⁴. С приходом П.В. Волобуева у этой комиссии началась новая жизнь, которая продолжалась несколько лет.

Таким образом, Международная комиссия по изучению Великой Октябрьской социалистической революции, сформированная из ученых социалистических стран в 1962 г., принимала участие в подготовке всех наиболее крупных международных конференций, которые имели место в социалистических странах и были связаны с революционной тематикой, а также с другими важными проблемами советской истории и истории социалистических стран в XX в. Значение этой Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран на протяжении всех лет существования этого международного экспертно-аналитического центра состоит в том, что она, выполняя свою прагматическую задачу, поставленную властью, в меру своих возможностей стимулировала появление идей, активизировала и поддерживала новаторский поиск, содействовала международным научным контактам в теоретической и методологической областях, расширяла документальную основу изучения, тем самым она внесла свой вклад в отечественное и мировое революциеведение, в философское понимание проблемы революций в истории человечества. С 1989 г. в условиях распада мировой социалистической системы эта комиссия незаметно самоликвидировалась, успев все же передать при этом эстафету Международной комиссии по истории Октябрьской революции (из советских и буржуазных ученых), которая входила в состав Международного комитета исторических наук в 1985–2010 гг.; она представляла собой уже эклектическую модель развития исторической науки в данном направлении. Активность элитарной комиссии и интеллектуального центра постепенно затухала на фоне все более усиленно распространявшихся с начала XXI в. в общественном сознании и массовой исторической литературе «аффективных действий», «психоэмоционального измерения революции», российской/красной/гражданской «смуты».

⁴⁴ Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 5.

REFERENCES

1. Before and after October. Interview with Professor A. Rabinovich of Indiana University and Doctor of History, Head of the Social Sciences Department of the Hungarian Academy of Sciences F. Muchi [Do i posle Oktyabrya. Beseda s professorom Indijanskogo universiteta A. Rabinovichem i doktorom istoricheskikh nauk, rukovoditelem Otdela obshchestvennyh nauk Vengerskoj AN F. Muchi] // Dialog. 1990. № 15. S. 72–77.
2. *Chromov S.S.* Historiography on the Great Socialist October Revolution // Actes du XVI Congrès des Sciences Historiques, Rapports. II. Stuttgart, 1985. P. 843–847.
3. *Dudzinskaya E.A.* International Scientific Relations of Soviet Historians Moscow [Mezhdunarodnye nauchnye svyazi sovetskih istorikov] M.: Nauka, 1978. 290 s.
4. *Dukes P.* History in the Modern World [Istoriya v sovremennom mire] // Voprosy istorii. 1989. № 9. S. 178–182.
5. *Filitov A.M.* Historical links of historians during the years of the Cold War: a look from «the other side» [Nauchnye svyazi istorikov v gody «holodnoj vojny»: vzglyad s «drugoj storony»] // Otechestvennaya istoriya. 2000. № 4. S. 130–138.
6. *Gajer D.* Problems and prospects of cooperation of historians of the Soviet Union and Germany [Problemy i perspektivy sotrudnichestva istorikov Sovetskogo Soyuza i FRG] // Istoriya SSSR. 1990. № 2. S. 208–210.
7. Great October and the revolutions of the 40s in the countries of Central and Southeast Europe. The experience of a comparative study of socio-economic changes in the revolutionary process. M., 1977. 2nd ed. [Velikij Oktyabr' i revolyucii 40-h godov v stranah Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evropy. Opyt sravnitel'nogo izucheniya social'no-ehkonomicheskikh preobrazovanij v revolyucionnom processe] M.: Nauka, 1977; 2-e izd. M.: Nauka, 1982. 535 s.
8. *Illerickaya E. V.* Historical science in the USSR. In the Department of History of the Academy of Sciences of the USSR and scientific councils. Information meeting of historians of the socialist countries [Istoricheskaya nauka v SSSR. V Otdelenii istorii AN SSSR i nauchnyh sovetah. Informacionnoe soveshchanie istorikov socialisticheskikh stran] // Voprosy istorii. 1963. № 10. S. 104–106.

9. *Ioffe G.* The central historical journals of the USSR on the works of historians of socialist countries (1973) [Central'nye istoricheskie zhurnaly SSSR o trudah istorikov socialisticheskikh stran (1973 god)] // *Istoriya Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii. Informacionnyj byulleten' Problemnoj komissii mnogostoronnego sotrudnichestva akademij nauk socialisticheskikh stran.* 1974. № 6. S. 82–86.
10. *Ioffe G.Z.* International Commission on the History of the October Revolution [Mezhdunarodnaya komissiya po istorii Oktyabr'skoj revolyucii] // *Voprosy istorii.* 1985. № 2. S. 162–164.
11. *Iskhakov S.M.* International Commission for the Study of Revolutions in Russia [Mezhdunarodnaya komissiya po izucheniyu revolyucij v Rossii] // *1917 god v Evrazii. Sbornik statej i materialov.* M., 2017. С. 5–17.
12. *Kuz'mina T.F., Miller V.I.* Visiting Vietnamese colleagues [V gostyah u v'etnamskikh kolleg] // *Istoriya Velikogo Oktyabrya i posleduyushchih socialisticheskikh revolyucij. Informacionnyj byulleten' Problemnoj komissii mnogostoronnego sotrudnichestva akademij nauk socialisticheskikh stran.* 1982. № 17. S. 109–112.
13. *Miller V., Nenarokov A.* On the completion of one important serial publication on the history of October [O zavershenii odnogo vazhnogo serijnogo izdaniya po istorii Oktyabrya] // *Istoriya Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii. Informacionnyj byulleten' Problemnoj komissii mnogostoronnego sotrudnichestva akademij nauk socialisticheskikh stran.* 1971. № 2. S. 49–52.
14. *Minc I.I.* Internationalism in the activities of the Problem Commission «History of the Great October Revolution and the subsequent socialist revolutions» [Internacionalizm v deyatel'nosti Problemnoj komissii «Istoriya Velikogo Oktyabrya i posleduyushchih socialisticheskikh revolyucij»] // *Mnogostoronnee sotrudnichestvo akademij nauk socialisticheskikh stran. Sbornik statej i dokumentov.* M.: Nauka, 1978. S. 93–106.
15. *Minc I.I.* Organization and some results of the work of the Multilateral Cooperation Problem Commission [Organizaciya i nekotorye rezul'taty raboty Problemnoj komissii mnogostoronnego sotrudnichestva] // *Istoriya Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii. Informacionnyj byulleten' Problemnoj komissii mnogostoronnego sotrudnichestva akademij nauk socialisticheskikh stran.* 1971. № 1. S. 5–10.
16. *Nenarokov A.P.* The history of the Great Russian Revolution: the paradoxes of modern historiography [Istoriya Velikoj rossijskoj revolyucii: paradoksy sovremennoj istoriografii] // *Velikaya rossijskaya revolyuciya, 1917: sto let*

- izucheniya: materialy Mezhdunarod. nauch. konf. (Moskva, 9–11 oktyabrya 1917 g.). M.: IRI RAN, 2017. S. 31–35.
17. Russia XIX–XX centuries. View of foreign historians. [Rossiya XIX–XX vv. Vzgl'yad zarubezhnyh istorikov]. M.: Nauka, 1996. 251 s.
18. Russian historians at international congresses of historical sciences (1900–2000). Historical overview [Rossijskie istoriki na mezhdunarodnyh kongressah istoricheskikh nauk (1900–2000 gg.)] Istoricheskij obzor. M.: Nauka, 2005. 200 s.

Ключевые слова:

Большая Октябрьская социалистическая революция, Международный комитет исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, П.В. Волобуев, И.И. Минц, С.С. Хромов, революция, смута.

Salavat M. Iskhakov

THE INTERNATIONAL COMMISSION ON THE STUDY OF THE GREAT OCTOBER SOCIALIST REVOLUTION

The article is dedicated to the international collaboration of Soviet historians, researchers of the Revolution and related themes, conducted in the 1960–1990's, as well as to the academic life and research of historians from other Socialist countries, who had a significant input into the study of the Revolution and whose research findings were considered more than prominent for the time. The article sheds light on the main events in international academic life in the fields of revolutionary studies and Soviet history. The work of the International Commission on the Study of the Great October Socialist Revolution, which brought together historians of the Socialist countries in 1962, gives us a clear idea of how international cooperation of academics — of socialist, as well as some capitalist countries — was established and how it functioned.

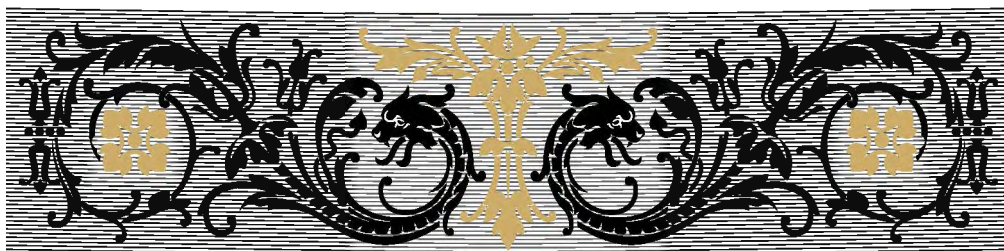
Special attention is given to lesser known episodes of the Soviet historians of the revolution and their interaction with their foreign colleagues. Importance of this collaboration is clearly shown with respect to the genesis of new ideas, the stimulus for a new, innovative research method, the expansion of the source base of the Russian revolutions of the 20th century.

Key words: The Great October Socialist Revolution, the International Committee for Historical Sciences, the Institute of Soviet History of the U.S.S.R. Academy of Science, P.V. Volobuyev, I.I. Mints, S.S. Khromov, the Revolution, civil unrest.

Salavat M. Iskhakov — Doctor of History, vice-chairman of the Academic Council of the Russian Academy of Science, responsible for overseeing the history of social reforms, movements and revolutions.

 Исхаков Салават Мидхатович

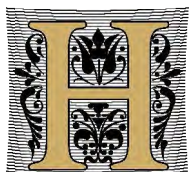
доктор исторических наук, заместитель председателя Научного совета
РАН по истории социальных реформ, движений и революций

Б.Н. Морозов

КРЫМ В РАЗВИТИИ РОССИИ: ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ДИПЛОМАТИЯ. ДОКУМЕНТЫ АРХИВОВ МИД РОССИИ

Ижевск, 2018. 600 с.

а протяжении многих столетий Крым был тесно связан с историей России. Достаточно сказать о таком символическом событии, как крещение великого князя Владимира Святославича в Корсуне (Херсонесе), давшее начало вхождению Древнерусского государства в мировую цивилизацию. Уже с самого начала образования в конце XV в. на полуострове Крымского ханства — осколка Золотой Орды — оно поспешило установить дипломатические отношения с Русью, сбросившей с себя монголо-татарское иго. Специалистам известно, что самая ранняя из посольских книг, куда записывались сведения о ставших при московском великом князе Иване III регулярными поездках русских и приемах иностранных послов, была «Крымская книга». Причем первое посольство датируется в ней 1474 г. — временем, когда Крымское ханство еще не стало вассалом Османской империи и заключило союзный договор с Москвой.

История отношений Крыма и России в дальнейшие XVI—XVII вв. известна — это бесконечные набеги крымско-татарских отрядов на южнорусские земли, неоднократные попытки (последняя в 1591 г.) ханской армии взять Москву, чередующиеся с переговорами о мире и выкупе

пленных. К концу XVII в. для московского правительства встал вопрос о необходимости кардинально решить проблему борьбы с крымской угрозой путем разгрома ханства Гиреев, но первые большие походы русской армии на полуостров эту задачу не решили. Царь Петр, вероятно, успешно продолжил бы борьбу, создал флот на Черном море и противостоял Турции. Но после его поездки в Европу в 1697–1698 гг. вектор его политики переместился на 20 лет на Северо-Запад и крымский вопрос решался на протяжении всего XVIII в.

С освещения событий этой эпохи и открывается рецензируемый сборник документов, подготовленный большой группой сотрудников Историко-дипломатического департамента МИД Российской Федерации. Опять же для историков это понятно — ведь именно в ведомственный Архив МИД в 1940-е гг. были переданы из Архива древних актов материалы Посольского приказа и Коллегии иностранных дел с начала XVIII в. до начала XIX в.

Итак, в I раздел сборника вошли 59 документов за 1700–1791 гг., хранящихся ныне в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Большинство из них публикуется впервые, естественно, за исключением основополагающих государственных договоров. Так, текст Константинопольского мирного договора России с Турцией 1700 г. (№ 1), который развязал Петру I руки для начала Северной войны и должен был прекратить набеги из Крыма, перепечатан из Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ). Однако в легенде дана важная информация — шифр подлинника на турецком языке, хранящегося в АВПРИ (русский подлинник, очевидно, хранится в Турции). По тому же ПСЗРИ опубликованы: Договор о вечном мире и согласии между Россией и Турцией 1739 г. (№ 2), Конвенция о разграничении границ в Крымской степи 1742 г. (№ 3).

Начало правления Екатерины II ознаменовалось учреждением в 1763 г. российского консульства в Крыму. В сборнике опубликованы указы и инструкции, данные первому российскому консулу в Бахчисарае А.Ф. Никифорову, его «записка» — отчет (№ 8–11). Здесь можно отметить примечательную неточность в оформлении сборника. Среди помещенных на отдельной вклейке 36 страниц цветных иллюстраций, несомненно оживляющих книгу, на второй из них помещена фотокопия документа под заголовком: «Указ Екатерины II о назначении А.Ф. Никифорова первым консулом России в Крыму. 14 мая 1763 г. АВПРИ». Но текст данной фотокопии не соответствует опубликованному в сборнике под № 10 документу под тем же названием, но с датой 19 мая 1763 г. В каче-

стве иллюстрации был взят не указ императрицы, а верительная («уполномоченная») грамота А.Ф. Никифорову, подписанная канцлером графом М.И. Воронцовым и скрепленная государственной печатью (между тем подобные заверительные признаки документов, кроме подписей, в сборнике не отмечались).

Дальнейшие исторические документы второй половины XVIII в., помещенные в I разделе сборника: мирные договоры, дипломатическая переписка, рескрипты Екатерины II, связаны с русско-турецкими войнами, в ходе которых Россия усиливала свое влияние в Крыму, добилась его независимости от Османской империи (по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. — № 22). Наконец, усилиями Г.А. Потемкина (см. его записки «О Крыме» — № 34, 38), поддержанными императрицей, Крым стал частью Российской империи, о чем было объявлено в Манифесте Екатерины II от 8 апреля 1783 г. (№ 40).

О новом этапе развития Крыма в качестве Таврической губернии свидетельствуют документы II раздела (№ 60–107) за 1802–1845 гг. Хотя значительная часть этих документов является дипломатической перепиской (в значительной части русских представителей в Константинополе), в них затрагиваются важные вопросы развития полуострова в качестве не только стратегического плацдарма на Черном море, но и важной территории для развития экономики страны: в 1804 г. Севастополь было решено сделать только военным портом (№ 74, 79), а торговыми портами стали Феодосия и Керчь, обустроенные уже в 1820-е гг. (№ 81, 84–92, 100–103).

Одним из символов русской военной славы Крым стал в период Крымской (или Восточной) войны 1853–1856 гг., несмотря на то что она в целом была неудачной для нашей страны. Документы этого периода помещены в III разделе сборника (№ 108–136). Как известно, война эта была вызвана сложными отношениями России с рядом европейских стран и Османской империей, поэтому публикуемые впервые дипломатические документы этого времени представляют значительный исторический интерес.

IV раздел сборника (№ 137–203) охватывает последний период истории Российской империи — 1856–1916 гг., в которые происходили многие перемены в экономике, социальной жизни и культуре — реформы императора Александра II, развитие промышленности, революция 1905–1907 гг., Первая мировая война. Все они отразились на развитии Крыма. Как и в других разделах, здесь также многие публикуемые документы вышли, как говорится, из «высших сфер» — переписка министров

иностранных дел, их «товарищей» с дипломатическими представителями и с другими ведомствами. Круг вопросов весьма широк — от преодоления невыгодных для России итогов Крымской войны, воссоздания флота и строительства железных дорог до вопросов, касающихся жизни и деятельности отдельных личностей или определенных групп населения. Например, переписка по поводу экспедиции в Крым шведского ученого А. Стуксберга (№ 171, 172, 175), о курсировании из Севастополя пароходов с паломниками (№ 187, 188).

Большое значение не только для региональной истории имеет выявленное архивистами АВПРИ письмо 1857 г. из Парижа художника И.К. Айвазовского товарищу министра иностранных дел графу И.М. Толстому, с которым он, очевидно, имел дружеские отношения. Он пишет о планах его брата архимандрита Г.К. Айвазовского открыть в Феодосии армянское училище, а далее о возможном его выдвигении в Эчмиадзинские патриархи (№ 140). Об этом училище Г.К. Айвазовский в том же году уже из Феодосии писал министру иностранных дел князю А.М. Горчакову (№ 141).

Безусловно, большой интерес представляют собранные в V последнем разделе сборника документы по истории Крыма с января 1919 г. по октябрь 1921 г. (№ 204–249), отложившиеся уже в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). В начале этого периода в России в разгаре Гражданская война, Крым занят Добровольческой армией генерала Деникина, в черноморских портах стоят корабли французского флота. Документы в данном разделе, как и в предыдущих, расположены в хронологическом порядке и тексты, вышедшие из противоборствующих сторон, чередуются. Они открываются содержательными разведывательными сводками особого отдела Реввоенсовета РСФСР о ситуации на Юге России и в Крыму в январе 1919 г., направленными в Наркомат иностранных дел (№ 204, 205), но в дальнейшем большинство документов является перепиской бывших дипломатов Российской империи, поддержавших Белое движение. К июлю 1920 г. относятся две любопытные информации дипломатического отдела посольства в Германии Украинской народной республики (уже фактически не существовавшей) об армии генерала П.Н. Врангеля (№ 242, 243). Обстановку на Южном фронте накануне вступления в Крым Красной армии показывает телеграмма председателя Реввоенсовета РСФСР А.Д. Троцкого народному комиссару по иностранным делам Г.В. Чичерину 10 октября 1920 г. (№ 245), а об эвакуации белой армии и гражданского населения из Крыма — те-

леграмма дипломатического представителя правительства Врангеля в Константинополе А.А. Нератова послу во Франции В.А. Маклакову 4 декабря 1920 г. (№ 246).

Завершают раздел V и весь сборник Декрет ВЦИК об образовании Автономной Крымской Советской Социалистической Республики от 18 октября 1921 г. (№ 249) и Договор об образовании СССР 29 декабря 1922 г., подписанный и председателем Совнаркома Крымской АССР (№ 250). Об этом указано только в примечании к этому последнему документу, но в перепечатанном тексте Союзного договора 1922 г. из Постановления Первого съезда Советов СССР эта и другие подписи не воспроизведены.

Данные краткие подстрочные примечания сопровождают большинство документов сборника, начиная с I раздела. Значительная часть из них является биографическими справками. Не совсем удобно их восприятие из-за чрезвычайно мелкого шрифта.

Другим важным справочным аппаратом к сборнику является указатель имен. Он представлен в максимально сжатом виде, отсутствуют не только должности и звания известных лиц (даже у правящих особ), но и титулы, в XVIII — начале XX в. являвшиеся частью фамилии. Впрочем, титулов нет и в заголовках документов. Вероятно, поспешность в составлении этого указателя привела и к ряду неточностей. Например, на с. 564 отмечен «Владимир, великий князь — 433». Но из контекста данного документа 1871 г. (№ 156) нетрудно догадаться, что это великий князь Владимир Александрович — сын императора Александра II (здесь же упомянуты и его братья великие князья Павел и Сергей Александровичи, в указатели включенные также без отчества). Причем этот «Владимир, великий князь» соседствует в указателе с крестителем Руси равноапостольным князем «Владимиром Святославичем — 9», отмеченным в такой краткой форме. Включенный в указатель на с. 570 «Николай Иванович», со ссылкой на целый ряд страниц сборника, — это Н.И. Любимов — директор азиатского департамента МИД России, что и указано в заголовках документов. К тому же «Любимов Н.И.» включен в указатель на с. 568. К сожалению, подобные примеры неточностей именного указателя можно продолжить.

Сборник снабжен также списком фондов АВПРИ и АВПРФ (с. 562), откуда брались публикуемые документы, а также списком сокращений (с. 575–577).

В начале сборника помещено «Введение» (с. 5–8), в котором раскрываются задачи издания, характеризуются его разделы и в конце указаны

22 его составителя. Далее следует содержательная статья д.и.н. А.В. Шубина «Крым: История в документах» (с. 9–31).

Нет сомнений, что сборник документов из архивов МИД России «Крым в развитии России: история, политика, дипломатия» — ценное издание, вводящее в научный оборот важные исторические источники. Актуальность его нет необходимости подчеркивать. Приведенные замечания носят чисто технический характер. Книга будет полезна и историкам-специалистам, и политикам, и всем интересующимся отечественной историей.

 Морозов Борис Николаевич

кандидат исторических наук, доцент.

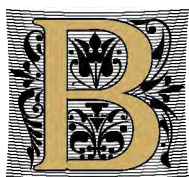

С.М. Исхаков

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ АРХИВОВ И АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДОВ РОССИИ И КАВКАЗА

Материалы Международной научно-практической
конференции, посвященной 100-летию
государственной архивной службы России и 25-летию
Государственного архива Республики Ингушетия /
Отв. ред. М.М. Картоев. Магас, 2018. 490 с.

рецензируемый сборник включены статьи участников Международной научно-практической конференции, которая состоялась 24–27 сентября 2018 г. в г. Магас Республики Ингушетия. Очное и заочное участие в конференции приняли архивисты, историки, филологи, этнологи, политологи, социологи, правоведаы, искусствоведы, экономисты, музейные работники и библиотекари из 35 регионов России, а также из Азербайджана, Казахстана и Туркменистана. Сборник издан под грифами Министерства культуры и архивного дела Республики Ингушетия, Государственного архива Республики Ингушетия и Ингушского научно-исследовательского института имени Ч.Э. Ахриева.

Всего в сборник вошли почти 100 докладов, из них почти половина посвящена Кавказу, другая половина в основном связана с Поволжьем, Уралом, Сибирью, Крымом, а также с Азербайджаном, Грузией, Казах-

станом, Туркменистаном. Доклады посвящены в основном XIX—XX вв. Структура в сборнике отсутствует, каких-либо разделов нет, статьи расположены в алфавитном порядке их авторов. Если сгруппировать эти статьи по их содержанию, получим пять основных тем, которые привлекают наибольший интерес авторов этого сборника.

Первая крупная тема, которая отчетливо выделяется таким путем, связана, естественно, с архивным делом (почти 25% всех статей). В них подняты актуальные проблемы, которые имеют большое значение для обществоведения, для формирования исторического самосознания населения страны и ее регионов. Вызовы современности обусловили цель данной конференции, отметил в предисловии к сборнику директор Госархива Ингушетии М.М. Картоев (с. 10). По его мнению, документы Российского государственного военно-исторического архива показывают, что потенциал архива для изучения истории народов Северного Кавказа XVIII — начала XX в., в том числе истории ингушей и чеченцев, далеко не исчерпан. Целые документальные пласты остаются недостаточно изученными и не введенными в научный оборот (с. 196). Эту точку зрения поддерживают и многие другие авторы данного «раздела», характеризуя другие архивы, как центральные, так и региональные, для истории и культуры тех или иных частей страны. Вопрос заключается в том, как это лучше сделать.

В современной науке, как известно, огромное значение имеет возможность удаленного доступа к тем или иным архивным материалам, что практикуется в архивах ряда европейских стран. В результате исследователи в других странах, в том числе в России, имеют, в отличие от прошлого, прекрасную возможность ознакомиться с документами и существенно расширить свои архивные источники. В этом направлении работа в российских научных учреждениях только начинается. Из статьи Ш.Ш. Шихалиева (Махачкала) следует, что в Институте истории, археологии и этнологии Дагестанского Научного центра РАН, где хранится огромное количество разнообразных источников XI—XX вв., только в 2017 г. началась работа по оцифровке с их археографическим описанием (с. 473). Других примеров подобной работы в материалах сборниках не приводится.

Вторая основная тема сборника касается роли переселений, эмиграций, депортаций в истории народов Северного Кавказа — одна из приоритетных для историков этого региона проблем. В этот «раздел» вписываются около 10% статей сборника. В частности, изучив материалы Государственного архива Краснодарского края по вопросу о пересе-

лении народов Северного Кавказа в Османскую империю, Ш.М. Батчаев (Черкесск) полагает, что различные проекты, аналитические справки, ведомости, отношения позволяют получить достаточное представление о заинтересованности в эмиграции горцев правящей бюрократии как Российской, так и Османской империй (с. 92). В отличие от столь досконального подхода к освещению заявленной темы, статья журналистки И.Ф. Латыповой (Уфа) «Тюрки-мусульмане в эмигрантской прессе» изобилует хорошо известными в историографии сюжетами, использует при этом такой анахронизм, как «националистическое общество» (с. 251) в отношении кружка, созданного в 1911 г. несколькими тюркскими интеллигентами, вынужденно, опасаясь преследования властей, уехавшими из России в Турцию, ничего нового, естественно, не содержит. Эту же ошибку повторяет, называя «националистическим» Союз горцев Северного Кавказа (с. 456), А.К. Чапанов (Москва) в статье «Историко-документальное наследие ингушской эмиграции в XX веке в архивах России и за рубежом». А этот союз, как хорошо известно в историографии, по своему составу и духу был как раз интернациональным.

Третья крупная тема, которую можно выделить из содержания сборника, посвящена участию горцев Кавказа в драматических событиях 1917–1920 гг., когда в бывшей Российской империи происходили русская революция и Гражданская война. На этот «раздел» приходится чуть менее 10% докладов. Почти во всех статьях при этом имеются противоречия и фактические ошибки в изложении ряда хорошо известных в историографии событий этого сложного периода. Так, в совместной статье С.А. Бегуева и М.А. Тангиева (Грозный) «Отражение Андийского съезда Союза объединенных горцев 20 августа 1917 г. в материалах Центрального государственного архива Республики Дагестан» сначала утверждается, что этот съезд должен был состояться, но не состоялся должным образом из-за неприбытия значительного количества делегатов (с. 94), однако в конце статьи сказано, что этот съезд все же вошел в историю (с. 97), что и было на самом деле. В статье Б.М.-Г. Харсиева (Магас) «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана» сказано, что 1 мая 1917 г. во Владикавказе открылся I съезд народов Кавказа, на котором присутствовали, по разным оценкам, от 400 до 3000 (!) делегатов (с. 429). Здесь допущены элементарные ошибки: во Владикавказе тогда начал работу 1-й Общегорский съезд народов Северного Кавказа и Дагестана, а I съезд народов Кавказа состоялся в Баку в середине апреля 1917 г.; в работе съезда во Владикавказе приняли участие в действительности 300 делегатов. В этих и ряде других статей заметно

некритическое отношение, что является очень распространенной среди исследователей ошибкой, к источникам со всеми вытекающими отсюда выводами. Т.Х. Матиев (Магас) в статье «Подавление контрреволюционного мятежа в Терской области летом 1918 г. и роль Ингушетии» пишет: «Гражданская война, пламенем которой Россия была охвачена в 1918–1920 гг., на Северном Кавказе полыхнула раньше других регионов. Здесь можно говорить о первых проявлениях гражданской войны еще в 1917 г.» (с. 274). Далее сказано: «Еще в июле 1917 г. прошли антиингушские погромы во Владикавказе (с. 275). Конечно, первые признаки гражданской войны появились не здесь, а погромы нельзя путать с гражданской войной. Точка зрения И.Г. Алмазова (Магас), выраженная в статье «Особенности национально-государственной политики Добровольческой армии юга России в Ингушетии в 1919–1920 гг.», о том, что национальная политика генерала А.И. Деникина на Северном Кавказе, в том числе на территории Ингушетии, в 1919-м — начале 1920 г. была «прогрессивной и положительной» (с. 65), противоречит общеизвестному историческому факту о том, что ингушский народ, несмотря на то, что гражданская война вызвала довольно разноречивую реакцию в различных слоях ингушского общества, в целом поддержал «красных», а вовсе не деникинцев. Уместно заметить в этой связи, что, например, в опубликованном еще в 2014 г. в Москве документальном сборнике «Гражданская война в России и мусульмане» содержится соответствующий материал (из архивов Москвы), в частности, о революционных событиях 1917 г. и гражданской войне на Северном Кавказе, в том числе по Ингушетии. С этим документальным сборником, судя по публикациям и другим северокавказским историкам, им не довелось ознакомиться. Это обстоятельство — еще одна характерная черта возросшего и распространяющегося историографического провинциализма, когда работы, изданные в Москве, не говоря уже о других странах, попросту игнорируются на «местах».

Четвертая тема, отраженная в докладах (также менее 10% от общего числа), касается религиозной жизни горцев Кавказа. Этим важным проблемам посвящена статья, в частности, А.К. Тихонова (Владимир), в которой рассматриваются фонды Российского государственного исторического архива, посвященные мусульманскому населению Кавказа, и отмечается, что начиная с 70-х гг. XIX в. активно стала проводиться политика русификации мусульманского населения Российской империи, что с 1858 по 1872 г. ежегодно составлялись ведомости о количестве мусульманского населения, духовенства и числе мечетей в различных губерниях

империи, что с 90-х гг. XIX в., по мере увеличения присутствия мусульман в общественно-политической жизни империи, встали вопросы упорядочения их деятельности в стране (с. 386–387). В статье В.Х. Цицкиева (Магас) «К вопросу исламизации ингушей в российской историографии» обоснованно отмечается, что вопрос об исламизации ингушского общества нуждается в дальнейшем исследовании (с. 448).

Научный уровень статей этого «раздела» разный. Так, в статье «Использование материалов российских архивов в научных исследованиях казахстанских историков (на примере исследования колониальной политики самодержавия)», автором которой выступила доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан З.Т. Садвокасова, речь на самом деле идет только о ее собственной теме — «духовной экспансии царизма в Казахстане в области образования и религии». В начале автор почему-то подчеркивает важность съездов лидеров мировых и традиционных религий, которые периодически проводятся в Казахстане (с. 336). Такая политологическая актуальность и неуместная пафосность не имеют никакого отношения к научному анализу заявленной темы, а сам же текст имеет в большей степени публицистический и отчасти даже пропагандистский характер. На этом фоне небольшое, но конкретное сообщение академика Академии наук Туркменистана М. Соегова, которое содержит ранее неизвестные документы периода Гражданской войны, в частности о ситуации на Закаспийском фронте и его участниках (с. 362–370), представляет действительно научный интерес.

Пятая тема, которая привлекает пристальное внимание участников данной конференции (около 5% всех докладов), — это вклад ингушского народа в победу в Великой Отечественной войне, о чем достаточно подробно описано многими и многими историками, в том числе Северного Кавказа. Но данная тема поистине неисчерпаема, поскольку появляются все новые и новые разнообразные источники, в том числе рассекреченные.

Таким образом, данный сборник имеет, на мой взгляд, ряд бесспорных достоинств, из которых следует отметить наиболее важные. Главная задача данного сборника, в сущности, состоит не в том, чтобы отвечать на «вызовы современности», а в том, чтобы расширить документальную основу изучения, стимулировать появление новых идей, активизировать и поддержать свободный новаторский поиск, исходя из известной аксиомы, что знание неприкрашенной в ту или иную сторону правды о

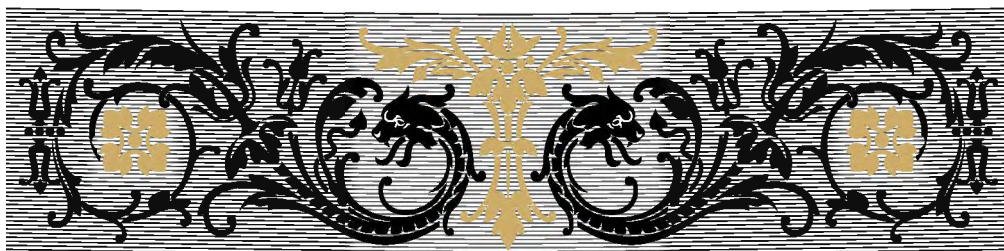

прошлом лучше всего предохраняет от увлечения им, от пафосизации, идеологизирования научного исследования, подмены его пропагандой каких-то конъюнктурных веяний. В сборнике, действительно, можно обнаружить ряд интересных суждений, оценок, фактов, которыми, наверное, воспользуются историки и обществоведы вообще. Уровень большинства статей, посвященных событиям преимущественно на Кавказе и на сопредельных с ним территориях, показывает общий характер, прежде всего, современной российской региональной историографии, а также Азербайджана, Казахстана и Туркменистана. Целый ряд статей сборника вместе с тем отчетливо демонстрирует, что их авторы занимаются малозначащими вопросами, находящимися на «обочинах» обществоведения. Поставленная перед конференцией цель — сблизить позиции архивистов и историков, а также представителей других гуманитариев реализована в целом. Данный сборник со своими достоинствами и недостатками, типичными и для других региональных конференций, займет свое место в целом ряде приуроченных к 100-летию государственной архивной службы России изданий, которые появились в разных частях страны в последнее время, станет полезным для научной общественности.

 Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук, заместитель председателя Научного совета
РАН по истории социальных реформ, движений и революций

М.Ф. Прайс

«МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»¹

Глава 11. Саботаж интеллигенции и борьба на съезде крестьянских депутатов

Таким образом, отдаленные области прежней русской империи вступили в фазу обострившейся классовой борьбы. Повсюду население организовывалось в группы, которые в общих чертах соответствовали экономическим и социальным интересам различных классов. В некоторых местах мелкобуржуазные слои, опиравшиеся на крестьянскую земельную собственность, одерживали верх с тем, чтобы расчистить путь для местного сепаратистского движения. В других местах к власти приходила великорусская буржуазия, которая опиралась на привилегированную крупную земельную собственность и на военную касту. А где-то побеждали фабричные рабочие и безземельные крестьяне с помощью своих Советов. Повсюду завоевывал преобладающее положение тот класс, который имел лучшую организацию и более прочную базу и умел привлечь на

¹ Начало см.: Воспоминания британского журналиста М.Ф. Прайса о 1917 году в России // Исторический вестник. 2017. № 21. С. 154–236; 2018. № 25. С. 224–308.

свою сторону колеблющиеся элементы или, по крайней мере, заставить их сохранить нейтралитет.

К началу третьей недели ноября рабочие Советы, избранные на производственной основе в городах Северной и Средней России, стали обладателями высшей правительственной власти. Вопрос состоял теперь в том, удастся ли им создать для себя такой государственный аппарат, который давал бы им возможность остаться у власти. Могли ли они, например, рассчитывать на работников умственного труда? Кадетская пресса Петрограда разослала как раз тогда воззвания ко всем государственным чиновникам и техническому персоналу фабрик и железных дорог, в которых содержалось требование не подчиняться декретам и приказам новой власти.

Частным банкам удалось еще до занятия Государственного банка красногвардейцами получить в свои руки многие миллионы рублей. Они были незамедлительно переданы в распоряжение Комитета защиты родины и свободы и использованы для выплаты вперед месячного содержания всем тем государственным чиновникам, которые выражали готовность бастовать и бойкотировать советский строй. 14 (1) ноября я зашел в Народный комиссариат иностранных дел, где нашел только одного служащего, который, как он сказал, пришел только для того, чтобы увидеть Бронштейна (Троцкого)². В Министерстве финансов работал один отдел, да и то только для того, чтобы снабдить деньгами саботажников. СНК направил тем временем Осинского³ в Государственный банк раздобыть немного денег, необходимых для того, чтобы Смольный мог продолжать вести правительственные дела. Осинский нашел только подюжины банковских служащих, которые не имели ключей ни к одному из сейфов. После многих усилий был наконец найден один более высокопоставленный чиновник, которого удалось убедить выдать некоторые ключи, что позволило открыть сейфы. Но было ясно, что Советы рабочих и солдатских депутатов в Смольном не смогут вести работу, пока не овладеют твердо техническим аппаратом государственных учреждений. Неудивительно поэтому, что 15 (2) ноября 1917 г. распространился слух о начавшихся колебаниях среди большевиков. Газета «Новая жизнь» М. Горького все время подчеркивала необходимость

² А.Д. Троцкий (наст. фам. Бронштейн) (1879–1940) — в 1918–1925 гг. нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета Республики.

³ В.В. Оболенский (партийный псевдоним Н. Осинский) (1887–1938) — в декабре 1917 г. — феврале 1918 г. председатель Высшего Совета Народного Хозяйства.

пойти на компромисс. Под руководством Луначарского⁴, Зиновьева⁵ и Рязанова⁶ начало проявлять активность правое крыло среди большевиков, т.е. та группа, которую Ленин стремился обуздать еще накануне переворота. Она добивалась поддержки со стороны меньшевиков, эсеров и групп «социалистической интеллигенции», стремясь убедить их в необходимости сотрудничать со Смольным. Инициатива была в руках «Викжеля», как назывался незадолго до того созданный ЦК Союза железнодорожников, находившийся под влиянием меньшевиков-интернационалистов. Намечался созыв конференции, чтобы изыскать пути и средства для присоединения умеренных элементов к советской власти или, по крайней мере, для окончания стачки интеллигенции. Но Ленин оставался непоколебимым. Он не предпринимал никаких шагов, чтобы помешать созыву конференции, и даже предоставил «соглашателям» и Луначарскому, с хитростью московских царей, свободу действий в переговорах с единственным условием, что они не затянут! Он не скрывал своего презрения к любым попыткам договориться с «социалистическими мастерами колебаний», презрения, которое он проявил еще в начале лета к попыткам сотрудничать с «социал-патриотами». Ленин, скорее, исходил из того, чтобы решительно расчистить себе путь и подавить саботаж интеллигенции так же энергично, как он в минувшую субботу подавил офицерско-кадетский мятеж. Троцкий все это время хранил молчание. Левые эсеры также держались в стороне. Наступил кризис, который, казалось, угрожал всему существованию Смольного. Мое впечатление о создавшемся положении отразилось в телеграмме, посланной в «Манчестер гардиан», которая содержит следующие строки: «Хотя большевики и имеют за собой трудящиеся массы, в настоящее время они совершенно изолированно противостоят правому крылу социалистического движения, которое представляет мелкобуржуазные и интеллигентские элементы и господствует в государственном аппарате. Эти последние опасаются, что результатом вооруженного восстания будет лишь террор с такими сопутствующими ему явлениями, как удушение буржуазной печати и массовые аресты». Другая моя телеграмма отражает общий пессимизм, царивший

⁴ А.В. Луначарский (1875–1933) — с октября 1917 г. по сентябрь 1929 г. первый нарком просвещения РСФСР.

⁵ Г.Е. Зиновьев (наст. фам. Радомысльский) (1883–1936) — с декабря 1917 г. по март 1918 г. председатель Петроградского совета.

⁶ Д.Б. Рязанов (наст. фам. Гольдендах) (1870–1938) — в 1918–1920 гг. сотрудник Наркомата просвещения РСФСР.

«Троцкий учится писать». Немецкая карикатура, 25 февраля 1918 г.

тогда: «Если точка зрения Ленина возобладает, то трудно предвидеть, как это приведет к осуществлению социализма, ибо всякая надежда на нормальное развитие событий будет утрачена, и страна превратится в арену огромной классовой борьбы. Вместе с тем крестьянские партии могут оказать сдерживающее влияние, а они еще не сказали своего последнего слова».

Действительно, у Ленина, казалось, в это время совсем не было сторонников. Но, как это часто обнаруживалось в ходе русской революции, проницательный взор этого великого человека указал путь, по которому должна была идти революция сквозь весь туман, какой заволакивал взоры других, менее значительных деятелей. Ленин не скрывал, что он не высоко оценивает мнимую силу кадетов и правых эсеров, которые организовывали саботаж крестьян, направленный против промышленных центров Севера. И как показал ход II Всероссийского съезда крестьянских депутатов, состоявшегося тогда в Петрограде, эта оценка была близка к истине. Крестьянский съезд сразу же стал местом, где разразилась буря. Ленинская группа в рядах большевистской партии надеялась завоевать его и превратить в опору Совета народных комиссаров. Меньшевики и эсеры, со своей стороны, стремились после провала кадетского мятежа и наступления Керенского⁷ завладеть аппаратом Всероссийского крестьян-

⁷ А.Ф. Керенский (1881–1970) — министр-председатель Временного правительства в 1917 г.

ского совета, чтобы распространить на провинцию влияние петроградских «интеллигентных саботажников». Этот новый крестьянский съезд был созван старым Исполкомом Всероссийского совета через несколько дней после большевистского переворота в Петрограде, чтобы обеспечить его поддержку Комитету защиты родины и свободы. Правые эсеры господствовали в старом Исполкоме, и хотя последний был вначале против идеи созыва второго съезда, так как вся власть должна была перейти к Учредительному собранию, выборы которого должны были произойти в ближайшие дни, он пересмотрел свои взгляды, как только стало ясно, что большевики получили в свои руки власть в главных промышленных центрах Севера. Этот второй крестьянский съезд был, между тем, только несовершенным отражением того положения, какое сложилось в ходе революции во всей стране. Призыв Исполкома — избирать делегатов на съезде — вообще не дошел до отдельных областей Юга и Востока. Во многих других районах крестьянские общины раскололись на противостоящие друг другу группы, из которых одни находились под влиянием богатых кулаков, другие — под влиянием безземельных крестьян. Во многих районах распались общины и провинциальные крестьянские Советы, чтобы уступить место двум организациям — одной, которая поддерживала эсеров, и другой, которая шла за левыми эсерами и большевиками. Многие делегаты не знали даже, в какой город они должны ехать после их избрания. И в течение нескольких дней целый ряд депутатов бродил по Москве, думая, что съезд будет происходить именно здесь.

В Петрограде собралось достаточно делегатов, чтобы открыть съезд. В этот вечер зал бывшей Военной академии был полон народу. Представителями крестьянских общин северных губерний были по большей части молодые люди, заявившие себя сторонниками партии левых эсеров. Те из них, с которыми я говорил, подчеркивали, что крестьяне их общин готовы примириться с любым правительством, которое покончит с войной, окончательно признает их право владеть имениями помещиков и поручится за это. Интеллигенты из числа правых эсеров не могли, стало быть, рассчитывать ни на какую поддержку с этой стороны. В то же время часть крестьянских делегатов из центральных губерний и из восточных областей представляла собой по большей части людей среднего возраста, посланных теми местными комитетами, которые были созданы еще в мае, в период I Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Их мнение сводилось к тому, что ни о какой совместной работе с большевиками не приходится и думать, пока они не заявят, что сами рассматривают себя лишь как людей, занимающих освободившиеся места правителей

Мария Александровна
Спиридонова

страны лишь до того момента, когда соберется Учредительное собрание. Борьба между этими двумя группами началась на съезде сразу же, после его открытия. Представители северных общин потребовали избрания нового состава ЦИКа, проверки приглашений на съезд и мандатов тех делегатов из южных и восточных губерний, которые, как говорили ораторы, назначены старыми исполнительными комитетами и, по сути дела, никогда и никем избраны не были. После одного из самых бурных заседаний, на котором я когда-либо присутствовал в России, продолжавшегося примерно три часа, левым эсерам удалось провести свою резолюцию. В ходе дебатов они довели одного из членов старого Исполкома до слез. Наконец был избран новый Исполком во главе с героиней левых эсеров Марией Спиридоновой⁸.

Между тем пришло известие, что образовалось новое правительство в противовес Совнаркому. Говорили, что оно находится в Могилеве, в штаб-квартире генерала Духонина⁹, главнокомандующего старой армией. Это правительство состояло из меньшевиков и правых эсеров и во главе его стоял Виктор Чернов¹⁰. Его целью было вести правительственные дела до созыва Учредительного собрания. Таким образом, было уже три правительства в Южной и Восточной России, которые претендовали на власть, а в других частях страны можно было ожидать появления новых. С течением времени неразбериха, казалось, еще более возрастала.

⁸ М.А. Спиридонова (1884–1941) — одна из руководителей Партии левых эсеров.

⁹ Н.Н. Духонин (1876–1917) — генерал, исполнял обязанности Верховного главнокомандующего Русской армией в ноябре — декабре 1917 г.

¹⁰ В.М. Чернов (1873–1952) — один из основателей Партии социалистов-революционеров.

Виктор Михайлович Чернов

Когда я в этот вечер возвращался домой, мне вновь вспомнились слова той старой крестьянки из деревни на берегу Волги: «Божья мельница мелет, мука рано или поздно посыпется», — сказала она мне несколько недель назад.

На следующий день делегаты левых эсеров потребовали открыть обсуждение положения, создавшегося в результате образования правительства в Могилеве. Как раз в тот момент, когда возбуждение достигло наивысшей точки, в зал вошел некто другой, как Чернов собственной персоной. Он попросил разрешить ему обратиться к съезду с несколькими словами. Мария Спиридонова, как председательница, спросила съезд, разрешает ли он дать слово Чернову. Некоторые делегаты заявили, что слово ему можно дать лишь в том случае, если он выскажется сначала о событиях в Могилеве, а также о том, принимал ли он сам участие в образовании нового правительства. Спиридонова сделала попытку успокоить возбужденных делегатов заверением, что товарищ Чернов в ходе своей речи, без сомнения, прольет свет на события в Могилеве. «Он не товарищ! — закричали делегаты. — Он предает революцию!» После вспышки ярости установилась тишина и Чернову было предоставлено слово. «Съезд крестьянских депутатов видит, что он стоит перед большой и тяжелой задачей, — начал он, — он должен решить, будет ли он участвовать в новом революционном правительстве, или если нет, то в какой другой форме он окажет содействие правительству». «Мы хотим слышать о Могилеве, — закричали опять делегаты. — Что вы там делали?» «Я был там, южнее, на фронте, — возразил Чернов, — чтобы составить себе представление об общем настроении, которое там господствует, ибо после только что

Николай Николаевич
Духонин

происшедшей здесь революции я был убежден, что судьбы России в конце концов будут решаться не в Петрограде. По моем возвращении я был здесь, на железнодорожной станции, арестован комиссаром из Смольного института, хотя у меня был личный мандат, выданный ЦК нашей партии». Со скамей делегатов на левой стороне раздались возмущенные возгласы и повторные выкрики: «Что за предательства вы планировали в Могилеве? Мы хотим ответа!» После этого воцарилось долгое молчание. Чернов медленно поднялся и вытянулся во весь свой внушительный рост. Его длинные черные волосы и пушистые ресницы ярко выделялись на фоне белой стены позади трибуны. Перед ним — море крестьянских лиц, которые напряженно ждут его речи. «Товарищи! — воскликнул он. — Кто осмеливается обвинять меня в измене революции? Если кто-нибудь из здесь сидящих может привести доказательства этого обвинения, то Всероссийское Учредительное собрание должно призвать меня к ответу. Я отдаю свою судьбу в ваши руки». «Скажи нам теперь и здесь, что ты сделал!» — кричали делегаты, сидевшие слева, в то время как правые сплотились вокруг своего любимого вождя. Весь этот эпизод живо напомнил мне о роли Дантона перед революционным трибуналом. Делегаты правых, которые находились в меньшинстве по отношению к левым и составляли примерно 40 против 60% левых, поднялись и покинули зал. С ними ушел и Чернов. Он не мог более выдержать спора, разгоревшегося вокруг его собственной личности. Затем он создал некое подобие съезда правого крыла в здании ратуши, где все еще терпеливо выжидал своего часа значительно поредевший Комитет защиты родины и свободы. Так кончилась карьера Чернова как вождя русского революционного

крестьянства. Человек с лучшими намерениями, импульсивным темпераментом, способный проявить большое человеческое участие, создал себе большое имя среди безземельных крестьян в период, когда у власти находился Керенский. Тогда создание революционной атмосферы представлялось лучшим трамплином к завоеванию власти, чем проведение революционной программы. Но в те дни, когда делегаты северных и центральных губерний приняли на этом втором съезде крестьянских депутатов недвусмысленное решение, его личность много потеряла в своей привлекательности, а его слова потеряли силу убедительности. Чернов не занял ясной позиции по отношению к революционным Советам рабочих и солдатских депутатов и по отношению к большевистскому СНК в Смольном. Он разрешил членам своей партии организацию кадетского мятежа и сам связался с людьми, которые, находясь под покровительством офицеров старой царской армии, мобилизовали на фронт антибольшевистские элементы из лагеря старых солдатских Советов. Он был с Керенским в Гатчине и с Духониным в Могилеве. При своих контактах в Могилеве он был, возможно, жертвой своего окружения, но ему этого все равно не могли простить. Поэтому последним средством снова заслужить исчезнувшую народную благосклонность для Чернова оставалось только завоевание Учредительного собрания, чей авторитет своим отблеском пал бы также и на него.

Создавшееся, таким образом, положение вынудило левых эсеров, составлявших большинство на съезде крестьянских депутатов, принять решение о совершенно определенных линиях своего дальнейшего поведения. До тех пор они медлили с посылкой своих представителей в СНК, хотя большевики и сам Ленин, нетерпимый ко всяким компромиссам, призывали все партии, признающие принцип диктатуры пролетариата, присоединиться к советскому правительству. В результате поведения сторонников Чернова в Могилеве и на съезде крестьянских депутатов, теперь потерпели крушение надежды создать общее революционное правительство, которое охватывало бы все партии, начиная от правых эсеров и до большевиков включительно. Левые эсеры должны были либо связаться с большевиками в составе советского правительства, либо искать себе союзников справа. Они решили избрать первое. Так образовалась новая коалиция партий, которая наложила свой отпечаток на следующий период развития русской революции. Возник союз между идущими за большевиками рабочими и солдатами городов, с одной стороны, и пролетаризированными середняками элементами северных и центральных губерний. Ленинская тактика победила. Я и другие наблюдатели были настроены

скептически в отношении перспективы большевиков удержаться у власти, не имея поддержки интеллигентов, принадлежавших к правоэсеровской группе. Но все же мы были вынуждены признать, что большевики после того, как левые эсеры вошли в правительство, приобрели ценных союзников в деревнях всей Северной и Центральной России. Имея эту поддержку, им было легче противостоять саботажу интеллигенции в государственном аппарате и, наконец, сломить этот саботаж. Ленин вышел полным победителем. Своим отказом пойти на компромисс в момент, когда компромисс был равнозначен добровольной отставке, Ленин завоевал пальму победы.

Характерной чертой, которую можно было наблюдать в этот период русской революции, была нарастающая общность интересов крупной буржуазии, представляемой кадетами, и «революционной» интеллигенции, представляемой правыми эсерами. В течение лета обе эти группы враждебно противостояли друг другу, но ход событий все больше сближал их. Вся история русского революционного движения полна этих поразительных партийных перегруппировок. В первое время, когда движение только начиналось, инициатива атаки против царизма исходила от прогрессивных лидеров буржуазии, от людей свободных профессий и от интеллигентов, которые имели некоторое влияние среди крестьян. Но уже после революции 1905–1906 гг. правое крыло буржуазии, октябристы, откололись от тех, которые выступали против царизма. Февральская революция 1917 г. помогла кадетам прийти к власти и с этого момента сделать их окончательно приверженцами антиреволюционной партии, ибо революция для них никогда не означала ничего другого, как диктатуру тяжелой промышленности и финансового капитала вместо господства неспособного царизма и дворянства. Октябрьская революция обусловила переход второй революционной группы в лагерь контрреволюции. Большая часть интеллигентов и верхние слои крестьянства, которые находились под их влиянием, заняли теперь ярко выраженную оппозицию по отношению к революционным рабочим и солдатам города и деревни. Отчасти по материальным соображениям, а отчасти вследствие неспособности принять самостоятельно какие-либо независимые решения, они шли с пролетариатом до тех пор, пока не настал критический момент, чтобы затем дезертировать в лагерь его врагов. Как часто наблюдались в истории подобные случаи измены «прогрессивной буржуазии!» Протестантские бюргеры в Немецкой крестьянской войне и немецкие либералы 1848 г. играли ту же роль, что и правые эсеры после русской Октябрьской революции 1917 г.

Органом, вокруг которого собирались теперь силы контрреволюции, было Учредительное собрание, их лозунгом было защита народных свобод при помощи демократического избирательного права. Демократическое избирательное право на территориальной основе, бывшее когда-то общим оружием всех партий, начиная от буржуазных и вплоть до самых прогрессивных вождей пролетариата в борьбе против царского феодализма, стало теперь орудием маскировки действительного положения дел и искусственного поддержания социальных привилегий. Так, правоэсеровская и кадетская пресса сразу после провала их усилий на съезде крестьянских депутатов начали на весь мир провозглашать лозунг «Вся власть Учредительному собранию!». Большевистская пресса очень сдержанно затрагивала вопрос о правах Учредительного собрания. «Выборы, конечно, должны состояться, — говорила она. — Более того: именно потому, что большевики свергли господство Керенского, стало вообще возможным провести выборы. Кадеты, — продолжала она, — все лето саботировали выборы, ибо знали, что результаты выборов не принесут им успеха. Но со времени соглашения с эсерами они одобряют проведение выборов. Нужно ли лучшее доказательство того, что Учредительное собрание является лишь орудием классовой диктатуры? Но, — говорила большевистская пресса, — революционные рабочие и солдаты не будут чинить препятствий выборам, потому что они при этом только выиграют, так как Учредительное собрание, если оно соберется, либо пойдет с Советами, либо докажет свою неспособность вести революцию вперед». «Перед нами ставят вопрос, — писала «Правда» 24 (11) ноября, — об отношении Советов к Учредительному собранию, и мы придерживаемся того мнения, что Советы точнее представляют волю пролетариата, чем любое другое Собрание, ибо, если Советы теряют доверие своих избирателей, то сейчас же происходят выборы нового их состава. Советы должны стоять на страже интересов пролетариата и предложить Учредительному собранию окончательное конструирование Русской Республики, которая должна быть построена на базе федерации профессионального представительства рабочих, солдат и крестьян». Тактика большевиков, начиная с лета 1917 г. до Октябрьской революции, показала, во-первых, что они признавали ценность демократических, предпринятых на территориальной основе, выборов, как средства получить трибуну для проводимой ими пропаганды против буржуазии в то время, когда эта последняя пользовалась определенным влиянием на массы и, во-вторых, что они считали эту парламентскую трибуну

ничего не стоящей, когда буржуазия была вытеснена с ее командных постов Советами, созданными на предприятиях классово сознательными рабочими.

Обстоятельства, при которых происходили выборы в Учредительное собрание, способствовали во многом тому, чтобы укрепить в массах убеждение в том, что большевистская оценка парламента как орудия социальной революции, по существу, соответствовала правде. В Петрограде и других промышленных районах Севера, Запада и Центра на выборах 4% мест досталось большевикам, 11% — партии крупной буржуазии, кадетам и 47% объединенным эсерам, за которых сплоченно голосовало крестьянство. Выборы не обнаружили, таким образом, противоречия между различными элементами в среде крестьянства, а просто вынудили богатых кулаков, мелких крестьян и сельский пролетариат отдать свои голоса за партию мелкой буржуазии, потому что не было списка какой-либо другой крестьянской партии. В черноземной полосе юго-востока и в губерниях нижнего течения Волги большевики получили 20% мест, кадеты — только 4%, а объединенные эсеры — 70%. На Украине, на Урале и в Сибири большевики получили в среднем 11% мест, кадеты — только 4% и эсеры вместе с местными национальными эсерами — 75%. Общий результат выборов был, таким образом, ясен. Эти выборы на основе нарезки избирательных округов по территориальному принципу показали, что как на стороне крайних правых, так и на стороне крайних левых стоит лишь меньшинство. Что касается промежуточных сил, стоявших в центре, то здесь результаты выборов были менее ясны. Таким образом, была подготовлена почва для диктатуры либо большевиков, либо кадетов. Большевики были при этих обстоятельствах полны уверенности. Они знали, что хотя и располагают в среднем только 25% голосов по всей стране, но эти голоса принадлежат наиболее организованному и классово сознательному элементу пролетариата и что для взятия власти Советами нет никаких препятствий.

Недостаток сведений мешает получить ясную картину положения, создавшегося в центре. Но при выборах в губерниях обстановка вырисовывается отчетливо. В различных районах близ Тулы, Калуги, Пскова, Вятки, Казани, Херсона, Екатеринослава и Чернигова при выборах речь шла лишь об утверждении чиновниками, проводящими выборы, ранее присланных списков кандидатов. Левым эсерам, которые уже вступили в союз с большевиками, чиновники отказали в праве представить собственный список кандидатов, ссылаясь на мнимые технические причины, однако имя «эсера» имело особое значение в глазах крестьян этих

отдаленных сельских районов. Оно олицетворяло для них революционную борьбу против самодержавия, означало осуществление требования раздела крупных поместий, выдвигавшегося крестьянами на протяжении веков. И так, было разрешено составление только общих списков кандидатов от эсеров, которые должны были якобы представлять партию, какой она была до ее раскола¹¹. За некоторым исключением левым было отказано в выставлении собственных кандидатов. В провинциальных городах кадеты располагали гибким пропагандистским аппаратом и действенной прессой. Эти силы были тотчас же приведены в движение, чтобы наводнить потоком литературы отдаленные деревни, где во многих краях не имели ни малейшего представления о том, что произошло в Петрограде. В этой литературе содержался призыв к крестьянам голосовать за список объединенных эсеров, утверждалось, что таким образом будет покончено с войной и латифундии помещиков попадут в руки крестьян. Кадеты, которые к началу лета прогнали со своего поста их нового ставленника Чернова за то, что он осмелился выдвинуть предложение запретить помещикам продажу их имений до принятия Учредительным собранием закона о земле, внезапно изменили свою тактику. Большевики и левы эсеры в то короткое время, какое было в их распоряжении, не располагали возможностью разъяснить жителям этих отдаленных деревень новое положение. Аппарат буржуазного государства был в крупных городах только отчасти в их руках, а в провинциях — целиком находился в руках их противников. Крестьяне этих районов проголосовали за списки, рекомендованные агентами кадетов прежде, чем могла их достигнуть и повлиять на них контрпропаганда. Они надеялись, что голосуют за партию, которая покончит с войной и даст им землю. Но как только их голоса были получены, результат голосования объявлялся «волеизъявлением народа», которое провозглашалось действительным на месяцы и годы вперед. Нужно ли было большевикам лучшее доказательство их утверждения, что парламентская демократия остается насмешкой до тех пор, пока ей не сопутствует экономическая демократия, ибо имущие классы фактически облагают монополией на средства пропаганды и только экономическая демократия отнимает у этих классов их монополию?

Каждый, кто наблюдал тогда за ходом выборов в Петрограде, мог видеть, что сама по себе процедура проведения выборов, как на это и рассчитывали, превращала парламентскую систему управления как таковую в простой фарс. После того как я получил сообщения из провинций о

¹¹ Имеется в виду выход левых эсеров из партии после Октября 1917 г.

происшедших там выборах, у меня создалось впечатление, что авторитет коалиции большевиков и левых эсеров мог бы только возрасти, если бы выяснилось и стало известно, что Учредительное собрание появилось на свет в таких условиях, которые превращали его в пародию, а не в отражение тех мощных движений, какие происходили в этот период революции в России. А падение доверия к идее парламентаризма еще поднимало престиж идеи пролетарских фабричных комитетов. Звезда Ленина поднималась все выше по небосклону.

Глава 12. Начинается борьба с прусским милитаризмом

Большевики и враждебные большевизму социалисты сходились тогда во мнении, что для спасения революции обязательно необходим мир и прекращение мировой войны. Но о том, каким образом можно достичь того и другого, мнения расходились. «Революционная демократия» в Советах, руководимых меньшевиками и правыми эсерами, потратила восемь месяцев на попытку достичь результата с помощью искусства уговаривать, и все же потерпела неудачу. Теперь пришли к власти большевики, опираясь на солдат армии и флота и на промышленный пролетариат Севера, и все они требовали энергичных шагов, чтобы покончить с войной. Вопрос был только в том, сумеют ли Советы рабочих и солдатских депутатов так упрочить свою власть, чтобы завоевать достаточный авторитет в международном плане, добиться того, чтобы, во-первых, союзники не стали применять против них репрессивных мер, а во-вторых, чтобы Центральные державы заявили о готовности вести с ними переговоры. Декрет о мире был принят II съездом Советов. В течение последующих десяти дней внимание народных комиссаров в Петрограде было занято борьбой с вооруженными силами кадетов, Керенского и правых эсеров. Только 20 (7) ноября было передано всему миру по радио обращение к правительствам и трудящимся массам Центральных держав и союзников с призывом покончить с войной путем заключения всеобщего демократического мира.

Между тем народный комиссар по иностранным делам не бездействовал. Из Кронштадта в Стокгольм направилась подводная лодка с доверенным лицом на борту, чья осведомленность в немецких делах позволяла ему составить себе представление о позиции, которую заняли правительства Центральных держав по отношению к новому режиму в России. После остановки на несколько дней в Стокгольме агент перешел

датскую границу, чтобы встретиться в одной пограничной деревушке Шлезвиг-Гольштейна с доверенными лицами Союза «Спартак», тогдашней нелегальной левой внутри Немецкой независимой социалистической партии. В результате этой встречи посланец Ленина получил следующую информацию. Первые сообщения о революции в Петрограде немецкий Генеральный штаб воспринял со смешанными чувствами. Там начали думать о том, как извлечь наибольшую пользу из этого положения вещей и как лучше всего использовать это положение для осуществления максимальной программы прусской военной партии. Ее первым стремлением было по возможности избежать признания большевиков как правительства, существующего де-факто, и использовать представляющуюся теперь возможность экспансии на Восток, чтобы добиться этим уступок на Западе и соглашения с державами Антанты. Восточная школа немецкого империализма считала, что благоприятные перспективы, которые обнаружились летом, вновь открылись. Угрожающая революционная опасность на Востоке могла бы, считали эти люди, заставить перепуганных империалистов Антанты молчаливо согласиться на аннексию части Центральной России вплоть до линии Петроград—Москва—Одесса, взамен на вывод немецких войск из Франции и Бельгии. Но уже несколько дней спустя в немецком Генеральном штабе, казалось, пришли к убеждению, что правительства Антанты не примут этот план. Дошло ли дело до какого-либо прямого обмена мнениями между доверенными людьми Антанты и Центральных держав в нейтральной стране, посланнику Ленина не удалось установить. Во всяком случае, было ясно, что Антанта все еще видела в немецком империализме большую опасность, чем в русской революции, которую она была склонна рассматривать не всерьез, а как преходящее явление, свойственное Востоку. Кроме того, на поле боя скоро должна была появиться военная мощь Америки. И сила эта, как чувствовали, должна была обречь немецкий империализм на поражение, что позволило бы свести позднее счеты и с русской революцией. Укоренение прусского милитаризма в Центральной России было для Антанты слишком дорогой платой за подавление русской революции, ибо это означало, что прусский милитаризм стал бы еще более опасным конкурентом финансового капитала Антанты в Азии и в Восточной Европе.

Немецкий Генеральный штаб после всесторонних размышлений склонялся поэтому к компромиссу между западным и восточным направлениями империализма. Умеренная экспансия на русской земле, скажем, до линии Чудское озеро—Пинские болота—Киев—Подолія, может быть, могла бы явиться подходящей платой за заключение мира с

Россией и за признание Советов правительством де-факто. Все боевые силы Германии могли бы быть тогда переброшены против Запада, чтобы достигнуть нужного военного решения.

От народных комиссаров в Петрограде, получивших это известие, не ускользнула опасность, угрожавшая им со стороны прусского милитаризма. Они должны были воспрепятствовать экспансии немецкого империализма за счет русской революции и одновременно, в условиях, когда война с Центральными державами продолжалась, вырвать революцию из паутины планов, выработанных империалистами союзных держав. Кроме того, они должны были позаботиться также о том, чтобы в кругах рабочих и социалистов стран Антанты не возникло впечатления, что, отказываясь от Лондонского договора 1914 г., они приходят на помощь немецким империалистам. Их интересы состояли поэтому в том, чтобы заставить союзников участвовать во всех переговорах с Центральными державами и одновременно использовать эти переговоры, чтобы показать народам всех стран империалистические планы господствующих классов в обоих лагерях, ведущих войну.

Тем временем были предприняты подготовительные шаги к установлению кратковременного перемирия на фронте. Вечером 30 (17) ноября я присутствовал в Смольном на заседании ВЦИКа, избранного только что закончившимся съездом Советов. Когда я входил в зал, Ленин как раз говорил об указаниях, которые Совнарком хочет дать солдатским комитетам на фронте, чтобы проложить дорогу переговорам о перемирии. Его предложение заключалось в том, чтобы солдатские делегаты вступали в связь с аналогичными солдатскими советами немецких войск, а если таковые не существуют, — с их офицерами и штабами. Этот выход был единственным, так как на Генеральный штаб в Могилеве — в том, что касалось исполнения инструкций, поступающих из Петрограда, — положиться было нельзя. Ленин зачитал затем ответную телеграмму генерала Духонина на предъявленное ему Совнаркомом требование разработать условия всеобщего перемирия. В этой телеграмме Духонин заявлял, что без согласия союзников план заключения перемирия выработать невозможно. «Это, — сказал Ленин, — наилучшее доказательство того, что офицеров Генерального штаба следует рассматривать как агентов капиталистов стран Антанты, и, чтобы чего-нибудь добиться, следует рассчитывать только на солдат в окопах». Он сказал, что пока не поступят ответы союзников на радиограмму от 20 (7) ноября, сепаратного перемирия заключать не будут, но фронтовые комитеты солдат должны тем временем предпринять подготовительные шаги и вступить в переговоры

с немцами. Таким путем надеялись подорвать авторитет немецких офицеров и одновременно укрепить товарищеские чувства между русскими и немецкими солдатами.

Один молодой лейтенант-фронтовик был выдвинут левыми эсерами, чтобы возразить Ленину. Левые эсеры, которые в общем сопротивлялись сверхцентрализму и часто упрекали большевиков в склонности к бюрократизму, в данном случае встали на ту точку зрения, что обычные солдатские комитеты не компетентны заниматься подобными вопросами, которые являются скорее делом центра. Ленин в дружественной форме стал спорить с «интеллигентскими путаниками», как он их называл; его способность доброжелательно убеждать противника проявилась в этот вечер с полным блеском. Можно было постепенно уловить, в чем состояла суть его величия; в способности добиваться того, чтобы противники принимали его наиболее радикальные, наиболее оспариваемые требования, добиваться этого путем незначительных уступок в других вопросах. В этот вечер он привлек весь ВЦИК на свою сторону. Около 11 часов всякое сопротивление прекратилось. Левые эсеры, входившие в правительство, были довольны тем, что солдатские делегаты с фронта смогут осознать свое значение, как проводников переговоров о перемирии на высокой трибуне международной политики. А народные комиссары, добившись влияния на всю армейскую организацию и ее низшие ступени, могли надеяться, что беспорядочная демобилизация и невыразимый хаос будут предотвращены.

На следующий день в печати был опубликован ответ союзнических военных миссий на радиограмму, призывающую союзников принять участие в заключении перемирия и всеобщего мира. Ответ отчетливо представлял собой умышленное оскорбление. Он был адресован не Комиссариату иностранных дел или Военному комиссариату советского правительства, а Генеральному штабу, генералу Духонину, известному своим отрицательным отношением к солдатским комитетам. В нем лаконично заявлялось, что любая попытка со стороны России заключить мир будет иметь для России самые серьезные последствия. За ним последовало заявление американской миссии Красного Креста, в котором миссия отмежевывалась от этого демарша и добавляла, что американское правительство не имеет намерения вмешиваться во внутренние дела России. Тут отчетливо обнаруживались, следовательно, расхождения во мнениях и в рядах самих союзников.

И все же эта грубая попытка французского и английского военных министерств подавить русскую революцию имела, как это показали со-

бытия, происшедшие в Ставке в Могилеве, серьезные последствия. Здесь находился сборный пункт, где, как это было описано в предыдущей главе, собрались Чернов и некоторые главы злополучных вооруженных отрядов Керенского, которые выступили на Петроград, в надежде противопоставить советскому правительству оппозиционное правительство. Между тем съезд крестьянских депутатов в Петрограде раскололся на правую и левую группы, а результат выборов в Учредительное собрание дал большевикам и левым эсерам достаточно сильное меньшинство, чтобы сделать почти невозможным существование оппозиционного правительства в Могилеве. Так пришлось отказаться от плана сделать Ставку Духонина центром для нового правительства. И действительно, тогда в Ставке существовала, как это сообщил двумя годами позже¹² Станкевич¹³, склонность пойти на компромисс и на созыв конференции всех партии, включая представленные в Совете, чтобы обсудить вопрос о заключении мира с Германией. Но это предложение натолкнулось на сопротивление тайных организаций Комитета защиты родины и свободы в Петрограде. Так Духонин и его Генеральный штаб по-прежнему остались без почвы под ногами.

Вскоре после этого начали, однако, действовать Советы Петрограда и Кронштадта. Длинный поезд с матросами Балтийского флота и вооруженными рабочими начал двигаться из Петрограда по железнодорожной линии вдоль фронта. Их поведение точно отражало общие чувства масс в этот момент. Кучка решительных людей на Севере, сознавая свою полную ответственность перед революцией, решила покончить раз и навсегда с саботажем офицерского корпуса, правоэсеровских и меньшевистских комитетов, а также военных миссий союзников на фронте. Не попытаются ли жители городов, лежащих на их пути, и гарнизоны старой армии, разбросанные тут и там, оказать какое-либо сопротивление их продвижению и тем спасти Духонина и Генеральный штаб? Многое зависело от ответа на этот вопрос. Части осторожно продвигались к истоку Западной Двины, пересекли его и приближались к Витебску, где находился 53-й армейский корпус, о котором было известно, что он предан старому режиму и имеет во главе комитет, состоящий

¹² См. выходящую в Берлине русскую эмигрантскую газету «Жизнь» от 1 июня 1920 г. (Прим. авт.)

¹³ В.Б. Станкевич (1884–1968) — в мае 1917 г. начальник кабинета военного министра Временного правительства, в июне комиссар Временного правительства на Северном фронте, в сентябре комиссар Временного правительства в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве.

из правых эсеров. Была послана делегация матросов, чтобы установить, будет ли гарнизон сопротивляться продвижению отряда. К ужасу командования штаба Духонина гарнизон ответил, что он будет держаться нейтрально. Отряд матросов и красногвардейцев прошел таким образом через Витебск и достиг Орши, где его встретила делегация местного Совета, заявившая, что она стоит на стороне большевистских комиссаров Петрограда. Отсюда было уже недалеко до Могилева. Но на этом отрезке пути стояла 1-я Финляндская дивизия с сильным правоэсеровским и меньшевистским солдатским Советом во главе. Без сомнения, эти последние сохраняют послушание своим начальникам! Но при приближении отряда матросов и рабочих солдаты двух полков собрались перед зданиями своих исполкомов и избрали новых представителей, которые немедленно направили от себя делегацию, заявившую о своем нейтралитете. Это известие вызвало панику в Могилеве, где теперь располагались тюрко-татарские полки¹⁴; они требовали от Духонина освобождения от военной службы. Большевистские агенты в могилевском гарнизоне присматривались между тем к штабу Ставки Духонина и контролировали телефонную и автомобильную службу внутри и вне города. Было ясно, что Петроградский совет и матросы Балтийского флота снискали себе среди молчаливых масс привязанность и симпатию. Внешне солдаты признавали авторитет своих офицеров, но как только появлялась группа мужчин, знающих, чего они хотят и готовых не отступить перед смелым шагом, пассивное подчинение этих солдат начальству превращалось в благосклонную симпатию к новоприбывшим. Именно так и возникают революции.

Штабу Духонина и правоэсеровскому, и меньшевистскому комитету солдатских депутатов в Могилеве не оставалось ничего другого, как спастись бегством. Они запросили Украинскую Раду, будет ли им разрешено двинуться в Киев, и получили ответ, что они могут отправиться в Черниговскую губернию на Украине, если они сумеют туда попасть. Большинство из них исчезло под покровом ночи, но Духонин, преисполненный чувства чести, остался и, не желая перед лицом опасности спастись бегством, предпочел один выступить перед большевистскими отрядами. Военные миссии союзников в Петрограде телеграфировали между тем Духонину, что союзники не будут препятствовать началу переговоров между Россией и Германией о сепаратном мире, но потребуют только

---

¹⁴ Речь идет о полках «Дикой» дивизии, состоявших из горцев Северного Кавказа и азербайджанцев.

присутствия их представителей, чтобы быть уверенными, что освобождающиеся на Востоке немецкие войска не будут переброшены на Западный фронт. Ах, она поступила уже слишком поздно, эта уступка, сделанная в одиннадцатом часу! Ожесточенные матросы и петроградские рабочие вступили в Могилев. Разгневанные своей нищенской жизнью и тяготами войны, наученные горьким опытом, что они не могут положиться ни на кого, кроме как на себя самих, они разыскали генерала Духонина в купе железнодорожного поезда на вокзале. Советские комиссары из Могилева попытались сдержать вооруженную толпу, умоляли людей не запятнать знамя революции даже кровью ее врагов. Ничто не помогало. Несчастный генерал был вытаснен из своего купе и растерзан на куски. Военным миссиям союзников удалось ускользнуть на Украину, а генерал Корнилов¹⁵, поспешивший на помощь с ротой солдат, должен был спастись бегством в восточном направлении. Он находился еще несколько дней неподалеку от Белгорода, но, когда его настиг отряд красногвардейцев, вернулся на Украину, чтобы отдать себя под защиту Рады. Украина стала местом сбора офицеров и генералов старого фронта.

Так солдаты русской армии и флота на попытку союзников призвать их к порядку ответили применением суда Линча по отношению ко всем тем представителям военщины, которых подозревали в тайном соучастии в происках военных миссий Антанты. То была первая кровь, пролитая после того, как Советы пришли к власти, и она была результатом выступления сырых, необузданных масс. Народные комиссары ответили союзникам в другой и более действенной форме. Троцкий, народный комиссар по иностранным делам, приступил к публикации тайных договоров, заключенных между царским правительством и союзниками. 23 (10) ноября я зашел в Народный комиссариат иностранных дел и увидел там советских уполномоченных, занятых прилежной работой над архивами. Они наконец получили ключи, без которых им не удавалось достать тайные договоры. До того времени это не имело особого значения. Но как только стало ясно, что правящие классы союзных стран со всей серьезностью решили бойкотировать Советы, стало действительно необходимо овладеть оружием защиты. Самым лучшим моральным оружием, которое только можно было сыскать, являлась открытая дипломатия. Ключи удалось найти с помощью старого чиновника Министерства иностранных дел, который через несколько

¹⁵ А.Г. Корнилов (1870–1918) — верховный главнокомандующий Русской армией в июле — августе 1917 г.

Сергей Дмитриевич
Сазонов

дней вернулся на работу. Его привели в комнату, где находились сейфы, и объяснили, что он должен открыть сейфы и охарактеризовать то, что в них находится. Он выразил готовность это сделать, поскольку комиссары дали ему ясно понять, что они действительно обладают властью. «Я служил России 30 лет, — сказал он, — и буду впредь служить любой партии, обладающей достаточной властью, чтобы говорить от имени России». С этими словами он открыл сейфы. В последующие дни «Известия» опубликовали один из тайных договоров.

Свидетелями поразительных перемен стали в эти дни стены русского Министерства иностранных дел! Я вспомнил, как два года тому назад в прекрасной комнате, с окнами, выходящими на площадь Зимнего дворца, с французской мебелью XVIII в., с портретами царей и цариц из дома Романовых на стенах, я брал интервью у С. Сазонова¹⁶ — министра иностранных дел Николая II. Мы говорили о возможности реформ в России. «Да, — сказал министр, — они возможны, даже, может быть, неизбежны, но при условии, что их творцы останутся при этом в рамках русских традиций. Не может быть, разумеется, и речи, о каких-либо далеко идущих реформах, пока война не закончена и Германия не разбита. В конце концов, — сказал он, — самой большой реформой наших дней было запрещение водки царским указом. До поры до времени есть только один путь к благополучию нашего народа, и он состоит в верности его старым

¹⁶ С.Д. Сазонов (1860–1927) — министр иностранных дел Российской империи в 1910–1916 гг.

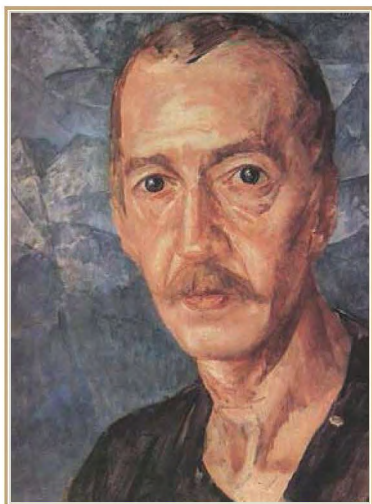

порядкам и привычкам». Когда мой взгляд упал на кресло, в котором тогда сидел Сазонов, мне пришла в голову мысль: что бы он сказал теперь? Романовых не стало, Керенского тоже не стало, и во что превратились старые традиции? Да и простая отмена водки батюшкой-самодержцем не смогла возвести никакой преграды на пути потока. Эти Нероны забавлялись игрой, когда горел Рим.

В соседней комнате советские комиссары лихорадочно занимались разбором документов и тайных договоров, составленных и подписанных Сазоновым и послами союзных стран от имени их правительств. Соглашение, по которому Франция могла сохранить за собой правый берег Рейна в случае, если царская Россия получит свободу рук в Польше; договор, который разделял на сферы влияния союзников Персию и Турцию; протоколы переговоров, в которых говорилось о том, как склоняли румынскую олигархию вступить в войну с помощью обещаний выровнять границы за счет венгерских и сербских территорий; договор с Италией, который гарантировал последней колониальные сферы в Африке и Малой Азии в обмен на обещание, что Италия воздержится от попытки использовать папский престол для посредничества в переговорах о заключении мира; все было именно так, как мы и думали. Может быть, это и были те самые «старые традиции», на которые намекал Сазонов. Если так, то не могло быть сомнения в том, что советские комиссары быстро справятся с ними самым простым образом — путем предания их гласности.

С балкона Министерства иностранных дел на морозном ветру развевалось красное знамя, начертанная на нем надпись гласила: «Да здравствует мир!» Вся царившая там атмосфера создавала впечатление, что русские революционеры начали серьезную борьбу за мир. Фразеология классово-борьбы — пока, во всяком случае, — исчезла из лексикона Троцкого, чтобы уступить место словам: «Мир народам!» И действительно, люди были тогда так наивны, что верили, будто бы большевики являются пацифистами! Мир являлся для Троцкого, между тем, только средством для достижения большой цели.

Скоро стало ясно, что было бы бесполезно дальше ждать официального ответа союзнических правительств на радиogramму от 20 (7) ноября. Поэтому 29 (18) ноября последовала вторая радиogramма немецкому и австрийскому правительствам, ибо русские солдаты на фронте приходили во все большее возбуждение, и те, кто еще не вернулся домой, посылали делегатов в Смольный институт с угрозой разойтись по домам. Считали, что, если союзники увидят, что советское правительство

Сергей Дмитриевич
Мстиславский.
Портрет работы
К.С. Петрова-Водкина

обладает достаточной властью, чтобы заключить сепаратное перемирие, они примут другой тон. Вечером 30 (17) ноября я присутствовал на заседании Исполкома ВЦИКа. Первым пунктом повестки дня были выборы делегатов для переговоров о перемирии. Было уже ясно, что нельзя рассчитывать на то, что немецкие солдаты через голову их начальства подпишут, как надеялись, перемирие, и поэтому необходимо действовать обычными методами, какие были приняты в капиталистических странах. Республика рабочих должна была, следовательно, послать своих представителей для встречи с уполномоченными «империалистических бандитов Германии», как назвала кайзера на минувшей неделе большевистская пресса. К несчастью, немецкие солдаты смотрели на ситуацию другими глазами. Исполкому ЦИКа в качестве парламента той части России, которая признавала Совет, предстояло, таким образом, «дебютировать» перед агентами иностранной державы. Его председатель Свердлов¹⁷ представил в большом зале Смольного перечень имен делегатов, предложенный большевистской партией и левыми эсерами. Большевики выдвинули Каменева¹⁸. Все считали его одним из самых подходящих для такого рода миссии человеком. Левые эсеры назвали среди других поручика Мстиславского¹⁹, который был офицером царской армии и обладал практическими военными знаниями. Кто-то из глубины зала предложил послать одного беспартийного делегата и назвал при

¹⁷ Я.М. Свердлов (1885–1919) — председатель ВЦИК в 1917–1919 гг.

¹⁸ А.Б. Каменев (наст. фам. Розенфельд) (1883–1936) — в 1918–1926 гг. председатель Моссовета.

¹⁹ С.Д. Мстиславский (наст. фам. Масловский) (1876–1943) — член ЦК Партии левых эсеров.

Лев Борисович
Каменев

этом фамилию «старого Ивана», представителя крестьян Петроградского губернского совета. Поднялся крестьянин с длинной седой бородой, в засаленной куртке и высоких русских сапогах из свиной кожи. «Товарищи, — сказал он, — я не принадлежу ни к какой партии, но я один из русских рабочих, которые живут в бедности и добывают себе хлеб в поте лица. Нашему народу нужны мир и земля. И хотя мы знаем, что ничего хорошего ждать от кайзера Вильгельма не приходится, нам все-таки нужно каким-то способом от него отделаться, теперь, когда Антанта нас покинула. Товарищи, я человек бедный и необразованный, читать и писать не умею, как большинство из вас, но, хотя я и старый человек, я хочу вместе с вами пойти на фронт, чтобы показать прусским генералам, что в России теперь громче всего звучит голос рабочего человека и что мы, несмотря на нашу необразованность, свергли власть помещиков и бар». Старый крестьянин под общий энтузиазм собрания занял свое место, и делегация для ведения переговоров о перемирии была, таким образом, по всем правилам избрана.

Следующим пунктом повестки дня было утверждение декрета об отмене смертной казни на всей территории республики. В краткой речи депутат с фронта потребовал единодушного принятия проекта. «Россия рабочих, крестьян и солдат, которая обеспечила себе победу над своими эксплуататорами, может позволить себе снисходительность по отношению к своим врагам, — сказал он, — революция пустила такие глубокие корни в сердцах народа, что меры подавления излишни». Декрет был принят без возражений. С этих первых дней Октябрьской революции он практически вступил в силу. Те люди, которые после этого лишились жизни, были либо убиты в открытом бою с Красной гвардией, либо пали

жертвой взрыва ярости толпы черни, как это было с генералом Духониным. В этот период революции Советы считали ненужным идти дальше применения таких мер, как арест и заключение в тюрьму, чтобы пресечь преступления и отразить политические вылазки против республики. Революционерам было противно применять оружие, — то оружие, которое Корнилову после долгих настояний удалось вложить в руки Керенскому. Но как долго могла русская революция ограничиваться такими примитивными мерами?

Последним пунктом повестки дня был вопрос о реквизиции теплой одежды у буржуазии для нужд красногвардейцев. Рабочие делегаты с фабрик поднимались и зачитывали отчеты о том, что уже сделано. Столько-то полушубков, столько-то теплых рубашек, столько-то шерстяных шапок было реквизировано и послано на различные фронты. Каждой семье было разрешено оставить для каждого ее члена по одному полушубку, меховому пальто и по три теплых рубашки. Все, что выходило за эти пределы, подлежало реквизиции по твердой цене. Раздавались жалобы на то, что не везде тщательно взялись за работу и что в Петрограде и Москве, например, имеются районы, где буржуазия до сих пор еще не привлечена к выплате контрибуции. Делегаты левых эсеров признавали, что необходима большая активность. «Товарищи, — сказал большевистский комиссар с трибуны, — мы только начинаем, наш рабочий аппарат находится еще в самом начале своей деятельности. Вы должны дать нам время. Но вы можете быть уверены, что мы сделаем все, что в наших силах, мы позаботимся о том, чтобы те, кто жил чужим трудом, в будущем заплатили свой справедливый взнос нашим храбрым товарищам, которые с оружием в руках защищают революцию». Заседание закрылось, и я возвращался домой по снегу. При выходе из Смольного я прошел мимо часового-красногвардейца, который стоял в теплой шинели и жался к маленькому огоньку костра. Дул холодный ветер, и, когда я на него посмотрел, я вздрогнул и плотнее укутался в свою меховую шубу.

В течение последующих двух ночей, 1 и 2 декабря, я исполнял свои обязанности караульного у подъезда того жилого дома на Фонтанке, где я проживал. По распоряжению районного Совета в каждом жилом доме должен был быть создан домовый комитет. Такой комитет должен был нести ответственность за уборку снега с участка улицы, прилегавшего к данному дому, и назначать каждую ночь на случай беспорядков в городе двух караульных из числа жильцов дома. Как раз тогда в различных частях города происходили погромы, учиненные пьяными. Военно-революционный комитет напал на след тайной организации, связанной с царской

охранкой (тайной полицией). Агенты этой организации провоцировали нападения на винные погреба и затем бесплатно раздавали их содержимое с целью разложить, деморализовать красногвардейцев. В городе имелось еще некоторое количество солдат из полков старого гарнизона, не вернувшихся домой. Они состояли большей частью из политически отсталых элементов, готовых принять участие в любом выступлении, открывающем шанс пограбить. Когда мне случалось стоять на дежурстве, сплошь и рядом можно было слышать, как нечто обычное, хриплые крики и отдельные револьверные выстрелы, раздававшиеся в тишине холодной ночи. Чтобы положить конец беспорядкам, видимо, не хватало красногвардейцев; к тому же беспорядки возникали одновременно в разных частях города, а самые надежные красногвардейские части были отправлены в различные части губерний и на германский фронт. 2 декабря (19 ноября) около полуночи к нашему подъезду подошла кучка громил и потребовала впустить их, утверждая, что они якобы являются красногвардейцами и ищут «агента контрреволюции». Мы немедленно позвонили в районный Совет, прося о помощи, и нас заверили, что отделение красногвардейцев тотчас же прибудет. Тем временем, однако, громилы разошлись восвояси.

На следующий день я направился на Васильевский остров. Повсюду в этой части города чуть ли не каждую минуту можно было слышать револьверные выстрелы, которые свидетельствовали о том, что мятежные банды занимались грабежом погребов и стреляли в воздух, чтобы посеять панику. Раздававшийся то здесь, то там стрекот пулеметов говорил о том, что районный Совет выслал отделение красногвардейцев, чтобы занять и очистить бандитские гнезда. Если из числа старослужащих Петроградского гарнизона кое-кто еще и оставался в городе, то они были совершенно ненадежны, и будь они посланы, они, без сомнения, тотчас же нашли бы общий язык с громилками, что могло лишь увеличить разложение.

Положение было настолько серьезно, что 3 декабря (20 ноября) Петроградский совет признал необходимым, чтобы ВЦИК восстановил смертную казнь, применяя ее ко всем тем, кто будет замешан в грабежах или в подстрекательстве пьяных к разгрому винных погребов. К счастью, спустя несколько дней главные зачинщики были арестованы и доставлены в Петропавловскую крепость, так что от более серьезных мер можно было воздержаться. Отдельные случаи погромов, совершавшиеся пьяными, происходили еще в течение всего декабря, но агенты охранки после ареста зачинщиков погромов перешли к другим методам. Они ор-

ганизовывали банды, совершавшие налеты на квартиры. Одним из главных организаторов этих налетов был бывший греческий подданный и офицер царской армии. Были совершены налеты на ряд общественных зданий, а также помещения районных Советов и школ. Кадетская пресса подавала все сообщения об этих налетах так, как если бы они были делом рук советских комиссаров. В конце концов дело приняло столь серьезный оборот, что ВЦИКу пришлось вмешаться, чтобы покончить с этой формой контрреволюционной деятельности. Военно-революционный комитет был во второй неделе декабря реорганизован и получил название «Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией», которая в дальнейшем стала так знаменита. Она состояла из некоторых особенно заслуживающих доверия членов большевистской и левоэсеровской партий и в тот период революции располагала только властью производить аресты, собирать обвинительные материалы и передавать виновных юридическому комитету ЦИКа Советов. По настоянию Петроградского совета она, наконец, решила восстановить смертную казнь за убийство, грабежи и подстрекательство к погромам. Так случилось, что по истечении шести недель, в течение которых смертная казнь была отменена, советские власти были вынуждены снова ввести ее применительно к уголовным преступлениям. Первой ее жертвой был царский офицер греческого происхождения.

Вечером 8 декабря (25 ноября) я присутствовал на заседании ВЦИКа в Смольном. С фронта как раз прибыла делегация, направленная для переговоров о перемирии, и она должна была сделать свой отчет. Лидер интернационалистов-объединенцев, маленькой недавно созданной группы, состоявшей из интеллигентов, сплотившихся вокруг горьковской «Новой жизни», выдвинул при открытии заседания на обсуждение несколько пунктов. Он порицал ту поспешность, с которой были начаты переговоры о перемирии, и указал при этом на опасность отчуждения от западных демократий. Какие гарантии они могут получить, сказал он, что немецкий Генеральный штаб не бросит войска с Восточного фронта на Запад для борьбы с союзниками? Руководитель группы Польской социалистической партии в России Лапинский²⁰ также предостерег СНК насчет того, что прусские милитаристы наверняка будут стремиться использовать русскую революцию для усиления своей собственной власти над Польшей. Тогда поднялся Каменев, чтобы сделать официальный от-

---

²⁰ П.А. Лапинский (наст. имя и фам. Я. Левинсон) (1879–1937) — один из лидеров польской социал-демократии.

Макс Гофман

чет о переговорах. Делегатам удалось, сказал он, добиться десятидневного прекращения огня. Они также предложили заключить всеобщее перемирие на всех фронтах, включая и Западный фронт, но германский Генеральный штаб ответил, что это невозможно, так как союзники России отказались от участия в подобных переговорах. Делегаты далее потребовали, чтобы точные отчеты о ходе переговоров были сделаны достоянием общественности с помощью передач по радио. Немцы от этого увильнули и в конце концов заявили, что они оставляют за собой право опубликовать собственные отчеты о ходе переговоров. Русская делегация потребовала далее перемирия на шесть месяцев и освобождения немцами островов Даго и Моонзунда. Эта соломинка сломала хребет прусскому верблюду. Генерал Гофман²¹ спросил их, не думают ли они, что они явились как победители в то время, как немецкая армия стоит далеко в глубине русской территории. Это требование было, следовательно, отклонено, после чего советские делегаты подняли вопрос о том, что немцы не должны перебрасывать никаких войск с востока на запад. После длительных переговоров немцы наконец согласились на то, что большие боевые части не будут переброшены на Западный фронт после начала переговоров о мире. Это, сказал Каменев, достаточно ясно доказывает, что Россия не оставляет западных демократов на произвол судьбы. Но как долго Россия останется на такой позиции, всецело зависит от тех шагов, которые будут предприняты этими демократиями

²¹ М. Гофман (1869–1927) — германский генерал, в 1917 г. начальник штаба главнокомандующего Восточным фронтом.

в промежуток до открытия мирных переговоров, чтобы принудить их правительства прислушаться к призыву русской революции. В ответ на критические замечания польского представителя Каменев заявил, что делегаты вполне сознают, что немецкие генералы сделают попытку использовать русскую революцию в своих империалистических целях, но что они намерены уязвить немцев в самом чувствительном пункте. Они уже вызвали возмущенные протесты немецкого Генерального штаба тем, что напечатали текст отчета переговоров о перемирии и доставили его немецким солдатам в окопы.

После речи Каменева делегации по переговорам о перемирии были единодушно высказаны доверие и благодарность собрания. Основной тон, который господствовал среди собравшихся в зале рабочих и солдат, был тон доверия. Первый раз в истории рабочие от станка и простые солдаты взяли контроль над своей судьбой в свои собственные руки. Все речи, с которыми выступали солдаты, были проникнуты одной главной мыслью: люди в окопах, которые восемь месяцев ждут, не хотят больше ждать. Они были преданы своими вождями и господами и надеются теперь решить проблему войны и мира, рассчитывая только на себя.

Короткое перемирие, которое, таким образом, было заключено, дало союзникам возможность снова подумать о том, не изменить ли своей политики, не присоединиться ли к русской революции в надежде восстановить мир, воспользовавшись конференцией для того, чтобы раскрыть перед немецким народом империалистические планы прусских юнкеров. Я не думаю, что кто-нибудь из народных комиссаров или членов ЦИКа предавался в те дни каким-либо иллюзиям о позиции союзников по отношению к ним. По тону большевистской и левоэсеровской печати можно было видеть, что они сознавали, что союзники преследуют антисоветские планы и планы господства над экономическими ресурсами мира и что эти планы ничем не отличаются от планов прусских юнкеров, — в лучшем случае лишь тем, что они скрыты под еще более толстым слоем лицемерия. Было совершенно необходимо, однако, разъяснить это обстоятельство рабочему классу стран Антанты и не встречаться с глазу на глаз за столом мирной конференции с немецкими генералами до тех пор, пока не будет сделано все, что могло бы побудить союзников к участию в этой конференции. 12 декабря (29 ноября) царскосельская радиостанция послала радиogramму «Всем!». В этой радиogramме народный комиссар по иностранным делам заявлял, что те правительства, которые не принимают призыва России участвовать во всеобщих мирных переговорах и переговорах о перемирии, или даже не хотят отвечать, бу-

дут нести ответственность за то, что переговоры будут продолжены без их участия. Социалистов Германии и Австрии это обращение призывало оказать давление на их правительства, чтобы они приняли условия мира, базирующиеся на программе русской революции.

Тем временем ВЦИК послал на немецкий фронт вторую делегацию, чтобы повести переговоры о перемирии на более длительный срок. 14 (1) декабря пришло сообщение о том, что немецкие генералы, в ответ на требование русских не предпринимать никаких, даже самых незначительных перебросок на Запад во время действия перемирия, заявили, что они могут дать свое согласие только на условия, предусмотренные краткосрочным соглашением о перемирии. Вечером я присутствовал на заседании ВЦИКа, на котором от имени народных комиссаров выступал Троцкий. Я записал себе следующие слова из его речи: «Мы категорически требуем, чтобы немецкий Генеральный штаб заявил о своем согласии не посылать никаких войск с востока на запад, ибо мы не хотим давать ни малейшего повода упрекнуть нас в том, что мы, хотя бы и бессознательно, помогли одному империализму против другого. Кроме того, мы хотим, чтобы трудящиеся классы в странах Антанты поняли, что наше сепаратное перемирие может быть в любое время расширено до пределов перемирия всеобщего. Следовательно, мы скорее вовсе прервем переговоры, чем уступим в этом пункте». Члены ВЦИКа ответили на эти слова громкими рукоплесканиями. Перед концом заседания была зачитана телеграмма с фронта, в которой сообщалось, что немцы согласны после подписания нового соглашения о перемирии не перебрасывать с востока на запад части бóльшие, чем батальон. Само собой разумеется, что и это было неудовлетворительным решением вопроса, так как легко можно было понять, что немцы могли направить целые дивизии, разбив их на небольшие подразделения. Но немецкие генералы оставались твердыми, как сталь, и так как никакой моральной поддержки со стороны союзников не было, не оставалось ничего другого, как склониться перед более сильной мощью и возложить надежды на мирные переговоры, на то, что в их ходе, может быть, удастся разбудить из летаргического сна трудящиеся классы Германии и стран Антанты.

Когда 19 (6) декабря все еще не поступило ответа по радио от союзников на официальное приглашение принять участие в мирных переговорах, не оставалось ничего другого, как направить такое приглашение только правительствам Центральных держав. Формально это было, конечно, нарушением Лондонского договора от августа 1914 г., по которому союзники обязались не заключать сепаратного мира. Но царское

правительство заключило этот договор, не спрашивая какой-либо орган, представляющий народ, даже не спрашивая Думу, избиратели которой разбились на ранги в зависимости от размера их имущества. Поэтому нельзя было ожидать, чтобы революционное правительство, которое самим своим существованием было обязано сильному народному движению, правительство, которое уничтожило старую форму государственного управления вплоть до самого последнего его звена, станет особенно беспокоиться о соблюдении подобного договора. Русские революционеры следовали своему долгу, когда они перед каждым новым этапом переговоров о перемирии выжидали, обращаясь к союзникам с призывом к участию и давая им время для ответа. Вступая в переговоры, они защищали, таким образом, суверенное право народа не признавать договора, заключенного без его ведома и согласия, и это было тем более верно, если учесть, что соблюдение таких договоров означало лишь порабощение народа иностранными банками и военными миссиями.

Этот шаг народных комиссаров все же встретил с разных сторон осуждение, в том числе и со стороны тех элементов в России, которые по отношению к большевикам и левым эсерам не занимали открыто враждебную позицию. Так, «Новая жизнь» Горького писала 15 (2) декабря: «Хотя большевики были первыми, кто проводит настоящую внешнюю политику, они все же слишком прислушиваются к голосам простых солдат, которые в своем резком недовольстве требуют любой ценой мира вместо того, чтобы прислушиваться к голосу разумной демократии, тенденция к которой пробивает себе дорогу во всех странах. Поэтому жизненно необходимо созвать международную конференцию социалистов, задачей которой было бы организовать пропаганду за мир на широком базисе и, таким образом, воспрепятствовать тому, чтобы она приняла неорганизованные, произвольные формы». Эта попытка снова вызвать к жизни план Стокгольмской конференции, который в начале года потерпел такую неудачу, была воспринята Комиссариатом иностранных дел не слишком серьезно. Впечатление о тогдашнем положении, которое сложилось тогда у меня самого, было выражено в телеграмме в «Манчестер гардиан» следующими словами: «Советское правительство без сомнения приветствовало бы созыв международной конференции социалистов в Стокгольме или в каком-либо другом месте при условии, если как группы меньшинства, так и группы большинства социалистического лагеря будут иметь там своих представителей, и все же это должно произойти незамедлительно, ибо малейшее промедление при том состоянии, в котором находится Россия в данный

момент, может иметь роковые последствия. Мое впечатление таково, что немецкий Генеральный, штаб, хорошо зная, что русский солдат требует мира любой ценой, пытается изолировать русскую революцию и использовать создавшееся положение в собственных интересах. Таким образом, советское правительство перед лицом сетей, расставленных немецкими империалистами, предательства союзнических демократий и под нажимом русских солдат вынуждено волей-неволей расчищать путь для переговоров о сепаратном мире».

21(8) декабря после того, как от Центральных держав пришел положительный ответ, стали избирать делегатов на мирную конференцию, которые должны были встретиться с дипломатами этих держав. Главой делегации был Иоффе²², которому его предшествующая подготовка и накопленный опыт превосходно помогли найти нужный язык в общении с такими людьми, как Кюльман²³ и граф Чернин²⁴, дипломатическими представителями Центральных держав. 23 (10) декабря в Брест-Литовске начались мирные переговоры. С самого начала дипломаты и генералы Центральных держав, несмотря на все существовавшие в их среде разногласия, были единодушны в том, что желательно как можно скорее заключить с Россией мир, но при условии, что при этом удастся добиться значительных военных и экономических выгод на Востоке. Чтобы достичь этой цели, они не остановились перед лицемерным признанием программы мира русской революции. С самого начала было ясно, что они избрали тактику дружественно встретить русских делегатов и оказать им должное уважение, обходиться с ними как с равными и тем самым создать за границей впечатление, что они хотят заключить демократический народный мир. Прикрываясь такой маской, они надеялись беспрепятственно осуществить военную программу Людендорфа²⁵.

Большое возбуждение вызвало тогда в Петрограде известие, что русские революционные делегаты, посланные на мирную конференцию, уже сидят за столом переговоров с прусскими юнкерами и дипломатами Центральных держав. Кадетская пресса лихорадочно занялась распро-

²² А.А. Иоффе (1883–1927) — в 1917 г. член Петроградского Военно-революционного комитета, во время брестских переговоров входил в состав советской мирной делегации, с апреля по ноябрь 1918 г. полпред РСФСР в Берлине.

²³ Р. Кюльман фон (1873–1948) — статс-секретарь иностранных дел Германской империи с августа 1917 г. по июль 1918 г.

²⁴ О. Чернин фон (1872–1932) — в 1916–1918 гг. министр иностранных дел Австро-Венгрии.

²⁵ Э. Людендорф (1865–1937) — генерал, в 1916–1918 гг. фактически руководил действиями всех вооруженных сил Германии.

Адольф Абрамович
Иоффе

странением инструкций насчет того, что большевики, в сущности, приступили уже к выполнению своего постоянного, давно вынашиваемого плана, состоящего в том, чтобы продать немцам за золото и Россию, и ее союзников. Но когда 24 (11) декабря поступили более подробные сведения о ходе переговоров в первый день, кадетская пресса взяла несколько более умеренный тон, а пресса большевиков и левых эсеров — более уверенный, интеллигенты, группировавшиеся вокруг «Новой жизни», продолжали демонстрировать тон холодной критики. К удивлению руководящих прусских военных, русские делегаты опубликовали не сокращенный, а полный отчет о переговорах, которому предпослали перечень следующих пяти пунктов, призванных служить основой мира:

1. Отвод войск из всех оккупированных областей.
2. Политическая независимость государств, которые до войны обладали такой независимостью.
3. Право народов, населяющих любое государство, избрать путем плебисцита то государство, в состав которого они желают входить.
4. Право национальных меньшинств на культурную автономию.
5. Никаких репараций, никакого экономического бойкота после войны и возврат всех принудительно взысканных контрибуций.

Тем самым русские, по существу, выдвинули пять пунктов, которые в главных чертах совпадали с 14-ю пунктами президента Вильсона²⁶, опубликованными лишь несколькими неделями позже. Эти пункты были приняты как программа мира русской революции еще в то давно

²⁶ В. Вильсон (1856–1924) — в 1913–1921 гг. президент США.

Оттокар фон Чернин

ушедшее время в апреле этого года, когда Петроградский совет через голову Временного правительства направил свое знаменитое воззвание к рабочим мира. Но теперь они были, как сообщала большевистская печать, выдвинуты вновь, чтобы побудить Центральные державы дать какое-то изложение их собственных военных целей. Этим последним пришлось заявить на словах о своей согласии с этими пятью пунктами. Разумеется, они делали при этом и различные оговорки. Так, например, они говорили, что пункт 2-й не может быть применен на востоке до тех пор, пока союзники России со своей стороны не выскажутся за его принятие и применение на западе. Далее, право наций на самоопределение внутри существующих государств должно находиться в соответствии с конституциями этих государств. Однако известие о том, что делегаты Центральных держав в принципе приняли пять пунктов, было сообщено всему миру в Петрограде как большой триумф. День 28 (15) декабря был объявлен днем общего праздника и на Марсовом поле состоялась большая демонстрация. С первых утренних часов этого петроградского зимнего дня, когда рассвело лишь часов в десять, и до начала темноты, т.е. около половины четвертого пополудни, я стоял на снегу и наблюдал бесконечный поток фабричных рабочих, красногвардейцев и солдат гарнизона, проходивших мимо меня. Я думал о последней большой демонстрации, состоявшейся на этом же месте накануне злополучного июньского наступления. На знаменах теперь не было лозунгов с призывом к рабочим свергать капиталистическое правительство Керенского и устанавливать власть Советов. Сегодня лозунги на знаменах обращались к более широкой аудитории — к Интернационалу рабочих, к рабо-

чим стран Антанты и к немецким и австрийским социалистам. Русская революция за прошедшие шесть месяцев стала ближе к своей цели, и Советы выступали теперь, как власть господствующая, во всяком случае, в Северной и Центральной России.

Следующий день, 29 (16) декабря, принес горькие разочарования. Стало известно, что прусский генерал Гофман, командующий восточной армией в Генеральном штабе, от себя лично сделал демарш и дал составленным русскими пяти пунктам совершенно новое толкование. В Смольном царила атмосфера подавленности. Может быть, демонстрация, проведенная за день до того, была преждевременной? Большевистские лидеры отнюдь не были в состоянии растерянности, их пресса ясно показывала, что они сознают, что достигли немалого триумфа благодаря тому, что сорвали маски с прусских генералов и таким образом поставили их в положение противника по отношению к своему собственному народу даже больше, чем если бы добились принятия своих пяти условий.

События развертывались следующим образом. 25 (12) декабря делегаты Центральных держав сделали заявление, в котором ясно чувствовалось сдерживающее влияние австрийского дипломата графа Чернина. Это заявление содержало перечисление принципов мира, которые, во всяком случае, могли послужить основой для переговоров с русскими. В них не было речи ни о территориальных уступках, ни о возмещении военных расходов или вызванных войной частных убытков. Далее было предусмотрено возобновление торговли на основе принципа наиболее благоприятствуемой страны, проведение голосования в Польше, Курляндии, Литве, а также заключение особого соглашения с Германией о постепенной эвакуации ее войск из оккупированных областей. Однако 28 (15) декабря генерал Гофман, обозленный австрийским дипломатом, попросту отстранил его и заявил русским, что Германия не может освободить оккупированные области до заключения всеобщего мира и, кроме того, рассматривает органы управления, существующие в занятых областях, как достаточное доказательство того, что местное население уже высказалось в пользу отделения от России. Таким образом, было ясно, что образовался тупик, при наличии которого те или иные мирные переговоры между обоими правительствами рано или поздно должны были потерпеть крах, ибо это были переговоры между представителями двух противостоящих друг другу враждующих классов. Такой тупик создавало сначала толкование формулы о «самоопределении народов». Как должен был быть решен вопрос о малой нации, которая, например, состоит из слоев, находящихся в от-

Делегаты Центральных держав в Брест-Литовске. Слева направо Макс Гофман, граф Оттокар Чернин, Мехмед Талаат-паша и Рихард фон Кюльман

крытом или тайном конфликте между собой? И, далее, — если одно или оба правительства, под чьим покровительством должно было произойти самоопределение, симпатизировали тому или другому классу внутри этой малой народности, — можно ли было вообще на глазах обеих оккупационных армий провести объективное народное голосование, свободное от влияния извне?

Поднять эти вопросы значило на них ответить. Ибо прусские полководцы никогда бы не отвели своих войск из балтийских провинций, чтобы допустить тут же народное голосование под покровительством армии русских рабочих и безземельных крестьян. С другой стороны, последние никогда не признали бы для себя обязательными результаты голосования, проведенного под прикрытием прусских штыков. Предложение графа Чернина провести голосование под контролем нейтральной державы не встретило большого восторга ни с чьей стороны, так как было понятно, если эта нейтральная держава была бы социалистической республикой, то она симпатизировала бы одной стороне, а если капиталистическим государством — то другой. Дело состояло в том, что «самоопределение» являлось лишь словом, которое должно было служить в Брест-Литовске тому, чтобы завуалировать классовую борьбу, которая происходила тогда в западных прибалтийских государствах бывшей Российской империи, и облегчить осуществление стремлений прусских полководцев — с одной стороны, и русских революционеров — с другой. Мнимый нейтралитет

графа Чернина также был не чем другим, как завуалированной попыткой самому урвать себе лакомый кусок, за который готовы были драться соседи. Ибо австрийско-венгерское дворянство преследовало свои цели, которые заключались в том, чтобы распространить влияние Габсбургов на Украину и Польшу.

Глава 13. Окраинные государства и принцип самоопределения

Проблема самоопределения окраинных государств, в особенности Украины, приобрела вскоре острый характер. Русские делегаты добились отсрочки мирной конференции до 4 января (22 декабря) с тем, чтобы дать союзникам время для принятия участия в переговорах в случае, если они к тому моменту переменят свое решение. В то время, как Советы еще ждали ответа от союзников на второе обращение по радио, переданное царскосельской радиостанцией, Украинская Рада предприняла шаги, которые значительно осложнили обстановку. Для более точного понимания тогдашних событий надо несколько подробнее коснуться событий на Украине непосредственно после Октябрьской революции. Украинская Рада, состав которой уже был описан в предыдущей главе, в середине ноября, преодолев последнее сопротивление великорусских элементов среди рабочих южнороссийских городов и опираясь на националистическую интеллигенцию и на мелких крестьян, заявила себя единственным обладателем государственной власти в стране. Французская военная миссия в Петрограде оживленно приветствовала этот шаг Рады, который открывал перспективы на осуществление ее собственных планов, направленных против Советов Северной России. Рада, между тем, ясно сознавала, что великорусская буржуазия чувствует, что ей нанесен удар в самое сердце как Радой, так и великорусским рабочим классом, его готовностью пойти на компромисс с мелкой буржуазией, и Рада стала оглядываться по сторонам в поисках союзников. Во второй неделе ноября официальные петроградские «Известия» опубликовали сообщение о том, что между доверенным лицом французской военной миссии в Киеве и главнокомандующим гайдамаков, состоящих на службе у Рады (украинские войска), заключено соглашение²⁷. Все говорит за то, что ру-

²⁷ Это утверждение «Известий» ни разу не было опровергнуто представителями французского правительства в России. Оно повторялось в ряде радиопередач советского правительства в течение лета 1919 г., когда Деникин напал на Украину. (Прим. авт.)

Второй состав советской делегации в Брест-Литовске. Сидят, слева направо Каменев, Иоффе, Биценко. Стоят, слева направо Липский, Стучка, Троцкий, Карахан

ководящие деятели украинских социал-демократических и эсеровских партий в Раде знали тогда об этом соглашении, которое гарантировало финансовую поддержку, военную помощь и признание самостоятельности Украины как вознаграждение за французский контроль над железными дорогами, признание французских притязаний на приоритет при получении концессий, а также твердый фронт против большевистской Северной России и продолжение войны против Центральных держав. Так, с самого начала мелкая буржуазия Украины продала независимость Рады иностранным финансовым интересам. Но обязательства, которые взяла на себя украинская мелкая буржуазия, были очевидно слишком тяжелы для ее плеч. Ибо украинские крестьяне точно так же устали от войны и нуждались в земле, как и крестьяне Северной России, и если они до сих пор не создали себе Советов, чтобы осуществить свои желания, то это объяснялось тем обстоятельством, что пролетариат Украины в численном отношении был слишком слабым, чтобы вызвать к жизни мощные, опирающиеся на фабричные комитеты, политические организации. Так инициатива оказалась предоставленной националистической интеллигенции и богатым крестьянам-землеладельцам. Но последние не могли не знать о той усталости от войны, какую ощущали украинские солдаты из крестьян, и партии Рады вскоре поняли, что для них невозможно выполнить ту часть договора с Францией, которая вынуждала их продолжать войну с Центральными державами.

Если проследить одну все время повторяющуюся черту в истории развития Рады, то эта ее черта — предательство. Партии, из которых, она состояла, очень хорошо знали, что они не выполнят соглашения, что им, однако, не мешало брать французские деньги. В последнюю неделю декабря большевистская пресса опубликовала перехваченное письмо генерала Алексеева²⁸, мобилизовавшего на Дону офицерский корпус для борьбы против севернорусских Советов, адресованное французским военным уполномоченным при Раде. В этом письме генерал Алексеев сообщал, что союзнические военные миссии уже заключили соглашение в целях финансовой поддержки и вооружения Рады одновременно с другими антибольшевистскими организациями Южной России, а также в целях снабжения казацких генералов оружием и боеприпасами. Двусмысленные отношения, которые существовали между Радой, с одной стороны, и офицерским корпусом генерала Алексеева, а также донскими казаками генерала Каледина²⁹ — с другой, должны были скоро привести первую к конфликту с севернорусскими Советами. Народные комиссары послали в начале декабря красногвардейцев против Каледина, который по настоянию Алексеева и кадетских заправил на Дону бросил своих казаков против Воронежа и центральных губерний. В пути они получили подкрепления от казацких боевых частей с германского фронта, которым Рада разрешила продвижение через свою территорию. Народные комиссары требовали от Рады, чтобы она разрешила продвижение русских, преданных Советам войск через ее территорию на Дон. Эта просьба была отклонена. У нее потребовали объяснения причин отказа, и Рада ответила 19 (6) декабря опубликованием третьего универсала — декрета, который провозглашал независимость Украины. Народные комиссары вручили Раде на следующий день ультиматум. Они привели целый ряд обвинений против последней, в том числе обвинение в несоблюдении нейтралитета в борьбе между Советами Севера и генералами Алексеевым и Калединым, аресте местных рабочих Советов в угольных и промышленных районах Восточной Украины, Раду обвинили также в том, что она требовала незамедлительного отзыва всех украинских войск с Южного фронта и переброску великорусских частей на Север — военной операции, которая в тот момент вызвала бы тяжелый транспортный кризис. 24 (11) декабря большевистская газе-

²⁸ М.В. Алексеев (1857–1918) — генерал, в 1915–1917 гг. начальник штаба Верховного главнокомандующего.

²⁹ А.М. Каледин (1861–1918) — генерал, в 1917–1918 гг. Донской войсковой атаман.

Делегация Украинской Центральной Рады в Брест-Литовске

та «Правда» в своей передовой статье следующим образом изложила позицию советского правительства на Севере: «Право на национальное самоопределение злостно используется мелкой буржуазией Украины для того, чтобы лишить фабричных рабочих и беднейших крестьян права на социальное самоопределение. Национальный конфликт между нами и Радой является, поэтому, классовой борьбой».

В этот же день я взял интервью в Смольном у одного делегата Украинской Рады, который только что прибыл из Киева, чтобы сделать попытку избежать открытого разрыва. Он сделал мне следующее заявление, которое довольно точно рисовало картину положения и позицию Рады в тот момент. «Украинская Рада, — сказал он, — состоит из национально-социалистических партий и представителей различных демократических организаций. В Раде нет великорусских кадетов, и поэтому большевистское обвинение в том, что она является реакционной, несостоятельно. Рада объявила в своем втором универсале частные имущества национальной собственностью, которая должна быть распределена между крестьянами; она провозглашает 8-часовой рабочий день и приступает к его установлению в законодательном порядке. Но большевистское правительство настаивает на том, чтобы управление Украиной осуществлялось исключительно Советами. Правительство большевиков и левых эсеров в Северной России не имеет права делать нам какие-либо предписания относительно правительственной системы на Украине, особенно если учесть, что оно заявляет себя сторонником самоопределения народов».

Если сравнить это заявление с приведенным выше местом из «Правды», то ясно видно, каковы были причины этих и всех других споров между севернорусскими Советами и различными демократическими организациями, которые возникали время от времени на Украине. Одновременно такое сравнение проливает свет и на жестокий спор, который разразился примерно в это же время в Брест-Литовске по поводу формулы «самоопределение народов». Конфликт между севернорусским Советом и Радой объясняется различием в темпах нарастания классовой борьбы в Северной России и на Украине. Он не имел ничего общего с вопросом о том, должна ли Россия дальше участвовать в мировой войне или нет. «В вопросе о перемирии между нами и большевиками нет разногласия, но мы требуем особого украинского представительства на мирной конференции», — сказал мне тот же самый украинский делегат в конце интервью, — в Смольном. И все же в посольствах и военных миссиях союзников не могли или не хотели видеть, что Рада собирается продать их после того, как она завладела их деньгами и воспользовалась их помощью. Они были твердо убеждены, что Рада будет соблюдать соглашение, заключенное между французским военным представителем и главнокомандующим гайдамаками. Та же неспособность правильно оценить положение была характерна и для органов общественного мнения в Англии. Только «Манчестер гардиан» уяснил себе истинное положение дел и писал в передовой статье от 31 (18) декабря: «Каковы бы ни были внутренние разногласия внутри различных областей и народов России, там нет разногласий в вопросе о необходимости скорейшего мира. Так и Украина, несмотря на то, что она до сих пор в известной мере упрямо стремилась к охране своей независимости по отношению к правительству в Петрограде, сама послала делегатов на мирную конференцию».

Народные комиссары в такой мере стремились не доводить конфликт с Радой до остроты, что даже не отказались сесть вместе с уполномоченными последней за стол мирных переговоров. Конечно, позиция украинской делегации была не совсем ясна. Советская делегация во главе с Иоффе не выдвинула никаких возражений против ее появления и разрешила ей говорить от имени Украины. Но было не ясно, говорит ли она как независимая делегация или как подгруппа великорусской советской делегации. Этот пункт прояснился только на второй сессии мирной конференции во второй неделе января, когда нарастающий кризис между народными комиссарами и Радой открыто разразился.

3 января (21 декабря) я присутствовал на заседании ЦИКа Советов в Смольном. Срок для ответа союзников на призыв народных комиссаров принять участие в брест-литовских переговорах истек. Тем самым исчезла последняя надежда на заключение всеобщего мира. Единодушное мнение депутатов Совета, особенно представителей фронтовых солдат, матросов Балтийского флота и фабричных рабочих Петрограда, было таково, что, наконец, настало время действовать самостоятельно.

«Благодаря тому, что мы все это время ждали, мы оправданы теперь в глазах социалистического Интернационала», — услышал я, как один фронтовой делегат сказал в разговоре с кем-то, прежде чем началось заседание. Несмотря на это, представитель большевистской партии поднялся и внес предложение, чтобы по радио Центральным державам было передано предложение о переносе мирных переговоров в нейтральную страну. Необходимо, говорил он, доказать социалистическим и рабочим партиям западных стран, что мы применили все средства, чтобы принудить прусских генералов к открытой игре и сорвать с них маски перед лицом Европы. Предложение получило всеобщее одобрение и было тотчас же исполнено. Вслед за этим были избраны делегаты на мирную конференцию. Народный комиссар иностранных дел Троцкий должен был возглавлять делегацию.

Двумя днями позже, 5 января (23 декабря), мы услышали, что Центральные державы отказались обсуждать вопрос о переносе мирной конференции из Брест-Литовска в нейтральную страну.

ЦИК Советов вновь собрался в тот вечер на заседание. Делегаты с фронта сообщили, что всякое промедление означает опасность, так как уже на больших участках фронта солдаты покидают окопы и расходятся по домам. Как только весть об этом распространится шире, немцы, без сомнения, со своей стороны выступят с условиями перемирия. «Пришло ли какое-нибудь сообщение от союзников?» — спросил матрос Балтийского флота. «Ни слова!» — гласил ответ представителя Наркомата иностранных дел с трибуны. Таким образом, дело решилось само собой. Было решено, что делегаты на мирную конференцию выедут в ту же ночь.

На следующий день, 6 января (24 декабря), мы узнали, что делегаты Украинской Рады, не ожидая прибытия советских представителей в Брест-Литовск, начали переговоры с Центральными державами о сепаратном мире. Это известие вызвало всеобщую подавленность в Смольном, так как каждый, кого я в этот день встречал, казалось, инстинктивно чувствовал, что пущена в ход интрига, чтобы нанести удар в спину Советам. В этот вечер я встретил в доме своего друга известного большевика

Пятакова³⁰. Он занимал пост председателя Госбанка и в этом качестве участвовал в разработке декрета об аннулировании русских государственных долгов. Но он был украинцем, и хотя важно было узнать, как обстоят финансовые дела в этот момент, тем более, что методы, предложенные для их разрешения, означали бы для русской революции войну против союзников или, по крайней мере, угрозу блокады с их стороны, но другие вопросы казались едва ли не еще более важными. Пятаков страстно желал войны с Радой, и я предположил, что он стоит во главе той группы внутри Совнаркома, которая настаивает на более энергичных мерах и на взятии Киева красногвардейцами. До тех пор народные комиссары еще воздерживались от этого шага, отчасти потому, что самые сильные формирования красногвардейцев и матросов пришлось бросить против Каледина и Корнилова, отчасти же потому, что комиссариат по иностранным делам в своих выступлениях по радио всего лишь несколько недель тому назад прокламировал, в частности, самоопределение наций, что было воспринято за пределами России как свидетельство полной незаинтересованности Северной России в Украине. Пятаков был, напротив, того мнения, что эта тактика не является правильной и что уже одна эта формула может побудить русскую революцию пассивно наблюдать за тем, как на Украине, под прикрытием мелкобуржуазной Рады, устанавливается диктатура помещиков и прусских генералов. Тем не менее решение выступить против Рады с помощью военных средств, — хотя оно и явилось бы естественным ответом на предательское ее вступление в мирные переговоры с немцами за спиной у Советов, — не облегчило бы осуществление задачи, поставленной перед Троцким в Брест-Литовске, и означало бы для него необходимость открытого выступления против прусских генералов. Ибо эти последние могли бы использовать в своих интересах лозунг самих же Советов о праве народов на самоопределение, чтобы установить на Украине такую классовую диктатуру, которая отвечала бы их милитаристским планам.

Русская революция в связи с украинским вопросом стояла перед чрезвычайно тяжелой проблемой. И каждая грядущая пролетарская революция будет, вероятно, находиться в таком же положении, если она не дополнит лозунг «самоопределение народов» своего рода определением той позиции, какую она займет по отношению к таким соседним народам или областям, где произошла лишь запоздалая буржуазная револю-

---

³⁰ Г.Д. Пятаков (1890–1937) — с декабря 1917 г. по март 1918 г. главный комиссар Государственного банка.

Георгий Леонидович
Пятаков

ция, которая противопоставила пролетарской диктатуре враждебные ей мелкобуржуазные элементы. Тогда она должна либо признать право этих элементов на самоопределение в их понимании этого слова, либо же она должна насильственно вмешаться извне, чтобы прийти на помощь своим классовым союзникам в борьбе за социальное самоопределение. К несчастью, русские Советы попытались избрать этот последний путь, не задумавшись о том, созрело ли международное положение для такого серьезного шага по отношению к Украине.

9 января (27 декабря) мы получили первые известия из Брест-Литовска о ходе мирных переговоров. Советская делегация прибыла 7 января (25 декабря). Немецкие дипломаты и генералы все приготовили для пышного и торжественного приема русских. Было ясно, что они рассчитывают на то, что советские представители удовлетворятся формальным признанием программы мира без аннексий и контрибуций и формулы самоопределения и подпишут договор, который означал бы отречение от этих принципов и распространение немецкого контроля на все западные территории России от Ревеля до Одессы. Этому отречению хотели придать более приемлемый вид при помощи чрезмерного гостеприимства. Эти планы не остались, конечно, незамеченными Троцким, который тотчас же запретил всем членам делегации принимать какие-либо знаки гостеприимства от представителей Центральных держав. Русские оставались в отведенных для них комнатах и отказывались даже обедать вместе с немцами и австрийцами. Среди последних поначалу царил атмосфера совершенно очевидных разногласий. Генерал Гофман был ставленником Людендорфа и стремился к тому, чтобы полностью осуществить военные

планы немецкого Генерального штаба, т.е. добиться линии Ревель—Одесса и всего другого, чего можно было добиться, поощряя стремления к независимости республик области Дона, Северного Кавказа и Центральной Азии, которые потом подпадут под немецкое влияние. Человек, который привык говорить только языком двора-казармы в Потсдаме, не захотел ничего и слышать о каких-либо разумных соображениях, которые должны были бы удержать его от погони за осуществлением честолюбивых планов на Востоке до тех пор, пока страны Антанты не разбиты на Западе, либо с ними не справились каким-нибудь иным способом. Связанная с таким курсом опасность не ускользнула, однако, от взора немецкого дипломата Кюльмана, который, как представитель так называемого реально-политического направления берлинского Министерства иностранных дел, был согласен с тем, чтобы область, которую оккупируют немцы, существенно не выходила за рамки тогдашней немецкой оккупационной зоны. Он стоял за то, чтобы подождать дальнейшего развития событий на Западе, прежде чем большевикам приставят нож к горлу. Впрочем, там был еще граф Чернин, австрийский дипломат. С первого же дня этот Меттерних нового издания делал вид, что является демократом и дилетантом, стремящимся что-то выколотить для своих Габсбургов из спора между тремя лагерями — Троцким, Гофманом и Кюльманом. Как обнаружилось позднее, он не имел возражений против линии Ревель—Одесса и планов немецкого Генерального штаба в прибалтийских провинциях в случае, если в Польше, под флагом самоопределения наций, появится габсбургский эрцгерцог; не возражал он и против хозяйничанья Украинской Рады в Киеве при условии, если она обяжется снабдить зерном голодающие австрийские города.

9 января (27 декабря) представители Центральных держав договорились потребовать от Троцкого заявления о том, какова его позиция по отношению к той интерпретации фразы о самоопределении, какую дал генерал Гофман в ходе предшествующей встречи в Бресте. Имели в виду побудить советских делегатов согласиться с той точкой зрения, что Польша и оккупированные немецкими войсками части прибалтийских провинций уже согласились на ту или иную форму связи с Центральными державами. Если бы советские делегаты приняли такое толкование принципа самоопределения, то они должны были бы в тот же момент отказаться от борьбы с прусскими генералами. Это подвергло бы их опасности выступить перед глазами рабочих масс и социалистов стран Антанты в роли пособников немецких империалистов. Отклонив же это толкование, они должны были бы позаботиться

о необходимых материальных силах, при помощи которых пролетарские элементы окраинных государств получили бы возможность решить свою судьбу в противоположном смысле. Троцкий ответил, что Центральные державы сделали попытку решить судьбу прибалтийских государств и Польши, не спрашивая при этом сами народы этих стран. После этого делегаты Центральных держав предложили обратиться к властям, которые уже образовались в этих областях, с предложением своих делегатов в Брест. Троцкий с этим согласился и тем самым сделал первую ошибку во внешней политике русской революции. Не зная этого, он передал судьбу революции в этих странах марионеточным правительствам, которые были назначены немецкими военными властями в оккупированных областях. Впрочем, он быстро исправил свою ошибку, опубликовав на следующий день, 12 января (30 декабря), заявление, в котором содержались следующие строки: «Русское правительство считает своей задачей гарантировать оккупированным областям возможность свободного самостоятельного решения внутреннего социального вопроса и определения своей позиции в делах международных»³¹. Но тем самым он дал козырь на несколько часов в руки прусских генералов, и они быстро воспользовались этим.

Дилемма, с которой столкнулась, таким образом, революция, заставила Советы прибегнуть к крайним средствам. В приемных Смольного в эти дни можно было услышать повсюду мнение, что при всех условиях на Украине должно быть образовано советское правительство, так как, во всяком случае, на нее Центральные державы не распространили пока своей оккупации. *Beati possidentes*³² — таков был теперь пароль. Все предполагали, что приближающиеся со стороны Харькова красногвардейцы обеспечат пролетарскую форму самоопределения на Украине, благодаря чему будет расчищен путь для такого же решения в прибалтийских провинциях. И это чувство было так сильно среди членов делегации ЦИКА, что СНК был очевидно близок к тому, чтобы пойти на энергичные действия на Украине, что было бы ответом на попытку Центральных держав обеспечить победу своей интерпретации лозунга самоопределения в прибалтийских провинциях. Но прусские генералы чувствовали себя теперь достаточно сильными, чтобы решительно отвергнуть любую попытку Советов вступить на Украину. Кроме того, они знали, что Сове-

³¹ Livre rouge. Recueil de documents diplomatiques relatives aux relations entre la Russie et la Pologne. Kommissariat für Auswärtige Angelegenheiten. Moskau, 1920, p. 9–10. (Прим. авт.)

³² Счастливы владеющие; хорошо хозяевам положения (лат.).

ты, у которых не было достаточных военных сил, не могли решиться на возобновление войны с Центральными державами ради интерпретации формулы самоопределения. Они также знали, что смогут представить украинским крестьянам Раду как провозвестницу мира, а Советы — как поджигателей войны. Троцкий пытался сесть сразу на двух коней. Следствием этого было то, что он оказался между двух стульев.

В Петрограде делегаты красногвардейцев и матросов Балтийского флота после некоторого нажима получили разрешение на военное продвижение вглубь Украины. В течение всех этих дней красногвардейские отряды возникали и маршировали к Смольному, где получали указания. Но было достаточно одного взгляда на них, чтобы увидеть, что, хотя они и могли разбить Каледина и Корнилова на Дону, а также других контрреволюционных вождей нерегулярных войск, их борьба против дисциплинированных немецких армий или против военных соединений, какие были бы созданы последними на Украине и в прибалтийских провинциях, была бы бесперспективной. К этому нужно добавить, что красногвардейские части по своему составу оставляли тогда желать много лучшего. Правда, среди них были дисциплинированные и классово-сознательные элементы, которые рекрутировались главным образом из матросов Балтийского флота и рабочих петроградских фабрик. Но эти последние находились по большей части на Донском фронте, а Красная гвардия, которую можно было бы использовать в запланированном походе на Украину, состояла из весьма пестрой солдатской массы. Сюда постепенно просачивались остатки старой армии. Солдаты, чья родина находилась далеко на востоке и которые привыкли к паразитическому образу жизни за счет гражданского населения в тылу старого фронта, были готовы к любой авантюре. Они быстро превращались в гвардию преторианцев и, начиная с этого времени, выступали на сцене в роли освободителей украинского народа, держась в то же время по отношению к Украине безучастно и равнодушно, как это в действительности и было. Если учесть нехватку продовольствия и его планомерного распределения, будет неудивительно, что они вскоре начали в различных пунктах на своем пути грабить и тем самым дали немецкому Генеральному штабу еще один повод вмешаться в события на Украине и отстоять там свое собственное толкование самоопределения. Многие бойцы красногвардейских частей отказывались признавать какую-либо центральную власть и рассматривали ЦИК Советов как опасное явление, от которого исходил дух авторитета и которое, может быть, когда-нибудь будет использовано в интересах контрреволюции. Эти боевые части из-

брали своими вожакими по большей части анархистов и левозэсеровских интеллигентов с синдикалистскими склонностями. Последние вообще уклонялись от того, чтобы признавать Военно-революционный комитет в Петрограде, который старался навести некоторый порядок при осуществлении кампаний против Каледина, Корнилова и Рады. Для начальников анархистско-синдикалистских нерегулярных формирований части, стихийно возникшие на базе предприятия или на какой-либо другой случайной основе, означали ту высшую инстанцию власти, которую готова была терпеть революция. Таковы были основополагающие представления, господствовавшие среди этих первых красногвардейских частей, составлявших такой важный фактор в военной истории тех времен. Последних можно было бы, пожалуй, сравнить с санкюлотами и с теми тайными вооруженными группами, которые главенствовали в некоторых парижских секциях в 1793 г. Они были характерными для переходящей фазы русской революции. Но до тех пор, пока они существовали, они служили для тех, кто делал попытку организовать вырывающиеся из глубины народные силы России, — немалым источником раздражения. И для Троцкого, и без того находившегося в неравной борьбе с прусскими генералами, задача становилась еще более трудной в результате плохо подготовленного похода красногвардейцев на Украину.

12 января (30 декабря) генерал Гофман ударил бронированным кулаком по столу. Переговоры умышленно затянуты русскими, которые хотели выиграть время, сказал он. Необходимо показать им, что победителями в этой войне являются не они, а Центральные державы. Переговоры должны быть закончены в определенный срок. Далее, тот способ толкования слова «самоопределение», который был предложен Центральными державами, должен быть принят русскими, в противном случае перемирие автоматически потеряет силу. Действие этой речи на настроение советских кругов было очень угнетающим. Группы, шедшие в Смольном за большевиками и левыми эсерами, стояли за усиленную пропаганду среди немецких солдат на фронте, чтобы таким образом парировать предстоящий удар, направленный против революции. На следующий день после речи Гофмана радиостанция, расположенная в Царском Селе, обратилась с призывом к рабочим всего мира, с просьбой прийти на помощь республике русских рабочих и крестьян в час бедствия. Были напечатаны воззвания на немецком языке и отправлены на фронт, где они распространялись в германских окопах. В Наркомате иностранных дел был организован отдел пропаганды, который издавал предназначенную для немецких солдат газету под заглавием «Die Fackel» («Факел»). По-

всюду царили возбуждение и взволнованная озабоченность. Но русские делегаты в Брест-Литовске иначе смотрели на эти действия Петрограда, служившие началом большого пропагандистского похода. Они ясно видели, что пропаганда в рядах немецкой армии и обращения по радио к немецким рабочим с призывом восстать в тылу у армии легко могли стать обоюдоострым оружием. Прусские генералы были, правда, задеты этим в их самом чувствительном месте, и если бы соответствующий отклик удалось вызвать, то русская революция была бы спасена. Если бы, однако, ответа не пришло, или если — что было бы еще хуже — в Германии началось революционное движение, которое было бы тотчас же подавлено, то прусские генералы, увидев, что им нечего бояться, нанесли бы революции смертельный удар. Сознавая эту опасность, русские делегаты в Брест-Литовске телеграфировали в Петроград, что нужно быть осторожнее с пропагандистскими действиями до тех пор, пока не поступят более точные сведения о настроениях, царящих среди масс в Германии и в немецкой армии.

Спустя два дня после речи генерала Гофмана поступили, однако, известия, которые настроили русских делегатов немного увереннее. Из Австрии доносился подземный гул; в главных городах там обнаружилась серьезная нехватка продовольствия. Истинной причиной все более враждебной позиции, какую занимал граф Чернин по отношению к прусской военной партии, являлось, в действительности, положение в самой Австрии. Опасность революционных беспорядков в австрийских городах побуждала графа Чернина не возвращаться из Брест-Литовска домой без мирного договора и перспектив на улучшение снабжения продовольствием. Открытые и замаскированные аннексии в прибалтийских провинциях, сулившие честь и славу немецкому Генеральному штабу, теперь обладали в его глазах еще меньшей притягательной силой, чем раньше. Поэтому 13 января (31 декабря) он предложил, чтобы немцы сократили численность своих войск в оккупированных областях, допустили народное голосование с гарантией свободы голосования, а после войны полностью освободили эти области. Это предложение, думал он, умиротворит русских, даст Гофману необходимые стратегические гарантии на Востоке, гарантирует Габсбургам шансы на приобретение Польши в результате всенародного голосования и, наконец, откроет доступ к житнице зерна — Украине. Этот хитрый план натолкнулся, однако, у всех участников переговоров в Бресте на холодный прием. Советы ничего не хотели и слышать об этом, потому что не доверяли каким-либо «гарантиям» всенародного голосования, которого мог бы достичь граф Чернин.

Прусские генералы отвергли его планы, так как их принятие означало бы отказ от линии Ревель—Одесса и от перспективы имеющих возникнуть еще восточнее «независимых» республик. Делегаты Украинской Рады отклоняли плана Чернина, ибо на оккупированной территории, а именно в Холмской губернии и в частях Брест-Литовского округа имелись определенные зоны, на которые они претендовали, ввиду чего они не хотели разрешать ни прусакам, ни австрийцам, ни русским участвовать в «самоопределении» этих областей. Бедное «самоопределение народов»! Его имя подобно призраку появлялось за столом, накрытым для участников Брест-Литовской конференции. Точнее сказать, не имелось, конечно, народов, которые могли бы использовать право на самоопределение, а только классы внутри национальных территорий, из которых каждый в отдельности выступал с претензией говорить от имени наций.

Я не забуду вечер 17-го (4-го) в Петрограде. Уже в течение нескольких дней мы находились в напряженном ожидании какого-либо, хотя бы слабого отклика на обращения русской революции. Наконец пришло известие, что в Австро-Венгрии разразилось широкое стачечное движение, рабочие Вены и Будапешта требуют хлеба и мира. Волна неописуемого энтузиазма охватила трудящиеся классы в городе. Темой всех разговоров в Петроградском совете только и было это известие. «Наконец-то мы оказались правы, — услышал я, — нашим делегатам в Бресте не нужно было быть такими малодушными. Наши радиопослания услышаны в Австрии. Может быть, их услышат и в Германии». И действительно, начинали уже появляться слабые признаки мятежа даже среди немецких солдат. Члены советской делегации в Бресте не раз слышали в эти дни, как немецкие солдаты пели «Интернационал» и получали тайные выражения одобрения со стороны уставших от войны «людей в серых шинелях». Нет! Гофман должен получить ответ на свой ультиматум. Для русской революции и для ее толкования понятия «самоопределения» еще была надежда.

В странах Антанты героическая борьба русской революции также возбудила широчайшие симпатии. Паутина лжи, которую свили официальные информационные бюро и синдикаты прессы в Англии и Франции вокруг деятельности Советов, была не в состоянии завуалировать тот факт, что русская революция подняла перчатку, брошенную ей прусскими полководцами. Не боясь запугивания, она выступила против них, не опираясь ни на что другое, кроме самого мощного оружия — моральную силу идеи. Этому неудобному факту должны были посмотреть в глаза правительства, а также общественное мнение стран Антанты. Одна часть

английской прессы упрямо держалась своей первоначальной позиции. Она не хотела или просто не могла понять истинного значения борьбы русской революции. Другая группа пыталась использовать в интересах союзников это духовное восстание против прусских полководцев на Востоке. В этих кругах делали ясные намеки на то, что Россия же рано или поздно вернется к союзникам и не будет больше раздражать их в связи с тайными договорами. Единственной английской ежедневной газетой, которая в те дни правильно оценивала события того времени, была «Манчестер гардиан». Она писала 15 (2) января: «Мы не можем закрывать глаза на тот упрямый факт, что в животрепещущем вопросе о насильственных аннексиях большевики, что бы о них в общем-то ни думали, заняли столь же смелую, сколь и правильную позицию, и при этом боролись не только за свое, но и за наше дело. То, что они это сделали и, по всей видимости, готовы приложить все усилия для осуществления этого большого принципиального вопроса, — это явилось для нашего правительства не менее неожиданным, чем для германского правительства. Для Германии это явилось, впрочем, в высшей степени нежелательной и тягостной неожиданностью; для нас, напротив, в такой же степени утешительной новостью, даже и в том случае, если, как думают большевики, — и чему мы решительно отказываемся верить, — справедливо то предположение, что наше правительство в глубине души мечтает о том, чтобы русские усилия потерпели крах».

Но и эти слова были лишь «парой жалких ломтей хлеба в мешке» в числе тех взглядов, которые высказывались органами печати, формировавшими общественное мнение в Англии.

Глава 14. Первые попытки восстановления страны и Учредительное собрание

В то время, как на международной арене разыгрывались эти захватывающие дух события, а Давиду русской революции пришлось выдержать первую схватку с Голиафом прусского милитаризма и совершить при этом первые свои ошибки, — в это время все, кто, подобно мне, находился в Петрограде, почувствовали на собственной шкуре те неприятности и трудности, какие составляют неизбежные сопутствующие признаки социального преобразования. Правда, по внешности общий облик города претерпел мало изменений. Уличное движение на Невском было таким же оживленным, как и прежде. Буржуазию легко можно было узнать по

ее хорошей одежде, дорогим шубам. Длинные очереди солдат, которые ждали своей демобилизации, стояли у табачных киосков, чтобы купить дешевый табак с юга. Кинотеатры были полны. Более зажиточная часть населения шла в театр, и Шаляпин пел каждый вечер перед залом, густо набитым буржуазией. В этот период революции диктатура пролетариата как бы не выступала наружу. На углах улиц мальчишки и женщины-газетчики продавали кадетские и другие буржуазные газеты, которые приводили надерганые отовсюду «доказательства» непригодности Советов и предсказывали скорое падение Смольного. Довольно часто было трудно достать официальные советские газеты и органы большевиков и левых эсеров, так как мальчишкам, продававшим газеты, буржуазные редакции платили за то, чтобы они продавали только их собственные газеты, а от распространения газет Советов отказывались. В ответ на нападки кадетских публицистов Советы время от времени штрафовали редактора газеты за особо оскорбительную статью и посылали нескольких красногвардейцев для взыскания штрафа. Денежный штраф уплачивать было легко, а оскорбительные статьи появлялись на следующий день опять. Ведь в бумажных рублях не было недостатка. За издателями газет стояли частные банки, и Смольный не осмеливался наложить руку на святую святых буржуазного мира.

Государственных чиновников, а также служащих общественных учреждений побудили отказаться работать. Отчасти это было достигнуто с помощью денег Комитета защиты родины и свободы, отчасти же благодаря подлинной монополии, которой обладали частные банки по отношению к прессе и другим каналам воздействия на общественное мнение. Весь аппарат по контролю за снабжением населения продовольствием перестал функционировать. Поезда с продовольствием приходили и разгружались, но не было руководителей, призванных наладить распределение этого продовольствия. Норма выдачи продовольствия, которую я получал, день ото дня уменьшалась. Сначала я получал на день $\frac{1}{2}$ фунта хлеба, потом — только $\frac{1}{3}$, затем $\frac{1}{4}$ и, наконец — $\frac{1}{8}$. Норма выдачи сахара уменьшилась до $\frac{1}{2}$ фунта в месяц, а порция масла — до крошечного комочка размером в полкроны. Мне пришлось бегать повсюду в поисках продовольствия, искать на базарах копченую рыбу или прислушиваться к рассказам о том, что кто-то привез из деревни мешок зерна, чтобы распродать его из-под полы. Я стал замечать, что значительная часть дня уходила на то, чтобы добыть самые необходимые предметы повседневного обихода. Продукты, полученные по карточке, и все другие покупки я строго распределял на весь предстоящий день, чтобы быть уверенным,

что я не съем их раньше времени. Я начал думать о пище, мечтать о ней и, в конце концов, стал рассматривать всю политику с точки зрения ее воздействия на продовольственное снабжение. Если бы только дело завершилось заключением мира и демобилизацией армии, — таков был обычный ход моих мыслей, — то красногвардейцы сумели бы прикрыть путь на Украину от угрозы со стороны казаков Каледина и нерегулярных частей Корнилова, и тогда нужде нас, находящихся на Севере, пришел бы конец. Так я в весьма практической форме начал убеждаться в правильности марксистской теории о том, что политическая психология и представления о путях к улучшению судеб людей коренятся в материальных условиях.

Посещения рабочего квартала на Васильевском острове показали мне, что Советы едва лишь начинали ощутимо использовать свое влияние в качестве созидающего фактора. Рабочий контроль над производством существовал, по сути дела, только в бумажных декретах Смольного. В действительности машиностроительные заводы в возрастающем количестве прекращали производство, потому что технический персонал нигде не хотел сотрудничать с рабочими. Частные банки из финансовых соображений побуждали инженеров и техников бастовать, чтобы таким образом выбросить рабочих на улицу. Для целей саботажа деньги были, но для выдачи зарплаты рабочим их не оказывалось. Смольный осуществлял весьма недостаточный контроль над распределением продовольствия и ни в коем случае не мог гарантировать рабочим с помощью системы распределения необходимые средства существования. Не могло быть сомнения в том, что коалиции большевиков и левых эсеров в Совете еще не удалось сломить саботаж интеллигенции. Стали необходимы более сильные средства.

Капиталистическое государство со всем своим аппаратом угнетения трудящихся классов энергично продолжало творить свое дело, невзирая на весь грохот, доносившийся из Смольного. Пока этот аппарат не был разбит и на его место не был поставлен другой, не могло быть и речи об осуществлении диктатуры пролетариата. Особые обстоятельства, сложившиеся в России, делали эту задачу особенно болезненной. Большой процент технического персонала крупных предприятий составляли либо иностранцы, либо русские, состоящие на службе иностранных финансовых синдикатов. Здесь также не имелось сколько-нибудь значительного среднего сословия или пролетариата «со стоячим воротником», как в капиталистических государствах Запада. Вот чем объяснялось, что небольшие группы русских интеллигентов имели возможность в известной

степени диктовать новым властителям в Смольном. Народные комиссары пытались добиться в этой области независимости, образуя из своих людей технические штабы по руководству производством, и в течение всего декабря и января лихорадочно по всей советской территории, находившейся под их контролем, инженеров, банковских служащих, руководителей производства всех видов. Постепенно последние поступали на работу и изъявляли готовность работать на Советы. Но они приходили медленно, не в достаточном количестве.

С самого начала было ясно, что главной опорой саботажников были частные банки. Последние изъяли, «спасли» накануне большевистского государственного переворота значительные фонды из Государственного банка. Теперь они были фонтанами, из которых текли потоки золотых и бумажных денег в карманы саботажников. У них находились акции, которые продавали природные богатства России финансовым капиталистам стран Антанты. Если бы Советы не решились перерезать тот канал, с помощью которого саботажники получали средства, если бы они упустили из виду перерубить тот узел связи, который соединял интеллигенцию страны с международным финансовым капиталом, тогда они действительно погибли бы и пролетарская революция в Северной России оказалась бы лишь преждевременным экспериментом, воспоминания о котором сохранились бы в памяти участников движений последующей поры. Но рабочие Петрограда и Москвы по соглашению с местными Советами решили нанести удар контрреволюции в ее самом уязвимом пункте.

13 декабря (30 ноября) я присутствовал на заседании ЦИКа Советов. СНК поставил на обсуждение декрет, который предусматривал национализацию частных банков и аннулирование Россией иностранных займов. Никогда до этого советские представители не ощущали себя поставленными перед таким трудным решением, как теперь. Никогда еще до этого им не приходилось сталкиваться с проблемой, имея столь недостаточное представление о важности, которую будет иметь решение ее для хода революции. Незадолго до заседания я встретил Пятакова, председателя Государственного банка. Он был убежден в том, что оба декрета будут почти без обсуждения приняты и, таким образом, останется время, чтобы обратиться к более важному, по его мнению, вопросу, а именно — об укреплении красногвардейских вооруженных сил для похода на Украину. Я спросил его, не думает ли он, что революция подвергает себя тяжелой опасности, восстанавливая против себя финансистов стран Антанты путем аннулирования государственных займов и притом делая это

в самый критический момент переговоров с Центральными державами в Брест-Литовске. Имеются, сказал он, некоторые члены СНК, которые придерживаются той точки зрения, что было бы разумнее оттянуть аннулирование займов до тех пор, пока положение в Брест-Литовске не прояснится, и тогда дать миру знать, что Россия временно прекращает выплату процентов по своему долгу, и сослаться при этом попросту на то, что нет денежных средств для оплаты. Общая точка зрения свелась, однако, сказал он, к тому, что аннулирование долга явится лучшим ответом на нежелание союзников принять участие во всеобщих мирных переговорах и даст им понять, что русская революция не позволит с собой шутить.

«А что, если Антанга установит блокаду России и вступит в открытую войну с революцией, может быть даже по соглашению с Центральными державами?» — спросил я. «Во-первых, соперничество между империалистами Централных держав и союзников слишком велико, чтобы они могли объединиться в общей политике против русской революции, и, во-вторых, я, например, только приветствовал бы попытку правительств Антанты раздавить нас силой, так как это было бы лучшим средством обострить классовую борьбу в Западной Европе», — ответил Пятаков. Заседание началось и, как Пятаков предсказывал, декрет об аннулировании государственного долга был принят почти без обсуждения. Я, как наблюдатель, спросил себя: имели ли эти простые солдаты и рабочие, когда они поднимали руки в знак своего одобрения проекта, представление о том, что этим своим движением они вызовут вихрь, который пронесется от Ломбард-стрита, Уолл-стрита и Парижской биржи по всей Русской равнине и принесет с собой смерть, разрушение и уничтожение. Ибо они затронули этим голосованием самый священный принцип капиталистического общества — право владельцев «клочков бумаги», сидящих где-нибудь на Парк-Лейн или Бэльгрев-Сквер³³, взимать материальную мзду с населения экономически отсталых стран. Довольно странным мне показалось, что декрет о национализации русских частных банков вызвал довольно значительные возражения. Авилов³⁴, делегат интернационалистов-объединенцев, утверждал, что весь этот шаг является ненужным, так как частные банки в короткое время так или иначе обанкротятся, как только они истратят суммы, которые они извлекли накануне революции из Государственного банка. Зачем же тогда этот шум? Зачем говорить о

³³ Улицы богатых кварталов Лондона.

³⁴ Б.В. Авилов (1874–1938) — в апреле 1917 г. вышел из РСДРП(б), социал-демократ-интернационалист.

Борис Васильевич
Авилов

том, чтобы занять частные банки войсками? Зачем эта национализация при помощи красногвардейцев? Возражения Авилова остались, действительно, большей частью без ответа, потому что все в общем предполагали, что частные банки все равно рано или поздно сложат оружие перед Государственным банком, который уже работал под руководством советских комиссаров и скоро будет иметь возможность потребовать возвращения от частных банков данных им займы денег. Но, с другой стороны, можно было опасаться того, что иностранные миссии тем временем придут на помощь частным банкам и смогут продлить их существование. Было опасно становиться на путь, сохраняющий возможность такого оборота дел, и точка зрения Совнаркома, таким образом, возобладала, и декрет был принят в неизменной форме.

Уже на следующий день петроградские и московские филиалы частных банков были заняты красногвардейцами, и охрана каждого была поручена комиссару с тем, чтобы не было утечки фондов, которая позволила бы их запрятать. Это мероприятие положило, однако, только отчасти конец саботажу интеллигенции. Союз банковских служащих получил заранее значительный аванс, ибо возможность такого шага со стороны Советов предусматривалась. Он потребовал от своих членов принять участие в забастовке. Было невозможно найти достаточное количество квалифицированных бухгалтеров, чтобы банки могли быть открыты, и, таким образом, частные банки во второй половине декабря и первые две недели января оставались закрытыми. Тот, кто, подобно мне, жил на средства, переведенные одному из банков из-за границы, находился в крайне неприятном положении. Единственный путь, чтобы

избежать голодной смерти, заключался до того времени в том, чтобы дополнять недостаточный по размерам паек Комиссариата продовольствия при помощи покупок, сделанных на Александровском базаре и на набережных. Но цены в свободной торговле постоянно росли, а деньги, находившиеся на текущем счету в банке, нельзя было получить, потому что не было обученных кадров для ведения банковских дел. Мне пришлось строжайшим образом распределить деньги, которые у меня были, ограничить мои ежедневные расходы на питание и другие потребности десятью рублями. Я изучал меню вегетарианских столовых, куда имел обыкновение ходить, чтобы выискать себе самое дешевое блюдо. Я ел купленные на улице копченые селедки с чешуей, чтобы заглушить свой голод при минимуме расходов. Как большую роскошь, я разрешал себе иногда кусочек шоколада. В такие условия были поставлены в Петрограде все люди моего положения, в результате борьбы между Советами и финансовыми агентами заграницы. Только в конце января перспектива для нас стала немного благоприятнее. Источники, которые питали фонд саботажников, начали иссякать, и сопротивление объединения банковских служащих — ослабевать. Банки вновь открылись, и владельцам текущих счетов было разрешено еженедельно снимать со счета определенную сумму. Ибо согласно декретам Смольного заработок работников умственного труда был в точности приравнен к зарплате работников физического труда, а с теми, кто жил на счет заграничных векселей, обошлись точно так же. Это произошло в критический момент разгрома капиталистической государственной машины. В качестве принципа важнейшего значения рассматривалась задача низвести чиновников исполнительного аппарата капиталистического государства (бюрократию) на уровень, равный уровню жизни остальных рабочих. Ведь если бы удалось отменить привилегии этого класса, то удалось бы достигнуть управления общественными учреждениями строго в интересах трудящихся классов. Эта мера Советов по отношению к частным банкам действительно сломала открытый саботаж технического штаба чиновничества. Иностранные представительства также были не в состоянии продолжать свою обструкцию. Работники физического труда получали заработную плату, а источниками этих средств явились доходы тех, кто ранее пришел на помощь деньгами войскам Корнилова и нерегулярным войскам Каледина на Дону, предназначенным для войны с Советами Севера. Советы одержали первую победу над силами, которые надеялись занести зерно анархии в новую пролетарскую экономическую систему.

Следующая проблема, разрешение которой было еще труднее, состояла в том, чтобы согласовать деятельность промышленных Советов, фабричных и заводских комитетов, на которые декрет от 16 ноября возложил контроль над производством. Можно без преувеличения сказать, что в течение ноября, декабря и большей части января в промышленности Северной России господствовало положение, близкое к анархии, которое не изменилось и после ликвидации саботажа со стороны частных банков.

Не было единого хозяйственного плана. Над заводскими комитетами не было какой-либо вышестоящей инстанции, от которой можно было бы получить совет. Они действовали, таким образом, по своей собственной инициативе и старались решить такие проблемы производства товаров и распределения, которые казались в данный момент или в ближайшем будущем самыми срочными. Пока продавали машины, чтобы закупить сырье. Предприятия стали похожими на анархистские коммуны. Точно так же, как в этот период революции организация красногвардейцев выразилась в нерегулярных соединениях, так и в хозяйственной области теперь начали развиваться анархо-синдикалистские тенденции.

Это явление повергло в немалое смущение марксистов, находившихся в Советах, и прежде всего большевиков, которые считали, что вся революция окажется в опасности, если этим стихийным тенденциям, как бы неизбежны они ни были в период разложения капитализма, будет разрешено беспрепятственно проявляться в условиях, когда вся жизнь народа зависит от совместных усилий, направленных к общей цели. Ибо нетрудно предвидеть, какой беспорядок возник бы, если бы по всей стране фабзавкомы начали реквизировать, скажем, товарные вагоны в железнодорожных парках или предпринимать банковские операции по собственному усмотрению. Хотя большевики рассматривали преобразование общества в коммуну для всех как конечную цель пролетарской революции, они также считали нужным в этот период революции помешать маленьким группам людей внутри общества действовать независимо от всего остального общества. Пролетариат, говорили они, должен создать свой собственный аппарат, который объединил бы деятельность экономических синдикатов, а именно экономические Советы. До тех пор, пока капитализм хотя и свергнут, но еще не преодолен, наиболее важно держать в своих руках экономический «нервный центр» пролетарского воздействия.

К задаче создать этот новый аппарат и обратились народные комиссары. В один из первых январских дней я присутствовал на первом заседании учреждения, которое носило внушающее уважение название

«Высшего Совета Народного Хозяйства». В большом каменном здании на Тучковой набережной, в холодном полупустом помещении, собралось примерно 20 человек вокруг стола в меховых шубах, так как было не топлено и на улице дул морозный ветер. Там было пять представителей Всероссийского совета профсоюзов, пять представителей Союза заводских комитетов северных губерний, член рабочего кооперативного товарищества, несколько специалистов железнодорожного дела и крупных машиностроительных заводов, не участвующих в саботаже, и некоторое количество большевистских и левоэсеровских комиссаров из отделов продовольствия и транспорта — таким образом, очень пестрое общество. Рабочие Союза заводских комитетов были явным образом в растерянности и ждали, пока кто-нибудь другой возьмет инициативу в свои руки. К специалистам относились подозрительно, потому что они, казалось, были настроены скептически в отношении успеха этого большого экономического эксперимента. Движущая сила исходила всецело и единственно от большевистских комиссаров, среди которых выделялся Осинский. Последний начал излагать в своей речи причины, по которым народные комиссары созвали эту конференцию, надеясь превратить ее в постоянно действующее учреждение. Декрет о рабочем контроле, который был принят III съездом Советов 16 ноября, был найден недостаточным. Этот декрет принимал за основу тот принцип, что отдельные фабричные комитеты в каждом районе вместе с местными секциями профсоюзов, местными политическими Советами рабочих и крестьянских депутатов, местными рабочими кооперативными товариществами и союзами технического персонала будут отвечать за распределение сырья и произведенной продукции предприятия, а также осуществлять контроль за деятельностью владельцев еще не национализированных отраслей производства. Это был, конечно, только первый необходимый шаг, чтобы сломить монопольную власть капиталистов и контролируемой ими государственной машины. Вторым шагом была национализация банков, при помощи которой удалось сломить открытый саботаж интеллигенции. Но теперь на горизонте показалась новая опасность — опасность провинциализма, местничества внутри пролетарских рядов. Было необходимо согласовать между собой деятельность отдельных местных Советов. Путь к этому был определен декретом народных комиссаров от 5 (18) декабря, утвержденным ЦИКом. В силу этого декрета и сидели в тот вечер вместе названные мною люди, чтобы призвать все силы пролетариата, участвующие в производстве и распределении продуктов, к совместному приложению сил. Было внесено предложение

установить контакт между всеми теми организациями, которые принимали участие в проведении в жизнь декрета о рабочем контроле (фабзавкомы, местные профсоюзные секции, рабочие кооперативные товарищества и т.д.), и комиссарами, назначенными высшей политической властью страны, ЦИКом. Настало время для известной централизации внутри хозяйственных органов пролетарской диктатуры, сотрудничества между ними и чисто политическими органами. В ВСНХ надеялись найти организацию, пригодную для выполнения этой задачи. Пока ей предоставлялся совещательный голос, а именно до тех пор, пока революция еще находилась в опасности, в то время как за политическими советами оставалось последнее слово.

Речь Осинского в целом, поскольку она касалась общих принципов, была воспринята одобрительно, однако представители фабзавкомов указали и на имеющиеся трудности. Различные важные организации не были в этот вечер представлены. Союз железнодорожников не явился. Его ЦК находился еще под влиянием меньшевиков. Крупные крестьянские кооперативы, правления которых находились в Москве, были все правозсеровскими и саботировали. Но как можно было осуществить дело строительства без них? Представители технических специалистов указывали на то, что такие организации, как Союз земств и городов, играли важную роль в деле снабжения продовольствием армии при царизме и при Керенском, а также при организации отраслей военной промышленности. Было невозможно без их помощи возродить эти отрасли промышленности и выработать какой-либо конструктивный план. Но руководящие инстанции этого Земгора в полном составе отправились на Дон для оказания помощи Каледину и было высказано предположение, что главная часть их денежного фонда также была израсходована там.

Одной из наиболее бросающихся в глаза черт на этом первом заседании ВСНХ было тесное сотрудничество между представителями фабзавкомов (производственные Советы) и профсоюзов. Судя по обстоятельствам, уже было ясно, что обе эти рабочие организации имели тенденцию слиться воедино и этим устраняли с пути одно из главных препятствий для совместной работы внутри рядов пролетариата. Профсоюзы, которые перед Февральской революцией насчитывали лишь несколько сотен тысяч членов, теперь имели свыше двух миллионов членов, платящих взносы. Они объединялись в группы по целым отраслям промышленности — железнодорожников, водников, рабочих машиностроительной промышленности, рабочих кожевенной и текстильной промышленности и т.д. В России никогда не было целого ряда профессиональных объ-

единений такого типа, как, например, Союз рисовальщиков чертежей или Союз формовщиков; все они являлись лишь секциями соответствующих союзов, охватывавших рабочих целой отрасли промышленности. Не было Союза паровозных машинистов и кочегаров, но все эти группы являлись секциями большого союза «Викжель», который охватывал всех железнодорожников. Развитие профсоюзного движения в России не было вынуждено проделывать мучительный процесс революционирования старых союзов по профессиям при помощи производственных советов и специальных производственных организаций. Так, в начале 1918 г. эти фабзавкомы постепенно оказались в положении местных секций профсоюзов, которые приблизительно соответствовали профсоюзным советам в Англии. Особые условия, которые сделали возможным этот быстрый переход в России, образуют один из тех факторов, которые придают русской революции другой оттенок по сравнению с грядущим социальным движением в Западной Европе. И первое заседание ВСНХ в Петрограде в январе 1918 г. показало, как быстро прошел русский пролетариат через эту организационную стадию.

В конце первого заседания ВСНХ было решено назначить ряд специальных комиссий для каждой отрасли промышленности. Что касается их деятельности в целом, то эти комиссии должны были подчиняться ЦИКу, который обладал правом вето. Так диктатура пролетариата, сломав капиталистическую государственную машину, заложила основы нового государства, в котором не должно было быть бюрократии, касты чиновников, независимой от законодательных органов. Те самые люди, которые издавали декреты, а именно делегаты политических Советов, должны были следить за исполнением этих декретов. Назначенные ими народные комиссариаты должны были соблюдать выполнение этих последних. А ВСНХ стал одним из этих комиссариатов.

***

В последние дни декабря 1917 г. революция находилась перед внутренним кризисом величайшего значения. Этот кризис, который уже длительное время нарастал, разразился в связи с вопросом о судьбе Учредительного собрания. Это действительно был орган, которым могли воспользоваться силы старого порядка, чтобы загниотизировать массы и отвлечь их внимание от дела хозяйственного восстановления, которое предпринимали Советы. Я уже описал обстоятельства, при которых было избрано Учре-

дительное собрание. Этих обстоятельств самих по себе было достаточно, чтобы помешать Учредительному собранию приобрести влияние на наиболее политически организованную и классово сознательную часть пролетарских масс. Но окончательно была потеряна вера в его способность играть роль инструмента революции, на мой взгляд, в виду того обстоятельства, что оно появилось на свет в такое время, когда пролетариат уже нашел и создал собственный орган для выражения своей воли и решимости действовать. До тех пор, пока русское крестьянство и часть промышленного пролетариата еще лелеяла надежду, что парламентская машина демократии может служить делу революции, принести мир, отменить помещичье землевладение и социализировать ключевые отрасли промышленности, пока они находились в плену иллюзий буржуазной идеологии, Учредительное собрание, избранное на территориальной основе, еще удовлетворяло их желания. Но Керенский не созывал Учредительного собрания летом 1917 г., и силы, стоявшие за ним, только тогда допустили проведение выборов, когда массы, преследуя свои политические цели, уже перешли к прямым действиям с помощью своих хозяйственных Советов. Нет сомнения в том, что если бы Учредительное собрание было созвано в течение этого года раньше, оно получило бы престиж, достаточный, чтобы сделать процесс превращения Советов в единственную определяющую силу революции более длительным и тяжелым, чем он оказался. Но даже и в этом случае искусственно полученная путем парламентских выборов летом 1917 г. картина общественного мнения наверняка уже осенью не совпадала бы с требованиями масс. Итак, Учредительному собранию при всех условиях вряд ли было суждено пережить первый период революции.

И так случилось, что в день, когда Учредительное собрание, согласно принятому за несколько недель до того решению, должно было собраться, единственным вопросом, который, как я слышал в коридорах Смольного, обсуждался, был вопрос, можно ли приспособить Учредительное собрание к системе Советов или надо попросту, идя вперед, оставить его позади. Советы уже стали органом масс, которые начали свыкаться с той мыслью, что только избранные на производственной основе организации должны быть рупором революции. Так получилось, что Учредительное собрание, выступая в качестве пережитка предыдущего периода классовой борьбы, должно было либо примениться к новой ориентации, занятой массами, либо же быть полностью устранено. Поэтому на заседании СНК было решено предпринять шаг, подобный тому, какой предприняла Французская революция после изгнания жирондистов, — а именно

вызвать к жизни Конвент левых. В это же время на всей территории Северной, Центральной и Восточной России происходили выборы делегатов на III съезд Советов, который должен был заслушать доклад Троцкого после его возвращения из Брест-Литовска и принять решение о том ответе, какой даст революция на ультиматум Центральных держав. Учредительному собранию предоставлялась возможность присоединиться к этому съезду и образовать Большой Конвент. Само собой понятно, что от Учредительного собрания сначала потребовали принять определенные принципы, основополагающие для конституции русской республики. Народные комиссары внесли поэтому теперь во ВЦИК Советов декрет, названный «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа», чтобы после его принятия последним предъявить его Учредительному собранию как основу для его допуска в новый Конвент, в котором должны были принять участие также делегаты III съезда Советов. В этой декларации говорилось, что конституция русской республики имеет следующий руководящий принцип: высшая власть в стране должна перейти в руки таких производственных объединений, в которых будут представлены исключительно те, которые не эксплуатируют чужой рабочей силы. Так как, говорилось в разделе 4 декрета, Учредительное собрание было избрано на основе избирательных списков, которые были составлены до Октябрьской революции, т.е. до того, как народ поднялся против своих эксплуататоров и в то время, когда массы еще не имели ясного представления о мощи зажиточных классов, и когда создание социалистической формы общества в тот момент еще не считали возможным, Учредительное собрание настоящим признает, что оно не имеет права оказывать сопротивление власти Советов. Поддерживая советскую систему и декреты этого правительства, Учредительное собрание признает, что его задача должна ограничиться содействием в выработке основ социалистической формы общества.

Эта декларация была одобрена ВЦИКом Советов, и теперь необходимо было представить ее Учредительному собранию и призвать его участвовать в III съезде Советов. Само собой разумеется, что партия, которая получила большинство в собрании, правые эсеры, — а с ними и все те элементы, которые стояли за ними и сгруппировались вокруг Комитета защиты родины и свободы, а также все силы, в лице которых иностранный финансовый капитал, посольства и миссии союзников создали себе рупор, — подняли большой крик при этом предложении Советов. Не осталось неиспользованным ни одно средство, чтобы мобилизовать против Смольного колеблющиеся элементы мелкой буржуазии в Пе-

троgrade и Москве. В кадетской прессе, которая тогда еще пользовалась широкой свободой слова, поднялась мощная кампания, и были потрачены огромные суммы для издания печатных материалов, которые выступали за «конституционные и демократические права». Судя по степени нервозности, в которой находились тогда большевики и левые эсеры, казалось, что тот поход будет иметь известный успех. В комиссариатах были приведены в боевую готовность пулеметы, и члены обеих партий были мобилизованы на случай беспорядков, какие могли возникнуть на следующий день. Ибо распространился слух, что Комитет защиты родины и свободы привлек на свою сторону еще не демобилизованные к тому времени части Семеновского полка Петроградского гарнизона. На следующий день я увидел, что доступ на Шпалерную улицу, т.е. ту ее часть, где пролегал путь к Таврическому дворцу, в котором должно было заседать Учредительное собрание, был забаррикадирован красногвардейцами, вооруженными пулеметами. Никто не мог попасть во дворец без пропуска. Атмосфера была так наэлектризована, что, в то время как в кулуарах дворца ждали открытия собрания, все вздрагивали, когда хлопала дверь, ведущая во дворец, ибо думали, что это Семеновский полк начал обстрел Смольного. Но люди в Смольном не были затронуты всеобщей паникой, которая распространилась в городе в связи с этими слухами, и около 10 часов я встретил члена ВЦИКа, который мне сообщил, что Семеновский полк только что послал делегацию к народным комиссарам, чтобы поставить их в известность, что в этих слухах нет ни слова правды и что Советы, принимая решения, могут рассчитывать на его помощь.

Около двух часов собрание было открыто. На правой стороне и в центре сидели правые эсеры, которые вместе с маленькой группой членов кадетской партии составляли большинство. Их представители были по большей части партийными функционерами, которые в свое время сражались и пострадали в борьбе с царизмом. Теперь они сидели там, чтобы попытаться сдержать именно те силы, которые они вызвали к жизни в дни, когда сами еще были охвачены революционным пылом. Когда я взглянул на них, мне пришли на память слова: «Революция пожирает собственных детей». Ибо на левой стороне находились ряды большевиков и левых эсеров, внушительное, сильное меньшинство, которое составляло около 40% всех депутатов. Это были по большей части молодые люди, либо рабочие с фабрик, либо солдаты из Красной гвардии. Среди левых эсеров можно было видеть лица более молодого поколения крестьян и некоторое количество длинноволосых интеллигентов. Не могло быть сомнения в том, что юность и энергия находились на

этой стороне. Конечно, здесь часто выходили за рамки, ибо в ходе дальнейших обсуждений возгласы и топот раздавались по большей части именно из этого угла.

Совершенно вышла из себя левая сторона от охватившего ее воодушевления, когда встал вождь большевиков и предложил в председатели собрания героиню революции Марию Спиридонову. Но правые эсеры претендовали на это почетное место для своего вождя Виктора Чернова, участника Циммервальдской конференции, и теперь игравшего роль связного между Комитетом защиты родины и свободы и Генштабом Духонина в Могилеве. Выполнением этой роли он был сильно скомпрометирован. Он поднялся, чтобы произнести перед собранием умело составленную речь, которая не содержала в себе каких-либо оскорбительных выпадов по адресу Советов, хотя бы в то же время тщательно воздерживался от выражений, которые каким-либо образом могли означать признание Советов. Очевидно, он преследовал тактику, рассчитанную на то, чтобы при всех условиях лишить Советы сильного козыря в вопросе о мире. Учредительное собрание, начал он, должно предложить демократическим партиям немедленно начать мирные переговоры на основе русской революционной программы мира. Но общественное мнение стало уже достаточно критичным, чтобы потребовать доказательства того, что уже проделана какая-то позитивная работа в интересах революции; только это могло служить гарантией для тех дел, какие предстояло совершить в будущем. А в этом отношении речь Чернова была не очень удовлетворительной. Учредительное собрание, продолжал он, должно восстановить единый фронт трудящихся масс России и положить с сегодняшнего дня конец гражданской войне. На что левая часть собрания разразилась возгласами: «В то время, как вы помогаете Каледину?» и «А как обстоят дела в Могилеве?». Нужно отдать землю крестьянам, продолжал он, и избранные демократическим путем земства должны распределить землю и недра в соответствии с местными потребностями. «Мы придем к социализму только медленно и поэтапно, на основе постепенного хозяйственного развития, причем ни один слой населения не должен быть поставлен в невыгодное положение».

Вслед за тем поднялся председатель ВЦИКа Свердлов и громким голосом огласил «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». «Мы призываем вас принять эту декларацию, — сказал он после ее прочтения, — как основу вашего присоединения к предстоящему Конвенту вместе с III съездом Советов. Благодаря этому шагу Учредительное собрание может приложить свои усилия к делу строительства

Иракий Георгиевич
Церетели

социалистической Российской республики. Мы уже предприняли шаги по установлению международного мира между рабочими всех стран, в то время как вы в течение многих месяцев предавали революцию кадетам. Поэтому власть Советов — это единственная власть, к которой пролетариат и крестьянство могут иметь доверие, а Учредительное собрание может послужить революции только тем, что оно признает диктатуру пролетариата и ликвидацию политических прав имущих классов».

После этого поднялся Церетели³⁵, чтобы выступить от имени меньшевиков, чья партия была представлена маленькой кучкой депутатов собрания. Насколько иной была позиция Церетели, когда он возглавлял блок «революционной демократии» на I съезде Советов! И все же в этой последней его публичной речи, какую я слышал, в этой лебединой песне, рассчитанной на оправдание истории последних восьми месяцев, Церетели был таким, как всегда: он говорил продуманно, бесстрастно, с философским спокойствием, взирая, подобно Зевсу с Олимпа, вниз, на конфликты, вспыхивающие между малыми богами. «Учредительное собрание, — сказал он, — возникшее на основе демократических выборов по всей стране, должно было бы представлять собой высшую власть в стране. Но если это так, что же означает предъявленный ему ВЦИКом ультиматум? Подобный ультиматум может означать лишь обострение гражданской войны. Может быть, с его помощью собираются скорее

³⁵ И.Г. Церетели (1881–1959) — один из лидеров меньшевиков, в 1917 г. министр внутренних дел, министр почт и телеграфа Временного правительства, заместитель председателя ВЦИКа.

претворить в жизнь социализм? Напротив, таким путем получают лишь новую поддержку усилия немецких милитаристов, направленные на то, чтобы расколоть революционный фронт. Распуск Учредительного собрания будет служить только интересам буржуазии, относительно которой вы (обращаясь к большевикам) заявляете, что вы ее победили. Только Учредительное собрание может спасти революцию». Этими словами Церетели закончил свою карьеру как один из лидеров русской революции. Начиная с этого времени он вернулся на свою прекрасную кавказскую родину, где как вождь тамошней буржуазной революции нашел задачу, более соответствующую его темпераменту. Незадолго до полуночи фракции большевиков и левых эсеров внесли предложение принять «Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа» в качестве основы русской конституции. Вождь правых эсеров внес, напротив, предложение перейти, минуя эту декларацию, прямо к повестке дня. Собрание должно далее назначить, сказал он, комитеты в целях выработки мирных предложений для союзников и Центральных держав и в целях урегулирования земельного вопроса. Та самая задача, которую Совет уже вынужден был взять в свои руки, была, наконец, принята к рассмотрению Учредительным собранием, но было уже слишком поздно. Большевистская и лево-эсеровская фракции поднялись со своих мест и покинули зал заседаний. Вскоре после этого матрос-комендант Таврического дворца, который с этого дня обессмертил себя в буржуазной печати Западной Европы, провозгласил от имени ВЦИКа, что Учредительное собрание распускается и что только те из представленных в нем партии, которые заявят о своей готовности принять декларацию, смогут принять участие в работе Конвента вместе с делегатами III съезда Советов.

Так закончило свой жизненный путь русское Учредительное собрание. Как метеор появилось оно на горизонте русской революции, — никто не был подготовлен к его появлению и никто, казалось, не жалел о его исчезновении. Вместе с ним исчез последний остаток буржуазной демократии на территории, подвластной Советам. Быстрота, с которой оно исчезло, была показателем роста сил революционных боевых органов, направленных против него.

Его короткая жизнь и его внутренняя слабость были характерны для общего положения России в переходный период. Но предположение, что развитие в Западной Европе будет примерно таким же, обосновать было не легко. Напротив, в странах, где пролетариату противостоит мощная буржуазия с высокоразвитым классовым сознанием, где образовалась рабочая аристократия, воспитанная в духе компромиссов, где мелкобур-

жуазная интеллигенция образует значительный процент населения, — в таких странах учреждения, созданные буржуазной демократией, не так легко устранить в ходе классовой борьбы. Пролетариат западных стран, вероятно, гораздо дольше будет использовать парламенты в качестве революционной платформы, чем это пришлось сделать русским в ходе их короткой буржуазной революции.

Глава 15. Большой Конвент и революционная волна в Европе

Русские Советы видели, как приближается кризис, угрожающий их собственному существованию. Вскоре они должны были принять решение, должны ли они принять брошенную им немецким империализмом перчатку или предпринять попытку добиться для себя передышки путем компромиссов, что подвергало бы их всем тем опасностям, какие несет с собой такая позиция. В большевистской и левоэсеровской прессе на третьей неделе января 1918 г. серьезно обсуждались обе эти возможности. Делегаты, принимавшие участие в мирных переговорах в Бресте, вернулись из Брест-Литовска домой, чтобы принять участие в заседании Большого Конвента или III съезда Советов, который должен был собраться, чтобы заложить конституционные основы республики и сказать свое решающее слово по такому важному вопросу, возбуждавшему споры, как вопрос — война или мир? В их ушах еще звучал ультиматум генерала Гофмана. Им предстояло показать Конвенту международное положение в подлинном свете и побудить его принять решение по вопросу: сепаратный мир или плохой мир?

Конвент был созван, как я уже показал в предыдущей главе, Исполкомом, избранным II съездом Советов. На нем должны были присутствовать не только делегаты губернских рабочих, солдатских и крестьянских Советов, но и избранное на территориальной основе Учредительное собрание в случае, если это последнее согласится с тем принципом, что решающая сила должна находиться в ходе революции в руках созданных на производствах комитетов таких граждан, которые не эксплуатируют рабочей силы других. Широко распространившееся мнение гласит, будто Учредительное собрание попросту было отодвинуто в сторону и ему отказали в любом сотрудничестве со съездом Советов. Этот взгляд не соответствует фактам, что я могу подтвердить, как свидетель тогдашних событий в Петрограде. Учредительное собрание было подобающим образом приглашено принять участие в работе съезда Советов, и как раз

вопрос о том, как следует отнестись к этому приглашению, и привел к роспуску собрания. Большевики и левые эсеры — депутаты Учредительного собрания пришли к соглашению о том, чтобы присоединиться к делегатам Советов и образовать вместе съезд. Правые эсеры и меньшевики, напротив, как современные жирондисты не хотели и слышать ничего об этом и были поэтому исключены.

Многолюдным и памятным был съезд, на котором я присутствовал в залах Таврического дворца и которое представляло собой разительный контраст по сравнению со сценами, происходившими в минувшую пятницу, когда Учредительное собрание начинало свое короткое существование. Впечатление, которое произвел на меня первый день заседания съезда, я описал в депеше, посланной 26 января в «Манчестер гардиан». «Вместо атмосферы недоверия, — писал я, — между двумя политическими партиями, представляющими различные социальные классы, но принужденными жить под одной крышей, на этом съезде царит воодушевление, порожденное мощным движением, поднимающимся из глубин трудящихся масс России. Разумеется, съезд не представляет всей России, да он совсем и не стремится к этому, как стремилось, например, Учредительное собрание. Средние слои, опускавшиеся на дно и исполненные горечи, интеллигенция, которая еще держит в своих руках многочисленные отрасли техники, и крестьянство политически отсталых восточных губерний здесь не представлены. Но если съезд представляет и не всех, он представляет все же самые активные и живые силы революционной России. Здесь собрались представители крупных городских промышленных центров; здесь и представители беднейшего и среднего крестьянства северных и центральных губерний; представители безземельных крестьян и переселенцы с юго-востока, даже пролетарским элементам среди казаков удалось прорвать железное кольцо, созданное Украинской Радой и генералами Калединым и Алексеевым на Дону, и проложить себе путь к этому холодному и голодному Северу, к этой Мекке — стране новой надежды. Рассматривать съезд как представительство всей России было бы ошибкой, ибо в эти дни не может существовать представительства, которое охватывало бы оба социальных элемента, находящиеся в состоянии прямой войны между собой. Но не признать в нем самую крупную силу сегодняшней России было бы еще большей ошибкой, — такой, какая повлекла бы за собой самые серьезные последствия для отношений между Россией и Западной Европой».

Первый день съезда был заполнен приветственными речами делегатов из всех частей России и из-за границы. Выступали делегаты левых

социалистов Скандинавии, Финляндии, Румынии и Америки. Представителя подпольных Советов, которые существовали на Украине и работали против Рады, приветствовали с большим энтузиазмом. Троцкий, который прибыл прямо из Брест-Литовска, был встречен овацией, когда он появился и заявил, что народные комиссары только в съезде видят истинного выразителя воли рабочих масс России. После этого съезд отложил свои заседания, чтобы дождаться прибытия крестьянских делегатов, которые ожидались из отдаленных районов, и довести, таким образом, общее число делегатов до 1200.

В течение следующих двух дней наступило сильное обострение продовольственного кризиса. Практически количество вагонов с зерном, прибывших на петроградские вокзалы для разгрузки в течение этой недели, равнялось нулю. Комендант Таврического дворца встретился с трудностями даже в обеспечении питанием делегатов съезда. Моя порция хлеба снизилась до 1/8 фунта в неделю. Банки, по распоряжению комиссара финансов, не выплачивали ничего по иностранным векселям, так как опасались, что союзнические миссии воспользуются такими выплатами, чтобы оказывать материальную помощь Каледину и Корнилову. У меня оставались последние 100 руб., которые я получил еще перед государственным переворотом и из которых я тратил строго по 5 руб. в день. Из этой суммы я покупал себе ежедневно несколько копченых сардин, чтобы заглушить мучивший меня голод; он довольно возобновлялся после того, как я уничтожал мою скудную дневную норму хлеба. Я был совершенно замерзшим, обессиленным и голодным, когда приковылял к Таврическому дворцу, чтобы послушать большие дебаты второго дня заседания съезда по животрепещущему вопросу момента — об ответе на немецкий ультиматум. Как горячо я надеялся, что перед лицом холода и голода рабочие Западной Европы прислушаются к бедственному сигналу русской революции!

Главную речь этого вечера произнес Троцкий, чей отчет о переговорах с Центральными державами в Брест-Литовске был выслушан с самым напряженным вниманием. Все взоры были устремлены на него, ибо его влияние достигло тогда наивысшей точки. Человек цинично-красноречия, он стал в то время воплощением революционной воли России, которая через него обращалась к загранице. «Союзники обвиняют нас, — сказал он с едким сарказмом, — в том, что мы являемся агентами Германии. Немецкие империалисты обвиняют нас в том, что мы являемся агентами союзников. Если соединить вместе оба эти обвинения, которые друг друга исключают, то тем самым будут доказаны

лицемерие обеих сторон и наша честность. Гинденбург³⁶ знает, что ему не удастся прорыв через Западный фронт, и поэтому он надеется укрепить прусскую олигархию за счет революционной России. Мы разоблачили перед нашими немецкими и австрийскими товарищами цинизм их правительств, которые предательским образом притворяются, будто они согласны с миром без аннексий. Их уполномоченные на второй день переговоров отказались согласиться с выводом своих войск из оккупированных областей вплоть до окончания войны. Когда их спросили, готовы ли они пообещать передать вопрос об отводе немецких войск и о будущих правительствах окраинных государств на разрешение собраний населения этих областей, они отказались дать такое обещание. Их психология ясно проявляется в следующем ходе мыслей: «Так как Россия хочет мира любой ценой, а мы хотим мира за счет России, то чем мы больше запросим, тем больше получим». Речь здесь идет не о национальной борьбе или о борьбе за территории, а о классовой борьбе, ибо прусская олигархия хотела бы спасти немецкое дворянство прибалтийских провинций от угрозы русской революции. Кроме того, интересы немецкой тяжелой промышленности требуют захвата новых зон на Востоке для их эксплуатации. Не менее цинично и лицемерно ведут себя и империалисты стран Антанты, которые, кажется, готовы к компромиссу и аннексионистскому миру за счет России. Украинская Рада пытается в настоящий момент заключить сепаратный мир через голову украинских Советов. И все же союзники притворяются, будто они думают, что Рада спасет Россию от плохого мира. Нашим ответом на это было непризнание русских долгов Франции и Англии. Мы наложили секвестр на золотой вклад румынского правительства в Москве и выдали паспорта румынскому посланнику. Мы знаем также, что мы не одиноки. Вопреки цензуре известие о нашей революционной борьбе просочилось в Австрию, где уже разгорается революционный пожар. Что касается нас самих, то мы никогда не заключим неблагоприятного мира с немецкими тиранами, а продолжим социалистическую войну против всех наших классовых врагов. Если мы верим в Интернационал рабочих, то мы будем стоять бок о бок с революционными-красногвардейцами и защищать трудящиеся классы России от европейских эксплуататоров».

Когда Троцкий закончил свою большую речь, огромное собрание русских рабочих, солдат и крестьян поднялось со своих мест и торжествен-

---

³⁶ П. Гинденбург фон (1847–1934) — главнокомандующий германскими войсками на Восточном фронте (1914–1916).

но, как на большом религиозном празднике, запело «Интернационал». Этот мощный взрыв чувств должен был задеть за живое всех тех, которые, подобно автору этих строк, были его свидетелями. Он явился живым доказательством того, что идеалы, которые в ходе этой великой русской революции действовали с мощью, подобной мощи новой религии, рождались не в кабинетах интеллигентов, не в салонах, где собиралось буржуазное общество, а на фабрике, в цехе, в хижине беднейшего крестьянина по всей широкой Русской равнине.

Из речи Троцкого ясно вытекало, что он придерживается того мнения, что революция должна ответить на ультиматум немецких империалистов военной обороной и пропагандистским наступлением. Его позиция в Брест-Литовске в вопросе об окраинных государствах и об Украине привела его к тому, что, хотел он этого или не хотел, он должен был оказать сопротивление притязаниям Центральных держав на эти части России и предоставить более или менее широкую свободу действий командирам красногвардейцев, которые со знаменем социальной революции маршировали на юг и юго-запад. Одновременно он пытался, не давая это слишком ясно понять, найти выход на случай, если прусские генералы попытаются припереть его к стене. Что касается этой стороны его внешней политики, то он опирался при этом на определенные элементы среди большевиков-делегатов съезда, которые склонялись к тому мнению, что с прусским милитаризмом вести игру опасно и что для революции будет полезнее склониться перед превосходящей силой при условии, что перед этим социалистам и рабочему классу Запада будут даны доказательства того, что дальнейшее сопротивление для России невозможно. Согласно слухам, которые циркулировали в эти дни в кругах Таврического дворца, Ленин решительно настаивал на той точке зрения, что промедление опасно и что революция должна прийти к соглашению с врагом, коль скоро последний прижал ее к стене. На съезде обратили внимание на то, что Ленин молчал. Не считая его приветственной речи от имени СНК, я не помню, чтобы я его вообще видел. По-видимому, он считал, что поскольку революционное воодушевление делегатов рабочих масс все еще находится на подъеме, было бы неблагоприятно тушить его с помощью холодного душа реальной политики. На авансцене оставался поэтому Троцкий. Во всяком случае, по видимости, он стал рупором тех элементов съезда — как среди левых эсеров, так и среди большевиков, которые выдвигали лозунг «Никакого мира с немецкими империалистами! Революционная борьба против мирового империализма!». Ибо революция предавалась в эти дни

большим надеждам, или лучше сказать, большому самообману. Мировая революция в ближайшем будущем, действительно, представлялась возможностью, если не вероятностью, как это можно было заключить по различным приметам времени, и нельзя сказать, чтобы сознавшие свою ответственность русские революционеры действовали неразумно, направляя свою политику с учетом ожидавшегося взрыва мировой революции. Если бы эти надежды не оправдались, то они всегда могли бы вернуться к реалистической политике. Эту точку зрения выразили многочисленные делегаты из провинции. Они высказывались за отказ от принятия ультиматума прусских генералов. В течение нескольких часов съезд раскололся на различные партии. Впрочем, были только две партии, которые шли в расчет, и это были те, представители которых находились в народных комиссариатах, — большевики и левые эсеры. Меньшевики и правые эсеры располагали лишь несколькими делегатами восточных провинций, прибывшими в целях собирания информации. Они составляли маленькую группу, едва ли насчитывавшую полсотни делегатов и не принимавшую участия в дебатах. Среди правящих партий не было какого-либо расхождения во взглядах относительно вопроса, непосредственно вынесенного на обсуждение вечернего заседания. Таким образом, была принята совместная резолюция, которая отстаивала тот принцип, что русская революция никогда не подпишет добровольно неблагоприятного и империалистического мирного договора и вооружится для самозащиты против эксплуататоров всех стран. Эта формулировка устраивала как тех, кто хотел бороться до последнего вздоха, так и тех, которые хотели сообразовать политику с реально существующими материальными силами. Тогда говорили, что Ленин на известие о единогласном принятии этой резолюции сказал: «Боюсь, что этот альтруизм будет стоить нам Пскова». Именно тогда делегаты съезда без долгих раздумий единогласно и торжественно приняли резолюцию о мире, после чего спокойно разошлись.

В то время, как Троцкий с этой резолюцией о войне и мире в руках намеревался повезти свою делегацию назад в Брест-Литовск, где ей предстояло в последний раз встретиться с глазу на глаз с прусскими генералами, съезд приступил к работе, чтобы выработать основные линии конституции советской республики. Он собрался, чтобы заняться знаменитой «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая была принята ЦИКом и составляла основной предмет переговоров между последним и представителями отсталого среднего сословия в Учредительном собрании. Председательствующий на съезде зачитал эту

декларацию, после чего делегаты удалились для специального обсуждения ее текста и определенных формулировок на заседаниях своих фракций. Декларация, которая должна была составлять основу конституции советской республики, распадалась на четыре раздела. Первый раздел объявлял Россию республикой Советов рабочих, солдат и крестьян, которые благодаря этим Советам обладали безраздельной властью в стране. В этом разделе говорилось далее, что Россия является союзом наций и федерацией национальных республик. Имели место некоторые споры по тексту этого параграфа и было решено перед словом «союз» вставить слово «свободным», а перед словом «наций» — «свободных». Это произошло с учетом позиции анархистов, которые, несмотря на незначительное количество своих представителей на съезде, являлись авторами многих таких идей, какие были выдвинуты гораздо более многочисленной, но обладавшей менее подвижным умом партией крестьянских интеллигентов — эсерами. Таким образом, влияние анархистов должно было, естественно, проявиться в декретах, резолюциях и законах, революции того периода. В головах многих интеллигентов тогда жил страх, что может сложиться всемогущая советская бюрократия, опасение, что Советы станут простым колесиком в машине централизованного государства. Революционная инициатива снизу, которая свергла режим Керенского, положила конец господству крупных банков и отменила помещичье землевладение, проявилась в виде множества комитетов рабочих и крестьян, которые создавались повсюду без приказа какой-либо высшей инстанции. Только бы эта революционная инициатива не погибла в результате лавины бюрократических ограничений сверху! Эта мысль нашла отражение в тексте первых параграфов «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

То же самое влияние было заметно и в статье 2, которая объявляла собственностью всего населения землю, обработка которой должна производиться по принципу одинаковые наделы для всех работающих. В этом была ясно видна уступка анархистам и левым эсерам, которые хотели передать обработку земли свободным рабочим коммунам. С другой стороны, марксистские идеи большевиков отчетливо выступали в том месте, где подчеркивалось, что опытные фермы и образцовые имения объявляются государственной собственностью. Подобный компромисс возник в связи с тем местом статьи 2-й, которое относится к социализации промышленности и, как следствие ее, к переходу средств производства, средств транспорта и аппарата распределения под контроль рабочих комитетов и ВСНХ во владение рабочей республики. Здесь опять можно

видеть, как анархистская идея свободного и автономного рабочего общества вплетена в марксистскую идею создания Совета рабочего контроля, призванного организовать воедино различные отрасли народного хозяйства и контролировать их деятельность.

Остальные параграфы декларации были приняты партийными комитетами без поправок или компромиссных формулировок. Как марксисты, так и анархисты сошлись на том, что необходимо отменить частные банки и создать народный банк, далее уничтожить тайные договоры, отменить тайную дипломатию, ввести братание солдат воюющих стран, создать основы для мира без аннексий и контрибуций, отказаться от колониальных владений, предоставить народам Азии право самим распоряжаться своей судьбой и признать независимость Финляндии, Персии и Армении.

25 (12) января декларация была представлена в ее окончательной редакции. В тот вечер я видел, как на трибуну Таврического дворца поднялся председатель съезда и в присутствии 1200 русских рабочих, солдат, матросов, крестьян и казаков — делегатов огласил «Великую хартию вольностей» русского народа. Когда он закончил и спросил у съезда о его мнении, в рядах делегатов разразилась буря аплодисментов. Краеугольный камень фундамента Конституции Российской Советской Республики был заложен — новый общественный строй предстал перед взорами сообщества стран Европы.

«Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» действительно означает новую великую веху в истории человечества. Подобно тому как Декларация независимости США и Декларация прав человека во времена Французской революции означали свержение феодализма и наступление новой эры, в которой буржуазия стала господствующим элементом общества, так и принятая съездом русской революции в январе 1918 г. декларация означала призыв к борьбе с господствующей кастой имущих в Европе, которая в течение столетий удерживалась у власти на руинах феодализма и абсолютизма королей. Ибо, как показал Кропоткин³⁷, выработанная Учредительным собранием в Париже Декларация прав человека избегала всякого намека на экономические отношения между гражданами государства и ограничивалась провозглашением равенства всех перед законом, права нации создать себе правительство путем свободных выборов и, наконец, свобод человека, гарантированных конституцией. Власть, которую представляют богатство и частная соб-

³⁷ П.А. Кропоткин (1842–1921) — революционер-анархист.

ственность, не только не была ею ограничена, а, напротив, была признана в качестве основы для безграничной диктатуры буржуазии. Она допускала, что общественные различия были законодательно санкционированы в интересах общего блага, и с помощью этой фикции были открыты настежь все двери для любой несправедливости.

Иначе было с «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В то время как она частично (например, то место, которое касается мировой войны и где идет речь об основах международного мира и о праве народов на самоопределение) имеет большое сходство с соответствующими местами декларации Французской революции, в остальном она исходит из того, чтобы уничтожить с корнем основанную на частной собственности общественную систему. Был выдвинут тот принцип, что не может быть политической свободы или гражданина, если у него нет экономической свободы. Этот принцип, отсутствие которого так бросается в глаза во французской Декларации прав человека, разработан в подробностях в декларации русского съезда. Он воплощен в той статье декларации, которая передает политическую власть исключительно в руки Советов, избранных на предприятиях, и лишает всякой власти учреждения, избранные на основе территориального принципа. Он далее воплощен в параграфах, которые предусматривают конфискацию частной собственности без возмещения, и в содержащемся в нем наброске новой республики рабочих, создаваемой после окончательного свержения политической и экономической власти буржуазии.

Троцкий и его делегация, принимавшая участие в мирных переговорах, отправилась в Брест-Литовск в то время, как на съезде образовался ряд комитетов; им предстояло разработать подробно декреты, которые вытекали из принципов, изложенных в декларации. Согласно сообщениям по радио, в Берлине разразилась грандиозная стачка; даже в самой крепости прусского милитаризма происходили массовые демонстрации против войны и вздорожания продовольствия. Это известие оказало, непосредственно, воспламеняющее действие на настроение масс в Петрограде. Это можно было тотчас же наблюдать на улицах. В Смольном оно составляло единственный предмет разговоров: «Наконец-то все-таки услышаны призывы русской революции к международной солидарности рабочих!» — гласили слова, которые были у каждого на устах. Даже самые заядлые антибольшевики среди горожан и саботажники умолкли, или если они что-либо и говорили, то для того, чтобы выразить согласие с тем, что русская революция одержала большую моральную победу уже благодаря тому голому факту, что она вызвала движение протеста в резиден-

ции поджигателей войны. А те, кто пробаивались всякими росказнями насчет того, что большевики являются агентами немецкого Генерального штаба, имели теперь довольно глупый вид.

Но в ответственных кругах, которые стояли близко к народным комиссарам и партийным руководителям съезда, заседавшего в Таврическом дворце, это известие о берлинской стачке было воспринято менее оптимистично. В этих кругах понимали, что эта забастовка является делом немецкого Союза «Спартак» (нелегальная левая партия независимых социалистов, ставшая затем Коммунистической партией Германии) и «революционных старост» (или местных производственных комитетов). Чрезвычайная конспирация, в условиях которой эти организации должны были взяться за работу, делала сомнительным, удастся ли им преодолеть безразличие масс, запуганных военной диктатурой. С другой стороны, неудача забастовочного движения была для русской революции опаснее, чем отсутствие самой забастовки, ибо тогда это дало бы генералу Гофману повод маршировать на Петроград и Москву. Он, вероятно, предпринял бы эту попытку уже сейчас, если бы был уверен, что революционное движение в Германии не носит угрожающего характера и что его армия будет готова маршировать. Все эти возможности серьезно обсуждались СНК, и всеобщим мнением было то, что революция по праву должна теперь попытаться выиграть время и что пока берлинское забастовочное движение не дало еще определенных результатов, нужно затянуть ответ на ультиматум Гофмана. Несмотря на это, необходимо было приготовиться к худшему. Ибо прусские генералы знали, что в маленьком отделе Комиссариата иностранных дел, который печатал «Факел» и распространял революционные листовки среди немецких солдат на Восточном фронте, сидели люди того же сорта, какие стояли во главе нелегального Союза «Спартак» и «революционных старост».

Мы услышали о прибытии Троцкого в Брест-Литовск. Прежде чем переступить немецкие линии на фронте, он встретился с делегацией советского правительства Украины, которое образовалось в течение последних недель в промышленных районах Харькова и Екатеринослава и находилось в оппозиции к Украинской Раде. Они согласились в том, что эта украинская делегация будет сопровождать Троцкого в Брест, где она должна принять участие в переговорах, выступая от имени независимой Советской Украины. Между тем началось наступление Красной гвардии на Украину. Это обстоятельство окончательно побудило Троцкого занять отрицательную позицию по отношению к притязаниям Рады, принять

участие в Брест-Литовских переговорах. Было ясно, что социальное брожение перекинулось также и на Западную Украину. Один солдат-делегат с Юго-Западного фронта сказал мне в те дни в Смольном, что среди солдат старой армии, находящихся в той местности, царит раскол, причем одни заявляют себя сторонниками Рады, а другие — украинского Совета в Харькове. Крестьяне во многих частях Украины уже взяли силой крупные землевладения и распределили их между собой. Троцкий, таким образом, имел теперь более благоприятную базу для своей внешней политики, для своих нападков на Центральные державы и Раду, чем это было при последнем его посещении Брест-Литовска. Он мог показать Центральным державам, что Рада не означает последнего слова Украины, использующей свое право на самоопределение. Его интерпретация самоопределения была, в конце концов, не так уж бесперспективна. Но все зависело от успеха революционного движения в Германии.

В следующие пять дней мы не слышали ничего решающего из Брест-Литовска. Троцкий и Гофман стояли друг против друга, как два льва, готовые к прыжку. Разница между ними была, однако, та, что Гофман имел намерение прыгнуть, в то время как Троцкий сознавал свое бессилие и должен был опираться на союзников в тылу врага. Но между тем тревога, подобная сигналу о пожаре, прозвучала совсем из другого угла. Поступило известие, что в Финляндии разразилась красная революция и что рабочие комитеты в южных промышленных центрах этой страны взяли власть в свои руки и образовали правительство, опирающееся на производственные Советы. Буржуазное правительство переехало в Северную Финляндию, где, как оно знало, его поддержит зажиточное крестьянство этой местности. В тот же день из Гельсингфорса прибыл особый уполномоченный революционного правительства, чтобы установить связь с русскими Советами. Этим комиссаром был не кто иной, как социалистический депутат распущенного парламента Токой³⁸, с которым я беседовал во времена Керенского минувшим летом, когда был в Гельсингфорсе, по вопросу о финской независимости. Он тогда сказал, что пока существует старая царская бюрократия, окраинные государства должны по необходимости стремиться к полной независимости. Теперь же произошла великая социальная революция в России, и вся власть покоилась на совершенно ином базисе. Благодаря этому пролетарские классы и мелкое среднее сословие в окраинных государствах и, разумеется, также в

³⁸ О. Токой — финский социал-демократ, в 1917 г. глава финского сената (правительства).

Финляндии получили возможность вступить в своего рода федеративные отношения с Советской Россией. Он добавил, что они даже вынуждены будут сделать это, если хотят ввести у себя социализм, ибо можно предположить, что капиталистические государства Западной Европы будут их блокировать и отрежут им пути подвоза заморских товаров. Одной из главных целей его прибытия было также намерение просить Россию о поддержке финской революции продовольствием. Он надеялся, что таким образом истинная независимость Финляндии будет означать только более тесные отношения с братской республикой русских рабочих. Он был против активной помощи русских красногвардейцев финской революции, так как при этом возникала опасность оттолкнуть от нее мелкую буржуазию с ее националистическими устремлениями.

Все эти события на Украине, в Финляндии, Австрии и Германии вызвали во всех городах и более крупных селах Северной России огромный энтузиазм. Я неоднократно встречал в Смольном делегатов из всех частей страны, которые явно находились под влиянием той мысли, что мировая революция действительно может вот-вот разразиться. Каждый, не исключая и меня, чувствовал себя готовым и дальше, на протяжении последующих недель испытывать холод и голод, только бы западные державы смотрели на русскую революцию как на свершившийся факт и не создавали препятствий ее мирному развитию. Но положение некоторых иностранцев в Петрограде было тогда отчаянным. Я растратил последние рубли, какие у меня были, и должен был ограничиться исключительно тем голодным пайком комиссариата продовольствия — 1/5 часть фунта хлеба ежедневно и картофельные очистки, какие получал! За три недели я потерял в весе 21 фунт и каждый раз, глядя на себя в зеркало, пугался. Последняя надежда получить вексель из Англии исчезла с началом революции в Финляндии. В эти ужасные дни я научился не думать о земных благах и питаться идеалами в надежде, что воодушевление идеей как-нибудь поддержит мое истощенное тело.

Между тем Красная гвардия одерживала победу за победой. В течение первой недели февраля поступило известие, что Оренбург взят, а Дутов³⁹, контрреволюционный предводитель казацких банд, бежал в степи. Тем самым была установлена прямая связь с советскими вооруженными силами в Туркестане. Между тем гражданская война на юге распространя-

³⁹ А.И. Дутов (1879–1921) — полковник, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска, в ноябре 1917 г. возглавил вооруженное выступление против советской власти в Оренбурге.

лась все шире. Красной гвардии удалось, несмотря на ее чрезвычайно неоднородный состав, вбить клин между казацкими отрядами Каледина на Дону и войсками Рады на Украине. Они смогли осуществить это в широком масштабе потому, что в рядах контрреволюционеров не было единства и единого плана, а также потому, что в тылу антибольшевистских вооруженных сил постоянно вспыхивали мятежи. Красногвардейцы овладели пригородами Киева, и хотя они не были в состоянии занять Киев, так как Рада получила подкрепления, все-таки она была этим морально ослаблена в своих переговорах в Брест-Литовске. Примерно 100 тыс. красногвардейцев, ядро которых составляли большевистски настроенные матросы Балтийского флота, выступили на Дону против Каледина, который, оказавшись в изоляции, не смог оказать помощь Раде. В рядах Юго-Восточного Союза вспыхивали разногласия. Северо-кавказские казаки уже вышли из Юго-Восточного Союза, опасаясь победы открытой контрреволюции. В Совете донских казаков партия, руководимая генералом Алексеевым и великорусскими кадетами, искавшими укрытия в Новочеркасске, потребовала проведения общерусской политики и мобилизации армии, которую предстояло послать против Советов Северной России. Напротив, генерал Каледин сознававший опасность того, что казацкие массы, несогласные с подобной тактикой, могут оказаться брошенными в объятия большевизма, настаивал на проведении чисто местной политики, нацеленной на то, чтобы удерживать Донскую область свободной от Советов, а в остальном предоставить самому времени решить северорусскую проблему в духе, благоприятном для контрреволюции. Делегаты революционных казачьих полков, которые прибыли в эти дни в Смольный, сказали мне, что брожение среди казаков за последний месяц усилилось и что атмосфера в казачьей станице со времени моего посещения ее последней осенью сильно изменилась. Теперь произошел раскол уже во многих семьях. Отцы и дяди часто держались Каледина и седлали своих коней, чтобы помочь ему в борьбе, в то время как младшие сыновья по большей части ночью тайно седлали коней и с винтовкой за спиной отправлялись на передний край к Красной гвардии. Опубликование декрета народных комиссаров, который освобождал казацких арендаторов от их обязанности нести военную службу под началом офицерской касты и самим поставлять коня и винтовку для этой службы, оказало громадное влияние на станицы.

В Смольном стало известно о взятии Киева Красной гвардией. Воодушевление, какое вызвало это сообщение в кулуарах Таврического дворца, где заседали делегаты большого съезда в своих комиссиях, не знало

границ, люди верили, что это означает для Рады начало конца, и никто, казалось, не видел, что этот триумф русской революции таил в себе семена ужасной опасности. Уже в течение нескольких дней ходили слухи, что Рада, в противовес Троцкому, который с момента своего прибытия в Брест-Литовск отказывался вести переговоры о мире с Центральными державами, сама в качестве представительницы Украины ведет с ними переговоры о сепаратном соглашении. Мелкая буржуазия и богатые хозяйчики, которые контролировали Раду, будучи изгнаны с Востока и из части Западной Украины рабочим классом городов и батраками деревень, решили попросить о помощи извне. То обстоятельство, что они получили оружие и финансовую помощь от французской военной миссии в России, чтобы бороться против немцев, более не смущало их совесть. Если бы прусская военщина помогла им отбить натиск красногвардейцев на Украине, они были готовы заключить сепаратный мир с Берлином, а Лондон и Париж выбросить за борт. Парой недель позже делегат украинских социал-демократов описывал мне то заседание Рады, на котором было принято решение попросить Центральные державы о помощи. Министр иностранных дел, студент 21 года, сообщил, что украинская делегация в Брест-Литовске уже потребовала признания Берлином главных территориальных претензий Украины. Социал-демократическое левое крыло Рады подняло по этому поводу большой шум и заявило, что желает знать, почему министры предприняли этот шаг, опросив предварительно об их мнении партийные фракции. Кроме того, социал-демократы задавали вопрос о том, какие гарантии готовы дать Центральные державы насчет того, что они действительно будут уважать неприкосновенность границ и независимость Украины. На этот запрос зеленый юнец 21 года ответил, что адъютант генерала Гофмана дал ему лично заверения в том, что Германская империя будет уважать украинскую независимость! Вскоре вслед за тем большая часть социал-демократов покинула Раду, которая теперь не представляла собой ничего другого, как аппарат для регистрации приказов немецкого Генерального штаба на востоке. Но генерал Гофман достиг своей цели. Он получил в свои руки Раду, которую теперь можно было использовать против севернорусских Советов и которая могла их принудить признать интерпретацию самоопределения, данную самим Гофманом. Все зависело теперь от берлинской стачки, ибо было ясно, что только нажим революционного движения в Германии мог связать руки Гофману. С каким рвением штудировали мы в те вечера радиogramмы с известиями о забастовке! Ибо берлинские рабочие держали теперь в своих руках ключ к положению.

Глава 16. Брест-Литовск

Для тех, кто симпатизировал русской революции, прекращение стачки в Берлине стало днем траура. Забастовщики вновь вернулись к своим станкам после того, как повышением нормы выдачи хлеба купили их уступчивость. Было объявлено чрезвычайное положение, и эта мера сломила мужество тех, кто с первых дней был готов следовать лозунгу Союза «Спартак» и независимых. Никогда еще международная солидарность рабочих всех стран не была так нужна, как в эти дни, так как принимались последние решения. Никогда перспективы не были так благоприятны для немецких рабочих. Их бессилие обнаружило всю слабость рабочего движения в Германии, которому, в отличие от России, приходилось бороться с препятствиями, воздвигнутыми на его пути реакционной и националистической профсоюзной бюрократии.

Вскоре после этого поступило известие о том, что представители Украинской Рады в Брест-Литовске подписали сепаратный мир с Центральными державами, даже не поставив об этом в известность русских и украинских советских делегатов. Генерал Гофман сумел действительно использовать свою интерпретацию понятия «самоопределения» в военных целях, преследуемых немецким Генеральным штабом, ибо в то время, как он заключал мир с Радой, он, с другой стороны, отказывался признать украинских советских делегатов. Граф Чернин был при этом для него ценным пособником, ибо, как он сам признает в своих воспоминаниях, он в качестве председателя комиссии по территориальным вопросам руководствовался стремлением использовать представителя Рады против советских делегатов.

Итак, русская революция оказалась в большой опасности. Взоры не только России, но и всего мира были устремлены на Троцкого, которому съезд Советов дал все необходимые полномочия, чтобы действовать от имени революции. Члены мирной конференции собрались в полном составе. Там были прусские генералы, украшенные сверкающими орденами и крестами на груди, австрийские офицеры и дипломаты, которые, хотя демонстрировали менее воинственное выражение на их лицах, все же были готовы в любое время преподнести русской революции «поцелуй Иуды». Болгары, которые, казалось, в настоящий момент совсем забыли о Плевне и Шипке, сидели бок о бок со своими бывшими врагами, турками, которые, со своей стороны, не думали ни о чем другом, как о том, как бы завоевать кое-какие области в Центральной Азии за счет русской революции. Они сидели там подобно стервятникам, раздирающим

на части свою добычу. Но были ли они так уверены в том, что Россия являлась трупом?

Троцкий спокойно поднялся, чтобы сообщить о решении севернорусского и украинского советских правительств относительно ультиматума Гофмана, в котором содержалось требование признать фактическую аннексию Польши, Литвы и Курляндии Центральными державами и «самоопределение Украины», осуществленное под сенью прусских штыков. У него не было материальных сил, чтобы опротестовать это требование. Вся информация, которую он получал, свидетельствовала скорее о том, что три четверти русских солдат разошлись по домам, что на фронте окопы местами опустели, что артиллеристы продали большую часть своих пушек и боеприпасов врагу, а добычу, захваченную в городах, расположенных близ фронта, разделили между собой, несмотря на протесты советских комиссаров, которые в этом отношении были так же бессильны, как и царские офицеры. Безземельные крестьяне, которые, наконец, получили землю в свои руки, предавались повсюду в центральных губерниях настоящим оргиям по случаю захвата помещичьих имений. Жилые дома тех помещиков, против которых была направлена ненависть крестьян, сжигались, а живой инвентарь — скот — угонялся. Единственными элементами во всей стране, на которые Троцкий тогда мог опереться, чтобы противопоставить врагу красный фронт, и который понимал, что на карту поставлено нечто большее, чем простое удовлетворение преходящих стремлений отомстить угнетателям, были рабочие фабрик Петрограда, Москвы и еще некоторых немногих крупных городов, далее матросы Кронштадта и небольшая часть солдат Красной гвардии. Но все это было лишь каплей в море. Социальный мусор столетий стал теперь добычей грандиозного пожара, и дым от этого пламени поднимался к небу. Тот, кто попытался бы погасить огонь, должен был бы поистине быть безумно храбрым человеком. Старая дисциплина в России исчезла. Страна переживала период полного развала дисциплины, что должно было подготовить почву для создания новой дисциплины.

Итак, Троцкий стоял перед прусскими юнкерами, не защищенный ничем другим, кроме моральной силы слов, которые носили на себе печать правды. Представители Центральных держав, сказал он, думали увидеть перед собой людей такого же покроя, как они сами. Они думали, что имеют дело с людьми, готовыми подписать на секретном заседании мирный договор, который определил бы судьбу миллионов трудящихся на фабриках и в деревнях всей Восточной Европы. Но они ошиблись.

«Русская революция послала нас сюда, — сказал он, — не для того, чтобы содействовать осуществлению завоевательных планов Гогенцоллернов и Габсбургов, а для того, чтобы показать всему миру истинные цели господствующих классов Германии, Австрии и стран Антанты и заклеить их за то, что они осмелились развязать войну из жажды завоеваний и ради экономического господства той или другой группы эксплуататоров над целым миром. Мы разоблачили эти цели. Мы вскрыли эти планы, в первую очередь путем опубликования тайных договоров союзников с царизмом и, во-вторых, точно осведомляя весь мир о ходе переговоров между русскими делегатами и делегатами Центральных держав в Брест-Литовке. После всего этого не остается ничего другого, — сказал Троцкий, — как только сделать от имени русской революции заявление о том, что она отказывается поставить свою подпись под разбойничьим завоевательным миром, который носил бы печать угнетения рабочего класса. Русская революция не подпишет этот мир, но для того, чтобы доказать всем свое честное стремление к миру, объявит войну законченной и демобилизует армию».

Гробовое, длившееся несколько минут молчание последовало за этими словами. Очевидцы рассказывали мне спустя несколько недель, что даже генерал Гофман потерял свой тон, усвоенный на военных парадах в Потсдаме, так как от неожиданности этой неслыханной и знаменательной речи у него перехватило дыхание. Остальные делегаты Центральных держав были также настолько ошеломлены, что не могли сделать ничего иного, как только тупо уставиться в одну точку. Даже у господина Кюльмана онемел язык. Наконец генерал Гофман взял себя в руки и разразился словами: «Я предполагаю, что русские делегаты понимают, что означает конец перемирия». «Мы полностью отдаем себе отчет в том, что означают наши слова, — спокойно ответил Троцкий, — и нам хотелось бы только знать, насколько далеко немецкие солдаты разрешат вам осуществить ваши, направленные против нас планы». Чтобы избежать упоминания о возможном отказе немецких солдат отправляться в поход, господин Кюльман, имевший дипломатическую сноровку, предложил отложить заседание. В перерыве господин Криге, советник Кюльмана и специалист в области международного права, в отчаянии бросился к своим книгам, чтобы отыскать подобные прецеденты в прошлом. Ему, как типичному немецкому профессору и педанту, каким он был, не пришло в этот момент ничего лучшего, как начать рыться в хронологии событий прошлого, где должно было найтись описание подобного случая отказа как подписать мир, так и

продолжать войну. Наконец он появился вновь, чтобы с сияющим лицом сообщить одному из членов русской делегации, что решение его делегации является чем-то неслыханным во всей новой истории. Последний подобный случай произошел больше тысячи лет тому назад между греками и скифами!

В то время как эта драма, разыгрывавшаяся в Брест-Литовске, подходила к концу, мы были в Петрограде свидетелями заключительных заседаний III съезда. Комиссии в большинстве своем закончили работу. Только что образованный ВСНХ представил свой отчет и получил от съезда согласие организовать по-новому весь аппарат рабочего контроля и поставить его на единую основу. Другая комиссия доложила между тем съезду о запланированной ею новой правовой системе. Весь царский и буржуазный юридический аппарат был объявлен упрядненным. В каждом уезде и волости должны были быть созданы народные суды и избраны судьи и заседатели силами местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Съезд принял решение учредить центральный революционный трибунал, который должен был также служить высшим апелляционным судом. Предстояло избрание его состава следующим Всероссийским съездом Советов. Другая комиссия должна была подготовить для утверждения текст конституции республики на основе «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Этот текст должен был быть затем представлен очередному Всероссийскому съезду Советов, которому предстояло собраться не позже чем через шесть месяцев после окончания данного съезда Советов или, если этого пожелают большинство местных Советов, раньше. В промежутке между обоими съездами как законодательную, так и исполнительную власть должен был осуществлять ЦИК, который съезду предстояло избрать из своей собственной среды. Так был полностью установлен контакт между рабочими массами и Центральными органами советской системы. Каста бюрократов, представлявшая интересы зажиточных классов, была уничтожена. Массам гарантировалось право отзывать своих делегатов в любой момент, а не раз в пять лет, как это бывает в капиталистических странах при проведении очередных всеобщих выборов. Массам гарантировалось также право контролировать проведение в жизнь революционных декретов. На почве этих основополагающих принципов советской конституции вполне могли объединиться как большевики, так и левые эсеры, марксисты и анархисты. Трудности, которые позже обнаружились и обострились в результате расхождения между различными тенденциями в ходе революции, на-

пример, в вопросе о границах власти политических Советов и о правах военных комиссариатов в ходе борьбы против иностранного империализма, тогда не проявились еще вполне отчетливо. Наконец, еще одной комиссии было поручено выработать текст аграрного закона, общие принципы которого уже были выработаны съездом. Этот закон должен был быть затем представлен ЦИКу для окончательного утверждения. После того как съезд таким образом выполнил свою задачу по созданию политических и экономических основ республики Советов — он закрылся, чтобы понести теперь идеи революции в отдаленные уголки громадной России.

ЦИК, избранный из числа делегатов съезда, взял в свои руки контрольные функции в Таврическом дворце. В тот же день поступило тревожное известие о том, что генерал Гофман объявил о прекращении перемирия, начиная со следующего дня, хотя, согласно тексту соглашения о перемирии, уведомление о прекращении перемирия должно было быть сделано за неделю до возобновления военных действий. Это означало, что немецкий Генеральный штаб уже через два дня бросит свои армии в наступление против русской революции. Горечь и озлобление против предательства и жестокости прусских милитаристов были безграничны. В кулуарах Таврического дворца последние надежды возлагались на то, как поведут себя солдаты немецкой армии. Исполнят ли немецкие солдаты приказ о наступлении? Немецкие генералы объявили войну русской революции, которая отвечала теперь единственным, находящимся в ее распоряжении, оружием — распространением правды. Она обращалась ко всему миру, но военные цензоры скрывали правду от масс Западной и Центральной Европы. Единственной надеждой оставался, таким образом, немецкий солдат «в серой шинели». Отдел пропаганды Комиссариата иностранных дел работал с величайшим напряжением. Написанные на немецком языке печатные листовки и экземпляры газеты «Факел» лихорадочно издавались и в большом количестве посылались на фронт, чтобы их распространили там, в немецких окопах. Надежда, возлагавшаяся на это, была, в сущности, бесперспективной, но в этот критический момент нужно было использовать любое средство, чтобы противостоять этому в известной степени международному заговору против русской революции.

Самые худшие опасения стали фактом. Немецкие войска на Северном фронте получили приказ о переходе в наступление. Специально для этой цели отобранные батальоны напали на обломки старой русской армии, которые не оказывали сопротивления. Немцы овладели Двинском

и захватили богатые трофеи. Принц Леопольд Баварский⁴⁰ направил воззвание к немецким войскам, в котором назвал в качестве цели их продвижения «очищение больной России, страдающей от ужасов большевизма и от красного террора». В течение дня в Петроград поступали известия, согласно которым некоторые немецкие полки в районе Ковно отказались выполнить приказ о наступлении. Но, как позже выяснилось, речь шла о мятеже одного полка, которому предстояло отправиться на Западный фронт и солдаты которого отказались погрузиться в поезда. Было, таким образом, ясно, что революционный дух немецких войск на Восточном фронте проявлялся пока в лучшем случае лишь в их известной усталости от войны. Пока немецкий Михель получал еще достаточно жратвы и ему не грозили ни холода, ни тяжелые бои, он не решался противиться приказам своего начальства. Но этим самым была потеряна последняя надежда. Русская революция лежала, беспомощно распростертая перед прусскими юнкерами. И, чтобы в этой большой трагедии не обошлось без поцелуя Иуды, предательская Украинская Рада, которая только что подписала сепаратный мир с Центральными державами, направила воззвание народам Австрии и Германии, призывая их прийти ей на помощь в борьбе против русской революции. О том, что она приняла деньги от союзников, она уже давно позабыла.

Одно из примечательных обстоятельств, которое приходит на память при воспоминании о тех временах, то, что, несмотря на смертельную опасность, угрожавшую революции извне, власть Советов повсюду в южных и восточных губерниях становилась все сильнее, и красногвардейцы в борьбе с внутренней контрреволюцией одерживали одну победу за другой.

Эта первая фаза гражданской войны уже кончилась победой Советов Северной России. Через несколько дней после известия об изданном в немецкой армии приказе выступить против беззащитной революции красные матросы Балтийского флота победоносно вступили в Новочеркасск, в то время как Юго-Восточный Союз потерпел крушение, Военный совет донских казаков бежал на Северный Кавказ, а казачьи полки, которые перешли на сторону Советов Севера, провозгласили Республику Советов на Дону. Генерала Каледина постиг трагический конец. Когда Красная армия приближалась к Новочеркасску, Военный совет Донской области проводил как раз свое последнее заседание. Генерал Алексеев и кадетские

---

⁴⁰ В. Леопольд (1846–1930) — в 1916–1918 гг. главнокомандующий германскими войсками на Востоке.

эмигранты с Севера настойчиво требовали в качестве подготовительной меры для похода против Центральной России всеобщей мобилизации против Советов, очищения военных складов и отправки всех способных носить оружие на Северный Кавказ. Но Каледину не хватило мужества в этой борьбе, бесперспективность которой он, по-видимому, понимал. Его мнение не приняли. Упрямым советчикам пришлось пробиваться, а высокомерному сатрапу царизма пришлось пережить унижение — увидеть, как его возлюбленную Донскую область захватывают красные войска Севера, а его офицерскую касту изгоняют прочь пробудившиеся казацкие солдатские массы. Очевидцы рассказывали потом в Петрограде, что все это произвело на него такое впечатление, что в последний час заседания Военного совета он удалился в соседнюю комнату и там пустил себе пулю в сердце. С завоеванием Новочеркасска красные овладели ключом к юго-восточным степным областям и продвинулись к сухопутной дороге, ведущей на Кавказ. В их руках уже были Оренбург и путь в Центральную Азию. Всюду возникали Советы безземельных крестьян и переселенцев из северных губерний, принадлежащих к рабочему классу; они устанавливали контакт с приближающимися частями Красной армии. Земства, избранные на местах, и общинные власти исчезали, и их заменяли Советы, возникшие в результате выборов. Социальная революция, которая, уже начиная с октября, являлась на Севере свершившимся фактом, только теперь распространялась и на эти области. Кадетские эмигранты и казачьи офицеры получили смертельный удар от трудящихся масс востока и юго-востока.

Революция шагала победоносно и повсюду. На юго-западе части Красной армии заняли Киев и продвигались на Западную Украину. Советы украинских промышленных центров Харькова и Екатеринослава все больше и больше расширяли свое влияние. Большинство партий, которые в прошлом представляли Раду, перешли теперь на сторону немецкого Генерального штаба, чтобы, пользуясь иностранными штыками, отвоевать обратно те земли, с которых они были изгнаны своим собственным народом. Но теперь ошибки, совершенные в начале украинской авантюры, начали мстить за себя революции и ее передовым бойцам, Советам Северной России. Украинским коммунистам, находившимся в Петрограде, удалось склонить народных комиссаров к тому, чтобы решить вопрос о самоопределении Украины путем насильственного вторжения извне с целью свергнуть Раду и тем поставить Центральные державы перед свершившимся актом. Пока в этом движении против Рады участвовали исключительно местное трудящееся население Восточной Украины и ба-

траки деревень, все шло хорошо и социальная революция на Украине могла бы скоро обрести прочную почву под ногами. Но вмешательство в узком смысле слова чужой, иноземной, севернорусской военной власти осложняло положение. Это было особенно очевидно, потому что части Красной армии, посланные на Украину, решительно отличались от знававших свой дом и хорошо дисциплинированных матросов Балтийского флота, изгнавших кадетов и казачьих офицеров из Донской области. Поведение в Киеве красногвардейцев, участвовавших в походе на Украину, не поддается описанию. Они грабили квартиры богатых и даже угрожали советским комиссарам, которые пытались удержать их в рамках дозволенного. Они арестовывали и убивали каждого, кто говорил на улице по-украински. Одним словом, террор, который нельзя назвать ни белым, ни красным, а можно охарактеризовать попросту как черный, господствовал в тех местах Украины, куда они пришли. В течение нескольких дней в настроениях крестьян, мелкобуржуазных элементов и даже городского рабочего населения произошел такой крутой перелом не в пользу Советов, что немецкому Генеральному штабу и его детищу, Раде, даже не пришлось искать какого-либо предлога, чтобы вступить на Украину в роли «освободителей». Классовая борьба на Украине, если учесть особые общественные отношения в этой части России, должна была и без того представлять собой длительный и сложный процесс. Центральным державам, безусловно, в любом случае пришлось бы при вторжении в эту богатую зерном область искать какой-либо предлог. Но грубая ошибка, совершенная Советами Северной России, когда они, надеясь ускорить этим взрыв социальной революции, совершили вооруженное вторжение на Украину, а также непростительная беспечность, проявившаяся в том, что они доверились при этом худшим элементам из числа красногвардейцев, — облегчили врагу осуществление его задач.

18 февраля рано утром я вошел в вестибюль Таврического дворца. Революционные мнения, по-видимому, могли высказываться вполне беспрепятственно. Один из лидеров левых эсеров высказал свой взгляд следующим образом: «Чем больше областей занимают немецкие генералы, тем больше революционного горючего материала, готового взорваться, они будут накапливать за своей спиной на захваченной ими территории. Революция, поставленная в нелегкое положение, найдет подпольные методы борьбы». Левые эсеры и анархисты самым настойчивым образом подчеркивали, что нельзя ни подписывать мира, ни вообще вести переговоры с Центральными державами. Они были за революционную борьбу по всему фронту. Некоторые из большевиков также склонялись к их точ-

ке зрения, но другая группа, и притом, несомненно, самая большая, говорила о необходимости подписать «невыгодный» мир. Я слышал даже, как то один, то другой подвергал критике Троцкого за то, что он не воспользовался полномочиями, которыми его наделил съезд, чтобы после заявления протеста все же прийти к соглашению с противником. Ближе к вечеру собрался ЦИК и после бурных, продолжавшихся свыше трех часов споров принял решение заявить в радиограмме Центральным державам о готовности подписать мир на условиях, предложенных в Брест-Литовске, что означало для революции потерю части балтийских провинций и выполнение обязательства о выплате военных контрибуций в размере нескольких миллиардов золотых рублей. Всеобщее мнение было таково, что пока юго-восточные губернии и Украина находятся в руках Советов, контрибуцию еще можно было бы так или иначе выплатить. Кроме того, русская революция могла бы использовать предстоящий мир для укрепления своего влияния на рабочих Германии и Австрии. Левые эсеры в принципе не были согласны с посылкой телеграммы, но решили не сопротивляться этому. Немцы продвинулись еще недалеко. Далее, имелось достаточно причин к тому, чтобы они, рано или поздно, в случае дальнейшего продвижения в этих далеко простирающихся областях натолкнулись на трудности. Они вступили в Белоруссию и приближались к границам Эстонии. Но продвижение происходило в тот момент довольно медленно, и думали, что матросы и отборные части петроградских и московских рабочих будут все же в состоянии преградить немцам путь в сердце революционной России. Каждый чувствовал, что красная столица, во всяком случае, вне опасности.

В течение последующих двух дней мы еще предавались этим утешительным соображениям. Все еще не было ответа с немецкой стороны на телеграмму, которая предложила подписание мира, что было достаточным для того, чтобы вызвать чувство беспокойства. «Может быть, они, в сущности, и не хотят никакого мира и полны решимости уничтожить революцию», — я слышал, как так говорили многие делегаты в Таврическом дворце. Один красногвардеец, только что прибывший из района Витебска, сказал мне, что немецкие колонны медленно, но непрерывно продвигаются в восточном направлении и что никто не в состоянии оказать им действенное сопротивление. Немецкие головные походные заставы видели уже в Орше. Я улегся в этот вечер спать в состоянии большого беспокойства.

Вскоре пришло известие, поразившее всех как гром. В середине следующего дня была принята немецкая радиограмма, содержащая

условия, на которых Центральные державы были готовы подписать мир. Наши худшие опасения подтвердились. Если уже те условия, какие Гофман предложил Троцкому, были тяжелыми, то они все же не шли ни в какое сравнение с новыми. Было совершенно ясно, что партия Людендорфа решила нанести революции смертельный удар. Неудача берлинской стачки помогла одержать верх над умеренными тенденциями, которые представляли Кюльман и немецкое Министерство иностранных дел. Первоначальный военный план в отношении востока был вновь возрожден. Обладание линией Ревель—Киев считалось уже недостаточным. Требовали линии Нарва—Витебск—Харьков—Крым. Советы Северной России должны были далее обязаться заключить мир с Радой, продиктованный Центральными державами. Тем самым исчезала надежда на возможность «выкупить» Украину путем выплаты военной контрибуции. Эту хлебную житницу собирались вырвать из живого тела России. Во всех занятых немецкими войсками областях гражданские и полицейские власти должны были быть созданы немецкой военщиной и контролироваться ею. Кроме того, были сохранены требования выплаты контрибуции, а в некоторых отношениях даже усилены, так что общая сумма достигала неопределимых размеров.

В Таврическом дворце царил атмосфера бессильной ярости. Делегаты стояли, собравшись группами. Одни ждали курьеров с фронта, другие спешно создавали отряды Красной гвардии для защиты Петрограда. Некоторые считали, что надежды на успешное сопротивление нет, поскольку крестьяне остаются пассивными. Эти люди советовали оставить Петроград и Москву и отступить за Урал. Каждому революционному лидеру и делегату нужно было выдержать в этот день ужасную борьбу с самим собой. Русская революция находилась подобно Фаусту в моральном конфликте с Мефистофелем. Казалось, что это она громко, во всеуслышание восклицала:

«Но две души живут во мне,
 И обе не в ладах друг с другом.
 Одна, как страсть любви, пылка
 И жадно льнет к земле всецело,
 Другая вся за облака
 Так и рванулась бы из тела».

В этот час испытания у революции были свои идеалисты, которые были готовы принести в жертву на алтарь идеи все материальные, реально осуществимые возможности в надежде, что будущие поколения поймут,

что это поколение чистым и безупречным шагало навстречу собственному уничтожению. Но у революции были и свои реалисты, которые были готовы воспользоваться ощутимыми выгодами, какие предоставляла обстановка в качестве залога больших приобретений в будущем. Первые находились в рядах левых эсеров и анархистов, равно как и отчасти среди большевиков, вторые имелись исключительно среди большевиков. Показателем того, до какой степени не имели к этому времени значения меньшевики и правые эсеры, был тот факт, что во время этого великого кризиса кучка их делегатов в составе ВЦИКа целиком и полностью оставалась на заднем плане.

Первым голосом, который прозвучал как зов вождя во тьме, был голос Ленина. В большевистском органе «Правда» появилась подписанная Лениным статья, в которой он в решительном тоне изложил причины, в силу которых русская революция должна подписать мирные условия Центральных держав. Эта статья распадалась на ряд пунктов, и ее значение как фактора, явившегося для хода революции в эти часы решающим, делает существенным изложение ее здесь в главных чертах. Вот выдержка из статьи:

I. Русская революция, достигшая в октябре своего наивысшего пункта, по необходимости должна пройти сквозь период классовой борьбы, ибо невозможно ожидать, чтобы имущие классы без борьбы отказались от своих привилегий, зато значит, что Советы должны сконцентрировать свои силы на борьбе внутри страны.

II. Внешняя политика русской революции должна вытекать из международного положения в целом — а именно, из того, насколько вероятен взрыв социальной революции в остальных странах Европы. События последних недель доказали, однако, что надежды на подобный взрыв невелики. Поэтому строить свою политику, опираясь на возможные случайности, было бы для русской революции ошибкой.

III. В Германии реакция в настоящий момент победила и поставила русскую революцию перед выбором: либо продолжать войну, либо подписать аннексионистский мир.

IV. Говоря объективно, подписание мира с немецкими империалистами не означает измены международному социализму. Если рабочие проигрывают стачку и оказываются вынуждены принять плохие условия, выдвинутые нанимателями, то никак не означает измены своему классу тот факт, что им не удалось добиться удовлетворения всех своих требований. Они принимают плохие условия только для того, чтобы подготовиться к новой грядущей борьбе.

V. Если бы русская революция продолжила войну против австро-германского империализма, действуя совместно с англо-французским империализмом и на основе старых тайных договоров, опубликованных Россией, вот тогда-то она бы опустилась до роли простого орудия в руках иностранного империализма.

VI. До тех пор, пока классовая борьба в Германии и Англии не достигла такой остроты, которая отчетливо показывала бы, что обе страны вступают в социальную революцию, русской революции приходится думать о наиболее благоприятных условиях своего существования, которые следовало бы сделать возможно меньше зависящими от английского и германского правительств. Русская революция должна занимать по отношению к обоим воюющим империалистическим лагерям нейтральную позицию, а это возможно для нее только в том случае, если она сама вырвется из войны.

VII. Неправда, что русская революция, заключая сепаратный мир с немецкими империалистами, бросает своих социалистических товарищей в Англии и во Франции на произвол судьбы. Революционное движение в западных странах по необходимости должно быть более медленным, чем на Востоке. Несмотря на это Россия, учитывая свою фактическую слабость, вынуждена поначалу думать о возрождении собственных сил для внутреннего восстановления.

VIII. Втягиваться в священную войну против германского империализма в надежде на вспышку социальной революции в Германии в течение ближайших двух месяцев было бы безумным предприятием, ибо поражение, которое мы могли бы в результате потерпеть, означало бы для дальнейшего развития революции в России еще более тяжелые условия.

IX. Заключая сепаратный мир, Россия может рассчитывать на то, что англо-германские империалисты так сильно вовлечены в борьбу между собой, — не на жизнь, а на смерть, что не смогут нанести русской революции какой-либо, еще более чувствительный удар⁴¹.

Статья тотчас же стала предметом ожесточеннейших дебатов. Решающий момент настал. Срок нового немецкого ультиматума наступал на

⁴¹ Хотя Прайс называет этот текст «извлечением» из статьи Ленина, появившейся в «Правде» 24 февраля 1918 г., приводимый им текст не воспроизводит полностью ни текста этой статьи, ни текста всех 22 тезисов Ленина. Приведенный Прайсом текст представляет собой разбитое на 9 параграфов переложение главного содержания некоторых важнейших ленинских тезисов (пунктов 3, 6, 17, 9, 10, 18 и 21). Таким образом, многие из тезисов Ленина здесь не изложены. В то же время в тексте Прайса встречаются аргументы, которых нет в ленинских тезисах. Они сделаны Прайсом, главным образом, видимо, в расчете на английского читателя его книги.

следующее утро, и еще этой ночью ВЦИК должен был собраться, чтобы принять тяжелое, важное для судеб страны, решение. В те недолгие часы, которые оставались до открытия заседания, эта статья действовала как дрожжи на тесто. Она нашла много сторонников и, как казалось, ожесточенных противников. Большевики и левые эсеры в составе ВЦИКа собрались на фракционные заседания, чтобы обсудить положение.

В недрах обеих групп одинаково не было единодушия, и после долгого и бесплодного обсуждения около полуночи решили, что обе фракции соберутся совместно в центральном зале Таврического дворца, чтобы выяснить, нельзя ли в результате совместного заседания прийти к какому-либо решению. В этом заседании участвовали также анархисты. Единственной группой, которая оставалась исключенной из этих заседаний, была кучка меньшевиков и правых эсеров. Находясь на галерее, я был свидетелем этого заседания и никогда не забуду подавленного и напряженного настроения, царившего в этот вечер. Какой контраст в сравнении с теми триумфальными сценами, какие видел этот же зал еще две недели назад при открытии съезда Советов. Те несколько человек, которые присутствовали, как и я, на этой встрече в качестве зрителей, испытывали те же самые душевные страдания, что и сами делегаты. То я ловил себя на тайной надежде, что осторожная политика Ленина одержит победу, то в следующий же момент я был близок к тому, чтобы крикнуть делегатам в зале, что они должны отклонить подписание мира и объявить священную войну империализму западных стран.

В половине первого ночи на трибуну поднялся военный комиссар и командующий Красной армией Крыленко⁴², имевший в старой армии чин прапорщика. Он прочел сообщения с фронта, из которых следовало, что остатки старой армии на Северо-Западном фронте отказывались сражаться и отступали перед слабыми немецкими колоннами. Одни только революционные отряды эстонских и латышских добровольцев еще оказывали сопротивление врагу. Затем поднялся матрос Балтийского флота и прочел отчеты Комиссариата по морским делам, которые раскрывали почти полную невозможность защищать далее с помощью морских сил Финский залив, ибо часть технического персонала флота в критический момент и перед лицом врага проводила саботаж. Береговые батареи, которые все обслуживались солдатами старой армии, тоже были обречены на бездействие, ибо люди попросту разбегались по домам. Матросы Бал-

⁴² Н.В. Крыленко (1885–1938) — прапорщик, верховный главнокомандующий Русской армией в ноябре 1917 г. — марте 1918 г.

Карл Бернгардович
Радек

тийского флота, ряды которых поредели ввиду отправки вспомогательных отрядов против Каледина, не могли больше одни удерживать залив. Обе речи произвели ужасное впечатление на делегатов. Борьба была явным образом совершенно безнадежна. Но это обстоятельство, как видно, только разожгло героический дух, живший среди некоторых большевиков и левых эсеров. Коллонтай⁴³, комиссар социального обеспечения, гневно обвиняла Ленина в измене революции за опубликование статьи. Она буквально вцепилась в него, находясь позади трибуны. «Долой этот оппортунизм! — кричала она. — Вы советуете нам сейчас ту самую вещь, за которую вы в течение всего лета нападали на меньшевиков — компромисс с империализмом!» Ленин при этом спокойно и невозмутимо провел рукой по подбородку и устремил свой взор вперед в то время, как горячая голова Радек⁴⁴ нервно шагал позади трибуны взад и вперед, бледный, с глазами, налившимися кровью. Казалось, что он чуть ли не разрубает на куски генерала Гофмана, порожденного его собственным воображением. Он потребовал слова и в резком тоне заявил с трибуны, что подписание этого мира означало бы моральное банкротство русской революции и выдачу Восточной Европы на милость прусской реакции. «Какими глазами вы сможете смотреть в лицо польским, литовским, ла-

⁴³ А.М. Коллонтай (1872–1952) — в 1917–1918 гг. нарком государственного призрения РСФСР.

⁴⁴ К.Б. Радек (1885–1939) — с ноября 1917 г. заведующий Отделом внешних сношений ВЦИКа, член коллегии Народного комиссариата иностранных дел РСФСР, в декабре 1918 г. в Германии, где в 1919 г. арестован, в январе 1920 г. освобожден и выехал в Москву.

тышским, эстонским и белорусским социалистам после того, как вы их выдали немецкому Генеральному штабу?» После Радека поднялся профсоюзный деятель Рязанов, чтобы страстно возразить против мысли о заключении мира и заявить, что для революции было бы лучше погибнуть с честью, чем так постыдно кончить свой путь. Казалось, никто не хотел выступить за подписание мира, и все выглядело в точности так, как будто идеалистам предстояло одержать победу.

Но вот поднялся Ленин, хладнокровный, невозмутимый, как всегда. Никогда еще столь тяжелая ответственность не лежала на плечах одного человека. И все же было бы ошибкой думать, что в этом кризисе именно его личность была решающим фактором. Сила Ленина тогда, как и в последующее время, опиралась на его способность правильно оценивать психологию русских рабочих и крестьянских масс, шла ли при этом речь о сознательных или подсознательных процессах. Казалось, даже без созыва нового Всероссийского съезда Советов он знал, каково мнение членов многих тысяч губернских и уездных советов. «Остережемся, — начал он, — быть рабами наших собственных фраз. Рассмотрим лучше практические условия, перед лицом которых оказалась революция. Наша первая реакция, казалось бы, должна состоять в том, чтобы возмутиться и отказаться подписывать этот разбойничий мир. Но в следующую, более спокойную минуту наш разум откроет нам всю голую правду, а именно то, что Россия физически не в состоянии оказывать сопротивление, ибо в результате трехлетней войны ее силы исчерпаны. Могут быть, конечно, люди, которые готовы бороться и умирать, защищая великое дело. Но это — романтики, которые пожертвуют собой, не принеся этим пользу делу. В наше время войны выигрывают не с помощью одного воодушевления, а благодаря техническому превосходству, состоянию железнодорожного транспорта, обладанию в изобилии военными материалами и т.д. Обладает ли наша революция каким-либо из этих факторов в своей борьбе против врага, на стороне которого все технические достижения буржуазной цивилизации? Русская революция должна подписать мир, чтобы добиться передышки для собирания сил и продолжения борьбы. Осью, вокруг которой вращается ныне мировая война, является соперничество между английским и немецким финансовым капиталом. Эту борьбу революция должна использовать в своих собственных целях».

Речь Ленина немедленно оказала сильное влияние. Кажется, никто не находил в себе сил, чтобы возразить ему, так как каждый чувствовал, что Ленин прав. Я сам, несмотря на мое жгучее стремление к реваншу, начал склоняться к ленинским взглядам. Был объявлен перерыв до двух часов

ночи с тем, чтобы пригласить меньшевиков и правых эсеров и открыть пленарное заседание ВЦИКа. Затем Камков⁴⁵, лидер левых эсеров, официально выступил от имени своей партии, которая в перерыве приняла решение. Он признал фактическую правильность ленинских доводов, но от имени своей партии отказался нести перед лицом Европы моральную ответственность за подписание постыдного мира. «Советам следовало бы, — заявил он, — лучше очистить Петроград, отойти вглубь страны и предоставить немцам спокойно продвигаться вперед, если они на это решатся. Но если будет принято противоположное решение, то левые эсеры не будут ему противодействовать, однако они отзовут своих членов из состава СНК». В 5 часов утра было решено провести голосование, освободив всех его участников от соблюдения партийной дисциплины. Вряд ли я когда-либо забуду эти мгновения. Все, казалось, зависело от этого голосования. До последней минуты я сам еще был в нерешительности насчет того, какому из направлений русской революции, боровшихся между собой за преобладание, я желал победы. Наконец, решение было вынесено. В 5 часов утра состоялось голосование путем поднятия рук. За подписание мира проголосовало 112 человек, против — 34 и 24 — воздержались. Около 6 часов утра — это было морозное зимнее утро — я вернулся домой, чтобы тут же забыться во сне от усталости и голода.

На следующий день те делегаты и комиссары-большевики, которые минувшей ночью выступали против Ленина, совершили поездку по городу и фабрикам, чтобы составить себе впечатление о настроении народа. Днем они вернулись в Смольный, сами проникнутые убеждением, что всякое сопротивление было бы невозможно. Лучшие и самые дальновидные рабочие Путиловского, Балтийского и Обуховского заводов, так же как и рабочие железнодорожных мастерских и верфей, уяснили себе положение, в котором находилась молодая советская республика, и при других условиях были бы готовы влиться в ряды Красной гвардии, как они это сделали, когда разбили Керенского в Царском Селе, как это сделали матросы, чтобы сражаться против Каледина. Но они отказывались вступать в безнадежную борьбу с хорошо вооруженными и дисциплинированными немецкими армиями, без поддержки крестьян, составлявших стеновой хребет старой армии. Уж лучше заключить мир на сколько-нибудь приемлемых условиях и предоставить немцам самим разбивать себе головы на Украине и в прибалтийских губерниях; у Великороссии все еще останутся в качестве базы Донецкий угольный бассейн, Урал и пше-

---

⁴⁵ Б.Д. Камков (наст. фам. Кац) (1885–1938) — один из лидеров Партии левых эсеров.

Борис Давидович
Камков

ничные области Поволжья. Между тем Ленин послал всем губернским Советам республики телеграмму с призывом сообщить свою позицию по вопросу о том, следует или нет ратифицировать мир. В телеграмме сообщалось, что ВЦИК в ходе последнего ночного заседания принял немецкий ультиматум и уже послал делегатов в Брест-Литовск для подписания мира, чтобы предотвратить дальнейшее продвижение немцев, но во власти губернских Советов остается отменить это решение, так как договор требует ратификации Чрезвычайным съездом Советов, который должен быть созван возможно скорее.

Между тем мы, затаив дыхание, ожидали ответа немцев. Прошел день, затем еще один. Это ожидание было мучительным. Все громче раздавались голоса, что немцы, возможно, вообще не намереваются подписать мир, а хотят двинуться на Петроград и Москву. Во второй половине дня по городу распространились тревожные слухи о том, что немцы заняли Псков и их части уже достигли узлового пункта железнодорожной линии Великое—Бологое. Автомобили из Смольного пронеслись по рабочим кварталам с листовками, призывавшими рабочих вступать в Красную гвардию, чтобы защитить Петроград в случае немецкого нашествия. На следующее утро можно было увидеть отряды рабочих, вооруженных винтовками и лопатами, которые направлялись к Балтийскому вокзалу, чтобы сооружать окопы вдоль южной границы города. В воздухе царилло ощущение, что если рабочим и не удастся получить поддержку в своей борьбе со стороны крестьян, то они все же смогут сделать свою собственную столицу таким пчелиным гнездом, что генерал Гофман дважды задумается, прежде чем предпримет попытку захватить город и удержать

его в своих руках. В тот же день от немцев поступил ответ, в котором говорилось, что Центральные державы готовы подписать мир на условиях, изложенных в ультиматуме. Делегаты должны прибыть в Брест-Литовск. Ни одним словом не упоминалось, однако, о прекращении немецкого продвижения вперед и, как бы демонстрируя презрение, какое немцы, казалось, испытывали по отношению к «красной столице революции», днем из Пскова прилетел немецкий самолет и сбросил две бомбы на набережную Фонтанки.

Между тем хаос на юго-западе возрастал. Особые, отборные галицийские полки австрийской армии, руководимые предательской Радой, начали продвигаться к Киеву. Им навстречу выступили польские легионеры, которые отстаивали притязания Польши на Западную Украину. С другой стороны, отряды тех же самых польских легионеров оперировали вблизи Минска под командованием Пилсудского⁴⁶ совместно с немцами, при их продвижении против русской революции. Чехословацкие дивизии, которые в прошлом дезертировали из австрийской армии, соединились неподалеку от Киева с небольшими красновардейскими частями, чтобы бороться против наступающих армий Центральных держав. Но отношения между красновардейцами и чехословаками были уже в то время далеко не дружественными. И в том, и в другом лагере были настроены раздраженно, обвиняли друг друга в тайном сговоре с врагом. Уже в этом заключалось семя грядущих раздоров.

Вечером в Таврическом дворце собрался ЦИК и заслушал сообщение Троцкого о текущем моменте. Троцкий в течение нескольких дней не появлялся, и никто, казалось, не знал, что с ним, но в этот вечер он вновь появился и, употребляя всю свою энергию и нервное напряжение, стал направлять стрелы гневного сарказма против империализма Центральных держав и союзников, на алтаре которых русская революция должна была быть принесена в жертву. После этого он вновь исчез и, согласно распространившимся слухам, ярость и отчаяние охватили его в такой степени, что он был совсем разбит и рыдал. Но его выступление не было напрасным, как он в тот момент, видимо, думал. Его слова были услышаны во всем мире и, если они и не способны были превратить в пыль крепость капитализма и империализма, то они все же поколебали ее в самых ее основах.

---

⁴⁶ Ю.К. Пилсудский (1867–1935) — в ноябре 1918 г. — 1922 г. начальник государства Польского.

Поступили первые ответы на телеграмму Ленина губернским Советам, и целые их пачки были напечатаны в официальных «Известиях». Они дали заслуживающую большого внимания картину настроений, царивших в провинции, и показали, как верно Ленин в ту историческую ночь оценил чувства своих соотечественников, когда, опираясь только на самого себя, стремился побудить ВЦИК принять немецкий ультиматум. Советы городских и промышленных районов Северной и Центральной России сообщили в своих резолюциях, что рабочие были бы готовы сражаться, так как они вполне сознают последствия подписания мира. Однако в большинстве резолюций их авторы избегали занять определенную позицию, тех же, кто открыто выступал за подписание мира, высказывалось меньше. Необходимо, не теряя ни минуты, немедленно начать создание сильной Красной армии из числа преданных элементов трудящихся классов. Провинциальные крестьянские Советы большей частью подчеркивали, что Россия обессилена, и это делает невозможным продолжение борьбы и превращает мир в главное требование момента. Таким образом, было ясно, что на успешное сопротивление нельзя было рассчитывать. Ленин знал, что требование момента состояло не в том, чтобы продолжать старую войну, а в том, чтобы используя передышку, провести разоружение контрреволюционных банд, скопившихся на плодородных окраинах России, а также заложить основы свободной рабоче-крестьянской армии.

Чичерин⁴⁷, который отправился в Брест-Литовск в качестве главы делегации по мирным переговорам, подписал договор от имени советской республики. Но немцы не прекращали своего продвижения вперед. Налеты аэропланов на Петроград усиливались. Из Пскова немецкие передовые части продвинулись до Луги, и распространялись тревожные слухи о том, что Московско-Петроградская железная дорога перерезана. Что бы там ни думали тогда дипломаты Центральных держав, немецкий Генеральный штаб имел намерение там, где это казалось хоть сколько-нибудь разумным, продвигаться вперед, вопреки всем мирным договорам. Началась поспешная разгрузка Петрограда. Банковские активы, сокровища музеев, самые дорогие машины и запасы оружия, хранившегося на складах военных заводов, доменные печи были спешно эвакуированы внутрь страны. Возникший еще во время Керенского план перевести резиденцию правительства в Москву, а некоторые важные для страны

⁴⁷ Г.В. Чичерин (1872–1936) — в 1918–1930 гг. нарком иностранных дел РСФСР (СССР).

промышленные предприятия в центральные губернии, стал задачей дня больше, чем когда-либо раньше. Петроград являл собой тогда необычное зрелище. Каждый мечтал эвакуироваться. Натиск на вокзалы не поддавался никакому описанию. Инстинктивно каждый, казалось, знал, что Петроград, будучи изолирован от страны и расположен далеко на Севере, обречен на ужасную голодную нужду, даже в том случае, если большая часть населения покинет город. Трудности в снабжении Петрограда достаточным количеством продовольствия обнаружались еще при царизме уже после года войны, речь шла при этом буквально о жизни и смерти. Растущее стремление покинуть город объяснялось также опасением того, что немецкие генералы в качестве залога для обеспечения только что подписанного договора решатся захватить город в свои руки.

В то время, как различные советские комиссии усердно занимались эвакуацией Петрограда и перенесением места пребывания правительства в Москву, произошло событие, которое пролило яркий свет на позицию союзников по отношению к советской республике в этот час крайней опасности. Когда люди поняли, что простого подписания мирного договора недостаточно, чтобы удержать немецких генералов от дальнейшего наступления вглубь России, вопрос о создании Красной армии стал жгучей проблемой дня. По поручению СНК по этому вопросу выступил Троцкий, который к этому времени ушел из Комиссариата по иностранным делам и возглавил Комиссариат по военным делам. Он обратился к представителям военных миссий союзников в Петрограде, чтобы просить их о поддержке при создании Красной армии. Он потребовал присылки инструкторов и технических организаторов. Была согласована встреча в военном министерстве, на которой присутствовали Троцкий и представители британской, французской и американской военных миссий. Переговоры длились несколько часов, и об их результатах общественности не было ничего сообщено. Наконец стало известно, что английский представитель выдвинул ряд условий, которые должно было выполнить советское правительство, прежде чем союзники изъявят готовность оказать ему какую-либо помощь. Выяснилось, что этот представитель хотя и не настаивал на немедленном объявлении войны Центральным державам, но выставил зато ряд условий, выполнение которых было бы равносильно восстановлению военной дисциплины, существовавшей в прошлом в царской армии⁴⁸. Но основным принципом

---

⁴⁸ Эту информацию автор этих строк получил из уст одного чиновника Комиссариата иностранных дел, который сам присутствовал на этом заседании. (Прим. авт.)

«Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» — основы конституции республики — являлось разоружение имущих классов и офицерской касты, интересам которых она служила. Поэтому было маловероятно, чтобы Троцкий согласился наводнить новую армию доверенными людьми, подобранными миссиями Антанты, — людьми, которые были бы, разумеется, пропитаны духом диктаторского высокомерия. Американский представитель занимал в этом вопросе, по-видимому, не столь резкую позицию, и в течение нескольких дней некоторые подразделения красновардейцев действительно прошли военную подготовку в Петрограде с помощью американских инструкторов, которые, впрочем, скоро были отозваны. Так союзники саботировали военные усилия советской республики и предпочитали наблюдать за тем, как немецкий империализм топтал ее беспомощное живое тело, вместо того чтобы помочь ей выпрямиться и стряхнуть с себя тиранов. Причины такой политики были прозрачно ясны. Успех советской республики, если заглянуть в будущее, мог бы вырасти для них в большую опасность, нежели успех прусского милитаризма.

Между тем немецкие армии достигли на Северном фронте линии Нарва—Чудское озеро—Могилев, после чего их продвижение застопорилось. Петроград был спасен, и разгрузка столицы совершалась планомерно в течение первых двух недель марта. Народные комиссары и ВЦИК переехали в Москву, где был созван Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. Продвижение войск Центральных держав началось теперь на Южном фронте. Согласно букве мирного договора, Центральные державы имели право занять Украину и осуществить ее «самоопределение» — конечно, таким способом, какой казался им самым лучшим. Красновардейцы повсюду отступали, будучи не в силах оказать сопротивление превосходящему противнику. Вдобавок красновардейские отряды, посланные на Украину, так сильно подорвали свою популярность, что рабочие и крестьяне чуть ли не приветствовали приход немцев. Так закончилась первая весьма трагическая глава в истории отношений севернорусских Советов и Украины. Но немецкие генералы продвигались все дальше вперед, угрожали угольному бассейну Екатеринослава, заняли северное побережье Черного моря, порт Одессу и находились уже в непосредственной близости к Донецкому угольному бассейну. Агенты Людендорфа в России протянули свои руки к землям, которые совсем не упоминались в мирном Брест-Литовском договоре. Могла ли советская республика оказать им сопротивление? Удастся ли создать мощное ядро Красной армии, которое было бы достаточно дисциплинированным, что-

бы держать немцев под ударом? Ответ опять-таки зависел от союзников. Чрезвычайный съезд Советов должен был решить, следует ли ему ратифицировать разбойничий мир, подписанный в Брест-Литовске, который не уважали даже те, кто его продиктовал. Последняя надежда на организацию сопротивления и на возможность отказаться от ратификации мира зависела от того, прекратится ли бойкот, которому подвергалась советская республика со стороны союзников. Но мартовские дни уходили один за другим. Правительства Антанты не могли забыть опубликования советской республикой тайных договоров. Они не решались сражаться плечом к плечу с правительством, чью мирную программу Троцкий во всеуслышание провозгласил перед прусскими генералами в Брест-Литовске. Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов ратифицировал мир с Центральными державами и революция начала свой одинокий тернистый путь.

Глава 17. Закон о земле и Советы в провинции

Если бы я должен был охарактеризовать в нескольких словах политическое положение России в то время, то я сравнил бы его с предметом из воска или какого-нибудь другого мягкого вещества, на котором кто-то уже поставил оттиск своей печати. Чтобы быть точным, нужно добавить, что на нем поставило свою печать не одно лицо и на поверхности вновь образовавшегося общества можно было разглядеть уже, по крайней мере, два оттиска. Круг идей большевиков-марксистов, лучшим и безусловно самым способным выразителем которых был Ленин, оказывал, как об этом свидетельствовал ход событий, несомненно, уже и в это время самое большое, самое стойкое влияние на весь ход революции. Но драму этих дней ни в малейшей степени нельзя понять, если пройти без внимания мимо лишь немногим менее важного влияния, которое оказывали анархисты и родственные им, гораздо более многочисленные, левые эсеры.

Уже в главе, в которой описывался Большой Конвент (III съезд Советов), я подчеркнул, что названные группы очень хорошо дали почувствовать свое влияние при выработке и проведении в жизнь «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Но еще отчетливее отразились их идеи в деятельности земельной комиссии, которой съезд Советов поручил выработать детали аграрного закона; этот закон должен был вымести прочь все пережитки феодализма, еще господствовавшего в земельных отношениях, и заложить в русских деревнях устои общества,

основанного на общинном принципе. В течение всего Брест-Литовского кризиса эта комиссия заседала в одном из пустых залов Смольного. Никто не обращал большого внимания на ее работу, и я был, вероятно, единственным посторонним, который присутствовал на большинстве ее заседаний и внимательно следил за ходом ее работы.

Чтобы обеспечить за собой поддержку со стороны партии, которую тогда поддерживала вся масса мелких крестьян, большевики предложили левым эсерам руководство комиссариатом сельского хозяйства, а позже также и половину мест в составе земельной комиссии. Это обстоятельство оказало большое влияние на разработанное тогда аграрное законодательство. Чтобы в этом убедиться, достаточно хотя бы немного проанализировать отдельные статьи Закона о земле, который был тогда в качестве результата работы земельной комиссии представлен на утверждение. Но ход прений в самой комиссии был, пожалуй, еще интересней, чем результаты, которыми они увенчались. Во время дебатов разногласия между обеими точками зрения, представленными большевиками и левыми эсерами, выявились очень отчетливо. Первые отстаивали тот взгляд, что классовая борьба захватит также деревню и что скоро вообще не будет существовать класса крестьянства как такового, а будет только целый ряд борющихся между собой классов внутри крестьян каждой отдельной деревни, и произойдет это именно тогда, когда вопрос о разделе поместий примет острый характер. Они полагали, что носителем революции в провинции будет беднейший элемент крестьянства, который, опираясь на городской пролетариат, проложит дорогу в сельское хозяйство системе государственного капитализма в качестве прелюдии к уничтожению классов в деревне. В противоположность этой точке зрения левые эсеры и симпатизирующие им анархисты выступали за свободную и независимую сельскую трудовую коммуну в качестве оплота против бюрократической государственной машины, которая была им одинаково ненавистна, независимо от того, будет ли она пущена в ход господствующей пролетарской диктатурой или, как это было раньше, земельной аристократией.

К началу совещания левые эсеры, казалось, преобладали, Мария Спиридонова была избрана председательницей комиссии в то время, как комиссар земледелия Колегаев⁴⁹ представил от имени ЦК партии левых эсеров проект Закона о земле, который отражал взгляды этой партии в данном вопросе. Это был чрезвычайно интересный документ, поскольку вместо довольно туманных высказываний, которые были в общем ха-

⁴⁹ А.А. Колегаев (1887–1937) — в 1917–1918 гг. нарком земледелия РСФСР.

рактерны для левых эсеров, их воззрения на этот раз оказались высказанными более отчетливо. Основным принципом законопроекта было уравнительное землепользование. Старая традиция, которая в течение столетий наблюдалась в русских деревнях, а именно та, что никто не должен иметь больше земли, чем он в состоянии обработать собственными силами, была здесь переведена на язык закона. Но эта традиция имела в основе своей бедность, в которой крестьянин жил под властью своего помещика-дворянина. Цель эсеров состояла не в том, чтобы найти такую общественную форму обработки земли, при которой каждый работал бы для всего общества, — что соответствовало бы идее, заложенной в этом законе, а, в сущности, только в том, чтобы помешать крестьянину приобретать какие-либо преимущества в сравнении с его соседями в условиях той всеобщей бедности и приниженности, в каких все жили до революции. И так, анархистские элементы попытались использовать эту столь характерную черту севернорусской деревни, чтобы достигнуть полного торжества общинных порядков на развалинах классового господства, достигнуть их сразу, минуя промежуточные ступени частного или государственного капитализма. Разве не в этом же состояла идея, которую за добрые сорок лет до того проповедовали народники, отстаивавшие тот взгляд, что Россия имеет предназначение проложить дорогу к коммунизму, совершив быстрый шаг вперед и минуя стадию промышленного капитализма? Не отразилась ли здесь, далее, та самая идея, которая побудила бланкистов выпустить свой манифест 1874 г., направленный против марксистов I Интернационала, — тот манифест, в котором они называли себя «коммунистами» и высказали надежду достигнуть поставленной перед собой цели без промежуточных ступеней и компромиссов? И вот эта идея вновь явилась нам, на этой стадии великой русской революции, проявившись в высказываниях и действиях тех, кто представлял среднее крестьянство. Но уже один тот факт, что левые эсеры и анархистские группы были рупором только части населения русской деревни, а именно мелких крестьян, показывал, что трудовая коммуна, охватывающая крестьян как монополитный класс, была утопией, ибо в русской деревне процесс расслоения сельского населения на борющиеся между собой классы уже зашел весьма далеко. К этому надо прибавить, что дальнейшее революционное развитие в деревне ясно доказывало, что партия левых эсеров объединяла не только альтруистически, анархо-коммунистически настроенных интеллигентов, но в ней нашли представителей своих интересов мелкие собственники, которые от случая к случаю прибегали к революционным фразам, прикрываясь ими.

Андрей Лукич Колегаев

Скоро стало ясно, что большевики — члены комиссии не склонны были предоставить решение земельного вопроса полностью левым эсерам и анархистам. Они хотели внести в проект, предложенный Колегаевым, формулировки, которые свидетельствовали бы о более реалистическом подходе. Члены комиссии — левые эсеры энергично высказались против принципа создания государственных показательных имений, в которых рабочие были бы точно так же, как и в каждом частно капиталистическом концерне, простыми наемными рабочими. «Уж не должна ли революция вновь ввести наемное рабство — под надзором если не помещиков или буржуазии, то личностей, носящих широковещательные титулы “народных комиссаров”?» В таком роде высказывался левый эсер — член комиссии в ответ на предложение, внесенное большевиками на второй день заседаний комиссии. Это предложение касалось создания государственных имений под руководством комиссариата по сельскому хозяйству на базе высокоразвитых имений прежних частных хозяйств. Затем последовала долгая, довольно утомительная дискуссия, о которой я из частного источника узнал, что ЦК большевистской партии как раз дал указание своим представителям в земельной комиссии не очень настаивать на своих предложениях об улучшении проекта, а предоставить левым эсерам довольно значительную свободу действий. И здесь влияние Ленина также было несомненно. Было чрезвычайно важно на этой стадии борьбы с международным капитализмом проявить уступчивость по отношению к мелким крестьянам. До тех пор, пока можно было достичь компромисса по принципиальным вопросам, которые в настоящий момент не были жизненно важными и которые позднее можно было пе-

решить, Ленин должен был использовать эти компромиссы так, что они придавали ему дополнительные силы для борьбы на других фронтах.

Большевикам удалось внести в проект Колегаева некоторое количество формулировок и улучшений; несмотря на их кажущуюся безобидность, они означали появление марксистских тенденций. Так, например, статья 13 Закона о земле предусматривала, что органам советской власти предоставляется право в целях подъема сельского хозяйства с помощью устройства показательных и опытных хозяйств брать в аренду небольшие земельные участки из фонда сельскохозяйственных угодий и обрабатывать их силами наемных рабочих государственных предприятий, причем это арендное производство должно подчиняться соответствующему закону. Так большевикам удалось отстоять тот принцип, что при известных условиях и с известными оговорками центральная власть может участвовать в решении земельного вопроса; таким образом, можно было воспрепятствовать анархистской дележке земли, которая, в противном случае, в конечном счете под маской революционных фраз все же упрочила бы опять частную собственность. Большевики надеялись, таким образом, в согласии с левыми эсерами создать на обширных просторах Русской равнины островки государственно-капиталистических хозяйственных предприятий, в которых работа будет вестись по научнообоснованному плану и где сельский рабочий будет приучаться к дисциплине ради общего блага. Но левые эсеры были настроены так недоверчиво по отношению к этой попытке ввести бюрократические методы, что они настояли на том, чтобы в конце статьи 13 прибавить оговорку, согласно которой все государственные имущества подлежали бы рабочему контролю.

Больше споры возникли затем по вопросу о том, кому должно оказываться предпочтение при распределении участков земель латифундий, поступивших в распределение — обществам, учреждениям или различным категориям частных лиц. Большевики хотели, чтобы это было установлено таким образом, чтобы в каждом уезде, каждой губернии были созданы государственные хозяйства, на которые возлагалась бы задача обеспечивать продовольствием промышленные центры и обучать крестьян данной местности интенсивным методам обработки земли. Левые эсеры сейчас же выдвинули против этого тот довод, что это дало бы слишком большой перевес принципу государственной централизации и что вместо него надо предоставить сельскому Совету в каждой волости полную свободу решать самому, сколько земли можно выделить для этой цели и сколько достанется свободным коммунам сельских рабочих. После прений, длившихся почти два дня, при формулировании 20-й статьи

Закона о земле пришли, наконец, к известному компромиссу. Согласно этой статье государству, т.е. в данном случае Комиссариату земледелия, предоставлялось право запрещать распределение земли между частными лицами или сельскими коммунами для того, чтобы земля, взятая таким путем в руки государства, служила бы в конечном счете воспитательным целям. Земля, просто годная для запашки, должна была в первую очередь предоставляться коммунам сельских рабочих, которые обрабатывали бы ее совместно на выработанных ими самими условиях, во вторую очередь — группам семей, которым предоставлялось обрабатывать землю совместным трудом, и в третью очередь — отдельным семьям и частным лицам при том условии, что ни коммуна, ни частное лицо ни в коем случае не должны были получить земли больше, чем они в состоянии сами обработать.

Затем с согласия большевиков были приняты чрезвычайно подробные пункты, содержавшие указания о том, как следует в уездах устанавливать средний размер надела, который может обработать в течение года физически здоровый мужчина и который должен служить для него источником средств к существованию. Затем был установлен соответствующий размер надела для семей, имеющих трудоспособных членов, мужчин, женщин, молодых людей, девушек и стариков старше 60 лет. Вся страна была разделена на районы, для каждого из которых, с учетом климата и качества земли, был установлен определенный земельный надел для семьи, состоящей из определенного числа членов. В своей совокупности эти пункты представляли собой необычную и заслуживающую похвалы попытку провести в жизнь теоретическое требование о создании для каждого человека, принадлежащего к сельскому населению, равных экономических условий. Как почти все предложения, исходившие из кругов, близких к анархистам, все эти мероприятия были нацелены скорее на нивелировку жизненного уровня всех жителей села, на сведение его к определенному минимуму, чем на его повышение. Кроме того, эта мера была явно утопичной, поскольку представляла собой попытку перепрыгнуть к коммунистическому общественному строю, не позаботившись прежде о том, чтобы подготовить массы сельского населения к жертвам и принятию необходимой дисциплины. Мечтатели, вырабатывавшие эти пункты, вряд ли подозревали о том, что жители деревни, оказывавшие поддержку этому уравнительному плану, делали это в надежде, что это поможет им добиться более высокого общественного положения и что они смогут стать владельцами поместий за счет изгнанной со своих мест земельной аристократии. В действитель-

ности эти параграфы относительно выравнивания земельных участков в различных областях республики остались большей частью на бумаге, что свидетельствовало об отсутствии реализма у их авторов. Между тем большевики добились своей цели. Они кое в чем уступили мелкому крестьянству и зато посеяли первые семена государственного капитализма в сельском хозяйстве, которые затем в предстоящей борьбе против сельских богачей и ростовщиков могли быть развиты дальше и сформироваться отчетливее. Ибо классовая борьба, которая вместе с экспроприацией больших частных банков в городах практически уже закончилась, на селе находилась лишь в самом начале.

***

Брест-Литовский мирный договор был ратифицирован, Закон о земле принят ВЦИКом, Северная и Центральная Россия готовились к своей передышке. Как использует ее страна? Располагали ли Советы в отдаленных провинциях достаточным влиянием и имели ли они достаточный авторитет, чтобы привести в исполнение план нового общественного строительства, как его наметил в основных чертах большой съезд? Чтобы получить самому ответ на эти вопросы, я решил посетить Вологодскую губернию, причем одновременно я надеялся окрепнуть после жизни в оголодавшем Петрограде. Сцены, которые разыгрывались тогда в Петрограде и вдоль железнодорожной линии, вряд ли когда-либо сотрутся из памяти очевидцев этого зрелища. Старая столица царей подлежала эвакуации. Поезда, нагруженные музейными сокровищами, золотым запасом банков и дорогостоящими запасами металла крупных фабрик, целыми днями покидали вокзалы Петрограда. Другие поезда были переполнены беженцами из оккупированных немцами областей, демобилизованными солдатами старой армии, отрядами красногвардейцев, голодными рабочими и безземельными крестьянами, которые искали новой земли на востоке. На каждой станции местные железнодорожники или рабочие Советы издавали собственные приказы, назначали собственных комиссаров и не обращали никакого — или почти никакого — внимания на умоляющие телеграммы, поступавшие от центральных Советов Петрограда и Москвы. Иногда случалось, что отряды красногвардейцев захватывали целые железнодорожные составы, вынуждали пассажиров высаживаться и принуждали машинистов вести поезд в заданном ими направлении. Изрядное количество красногвардейских отрядов отказывалось

Павел Ефимович
Дыбенко

признать право центрального Совета ратифицировать Брест-Литовский мирный договор и продолжило вести партизанскую войну с немцами в западных губерниях. Самой знаменитой из них была армия Дыбенко⁵⁰, смелого большевистского матроса Балтийского флота, который со своими товарищами и рабочими Кронштадтской верфи объявил себя независимым от правительства, подписавшего позорный мир, и продолжал вести войну, как и до этого. Позднее он был арестован красногвардейцами, которые оставались верны Петроградскому и Московскому советам и ЦИКу, и передан Революционному трибуналу, который, впрочем, объявил ему только выговор. Но это произошло лишь после того, как он со своей армией исколесил большую часть западной и юго-западной России, распоряжаясь по своему собственному усмотрению железнодорожными поездами, чтобы, в конце концов, осесть в Крыму.

Повсюду можно было заметить, что дух мятежа еще исподволь тлеет в стране. Правда, помещиков или кадетских банкиров, против которых надо было восставать, больше не было, но были немцы, напавшие на страну, для которых их собственные договоры были только клочком бумаги, а в Петрограде и Москве были советские комиссары. Эти последние представляли собой власть, а по адресу каждой власти в те дни раздавались проклятия. Огромное пламя, которое столетиями тлело под поверхностью, должно было вырваться наружу. Примитивный ин-

⁵⁰ П.Е. Дыбенко (1889–1938) — в 1917 г. член Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих, председатель Центрального комитета Балтийского флота, народный комиссар по морским делам (до марта 1918 г.), летом 1918 г. направлен на подпольную работу в Одессу.

стинкт, взывавший к мщению тем, кто больше чем в течение целой человеческой жизни угнетал их класс, был силен и не останавливался перед воровством, убийством, грабежом и бранью по адресу буржуазии, теперь безоружной. Один левоэсеровский поэт воплотил в выразительных строфах дух тех дней. Двенадцать красногвардейцев без определенной цели бродят по городу, отнимают у прежних директоров банков меховые шубы, рассказывают друг другу о девицах, какие им повстречались в разных городах, и о том, как они в припадке гнева и любви приканчивали этих женщин. Их фигуры должны были явиться олицетворением того духа, который поднялся в эти дни на поверхность из бездомных глубин. Эти типы были обрисованы в революционном поэтическом творчестве, созданном Россией на рубеже 1917–1918 гг., с откровенностью и честностью, вызывающими удивление, и Блок изобразил их, по-видимому, чуть ли не полубожествами. При этом нельзя, однако, ни на минуту забывать, что эти символические образы мятежников одновременно свидетельствовали о недостатке дисциплины, что делало невозможным прочное, длительное существование диктатуры пролетариата и против чего большевики ныне выступили.

Конечно, не все «апостолы» принадлежали к такому крайнему типу людей. По прибытии в Вологду я встретил многих, правда, менее склонных к грабежу, но не менее опасных людей, ибо этот губернский город был узловым железнодорожным пунктом, через который шли поезда на юг и восток. Вскоре после моего прибытия я стал регулярным посетителем одной грязной чайной, находившейся напротив здания вокзала. В первый вечер за одним столом со мной сидела кучка демобилизованных солдат старой армии, которые говорили между собой о том, что хотят продать винтовки, боеприпасы и запасы продовольствия полка, в котором они ранее служили. Капитан был уже давно расстрелян за то, что он в дни Керенского приказал казнить одного дезертира по приговору суда. Они говорили о том, как во время перемирия люди продавали немцам орудия за хлеб. Те военные материалы, какие еще оставались, следовало бы, говорили они, направить в реквизируемых грузовиках в Вологду, а затем продать в окрестных деревнях. Так, маленькая доля сбережений французских крестьян, с помощью которых было осуществлено в свое время пополнение запасов вооружения, находившихся в руках царского милитаризма, нашла дорогу в избышки русских крестьян — действительно скромная замена тех десяти миллионов молодых русских, которые были убиты или ранены за последние годы ради барышей Парижской биржи.

На следующий вечер я повстречал мешочника, т.е. человека, который с мешком на спине циркулирует между голодным городом и деревней и продает зерно по ростовщическим ценам. Это был другой в этот период революции широко распространенный тип. Этот мешочник, будучи крестьянином, принимал активное участие в своей деревне во всеобщей потасовке при дележе добычи; такие стычки сопровождали процесс ликвидации крупных поместий. Он захватил при этом несколько голов первоклассного, породистого скота, а также получил несколько центнеров зерна. Скот он тотчас же заколол, а зерно продал со значительной прибылью, обогатившись при этом за счет труда других. Совесть при этом его ничуть не угнетала, так как он, по его словам, потерял на войне двух своих сыновей и всю свою жизнь мучился, пытаясь прокормить свою семью, состоящую из восьми человек, двумя акрами земли. Новая советская власть причинила ему огорчение. Он с возмущением рассказывал о том, как комиссар и двое красногвардейцев незадолго до того отняли у него мешок и обозвали его при этом спекулянтom. В последнее время он, однако, научился управляться и с этой новой тиранией. Он просто избегал встречи с цепью красногвардейских постов, высаживаясь по дороге из поезда и идя пешком последний отрезок пути до города с мешком на спине. Точно так же, как в царском правительстве и в режиме Керенского, он видел угнетающую силу, поскольку тогда его давила тяжелая рука помещика и его гнали на фронт против внешнего врага, он теперь видел в советской власти проявление такой же формы правления, поскольку после того, как он, наконец, получил землю в свои руки, она не хотела допустить, чтобы он продавал свой урожай, как ему вздумается. Свобода означала, по его мнению, право собирать дань с голодающих городов.

Странным образом я познакомился с красногвардейцами не в казарме, а в монастыре. Один из отрядов красногвардейцев, рыскавших тогда по России, пришел к выводу, что Вологда слишком почтенный город, чтобы там не понадобился отряд Красной гвардии для развертывания охоты за буржуазией. Правда, пригодных помещений было мало, но очень недурно расположился настоятель монастыря, находившегося рядом с собором. Так и пришлось настоятелю удовольствоваться двумя комнатами, в то время как «товарищи» потребовали у него все остальные помещения для себя и своих коней. В большом сарае было сложено все, что «товарищи» сумели выжать из вологодской буржуазии. Я видел там шубы, галоши и мешки с зерном, которые отобрали у мешочников, — это был настоящий склад всевозможных товаров. Настоятелю пришлось стоять тут же и разрешить использовать его сарай для подобной цели.

От случая к случаю ему разрешали купить кое-что из этих товаров, но не много, ибо под церковной личиной в нем видели буржуя.

В самый разгар этой неразберихи все же можно было подчас натолкнуться на людей, пытавшихся установить известный порядок во всех делах. Знаменательно, что это почти всегда были большевики, так или иначе связанные с местным Советом рабочих депутатов. Я вспоминаю, как я однажды встретился с одним из них, демобилизованным матросом Балтийского флота, в чайной напротив вокзала. Он жаловался на царящую в стране анархию и предсказывал, что революцию не ожидает ничего хорошего, если не будет выработан определенный план и внедрена дисциплина. Он имел поручение очистить товарные склады железнодорожного узла от мешочников, которые использовали это место для ночлега и забрасывали оттуда свои мешки в товарные вагоны. Он добивался передачи в общегородской продовольственный фонд всего того, что было добыто с помощью их реквизиции, проведенной в железнодорожных поездах, и тем помешать красногвардейцам перепродавать то, что они отобрали у спекулянтов, и тем самым, идти по пути разложения.

Штаб-квартира партии, которая написала на своих знаменах «дисциплина» и «порядок», находилась в бывшем доме губернатора. Здесь заседал Совет, членами которого были большей частью большевики, или, как они теперь себя называли, коммунисты, избранные рабочими железнодорожных мастерских, водопровода и электростанций, а также местных предприятий речного транспорта. Центральный Совет в Петрограде послал сюда перед своим переездом в Москву одного из своих членов, опытного коммуниста Элиаву⁵¹, чтобы потребовать самым настойчивым образом насаждения социалистической дисциплины. Во время одного из моих посещений он рассказал мне о трудностях, с которыми ему приходилось бороться. Одна состояла в наклонности к паразитическому образу жизни, охватившей средние слои крестьянства и анархистски настроенных интеллигентов из числа левых эсеров. Другая — во все еще существовавшем буржуазном аппарате управления и земства, избранном на основе территориального принципа. Они оставались со времен Керенского и противились собственному роспуску, причем их в этом поддерживали советом и деньгами военные миссии стран Антанты. Эти военные миссии после заключения мирного договора в Брест-Литовске перебрались

⁵¹ Ш.З. Элиава (1883—1937) — председатель Вологодского губернского совета рабочих и солдатских депутатов (март — декабрь 1917 г.) и председатель Вологодского губернского исполнительного комитета (январь — апрель 1918 г.).

Шалва Зурабович
Элиава

из Петрограда в Вологду, где они образовали своего рода центр, вокруг которого собиралась подавленная буржуазия, искавшая у них помощи и утешения. Буржуазия и теперь все еще не была столь бессильна, чтобы не быть в состоянии саботировать революцию, в чем я убедился несколько дней спустя по прибытии в Вологду. Комиссар финансов заявил, что процентные купоны выпущенного Керенским «Займа свободы» соответствует по своей цене бумажному рублю, и банк в Петрограде перед моим выездом выдал мне мои деньги этими купонами. Но по прибытии в Вологду я убедился, что никто не хочет принимать у меня бумажные рубли — как на рынках, так и в общественных ресторанах и чайный. Тогда я навел справки об этом в Совете, где мне сказали, что, если кто-либо откажется принимать у меня бумажные рубли, я должен немедленно сказать об этом командиру Красной гвардии, который сейчас же арестует того, кто это сделал. Но выяснилось, что командир отряда Красной гвардии, который установил свое судейское кресло в пустующих конюшнях реквизированного помещения монастыря, был связан с большинством трактирщиков и рыночных спекулянтов. Спустя некоторое время он мне с таинственным видом шепнул, что он знает кое-кого, кто обменяет мои купоны на деньги, — разумеется при условии, если он сам кое-что за это получит. После сложного финансового расчета я поменял, таким образом, мои петроградские купоны. Так я узнал, что анархистские элементы, проникшие в Красную гвардию, являются пособниками тех спекулянтов, которые использовали революцию в своих целях.

Странным было также то обстоятельство, что существовавшее во времена Керенского земство все еще заседало в Вологде, в старом здании по

ту сторону реки. Члены последнего открыто высказывались в том смысле, что они не признают советскую власть и продолжали свою работу так, как будто Октябрьской революции не было. Еще более странным и характерным для отношений господствовавших тогда в некоторых губерниях было то обстоятельство, что Совет в течение длительного времени разрешал земству продолжать свои заседания. В последней неделе марта я посетил два заседания вологодского земства. Председательствовал местный помещик, и дебаты разгорелись вокруг вопроса о применении тех распоряжений, какие были изданы еще во время режима Керенского по земельному вопросу. В течение всего заседания никто ни одним звуком не упомянул о существовании ни Совета, ни комиссариата сельского хозяйства, ни принятого большим съездом Декрета о земле. Присутствовавшие на заседании принадлежали к той категории людей, которые вершили революцию летом 1917 г., при режиме Керенского. Члены правозесеровской партии, которым после корниловских дней не удалось добиться своего избрания в Советы, использовали в своих интересах тот факт, что рабочие и крестьяне непосредственно после свержения царизма голосовали за них, и пытались сохранить за собой в дальнейшем право оказывать влияние на ход революции, невзирая на перемены, какие произошли с тех пор. Члены земства — кадеты даже не скрывали своего открытого презрения к декретам советской власти. Один из пугливых членов, принадлежавших к правым эсерам, возражая им, высказывал ту точку зрения, что по практическим соображениям все же вряд ли целесообразно игнорировать Декрет о земле, ибо он является совершившимся фактом, и что для помещиков, учитывая нехватку специалистов по сельскому хозяйству, готовых работать в пользу Советов, не представит трудностей существенно смягчить положения этого декрета при его проведении в жизнь. В ответ на это члены земства — кадеты заявили, что не далек тот день, когда они вновь полностью завладеют своими поместьями и тогда рассчитаются с Советами.

Должна была существовать причина, которая позволяла им занимать подобную позицию, и в скором времени я нащупал эту причину. Поднялся оратор, чтобы высказаться по вопросу о поставке сельскохозяйственных машин и инструментов в деревню. Он только что вернулся из Петрограда, где установил контакт с британским и французским консульствами и военными миссиями. Он сообщил, что представители союзников в России рассматривают земства как законных представителей русского крестьянства и желают иметь дело только с ними. Они считают земства и другие организации, избранные во время пребывания

ния у власти Керенского, единственными учреждениями, оставшимися верными союзникам и способными помешать тому, чтобы какие-либо запасы и военные материалы попали в руки немцев. Если земства будут полагаться только на себя и не будут заботиться о других организациях, которые присваивают себе власть, то они могут рассчитывать на любую, какую только возможно, поддержку со стороны союзников. Таким образом, я получил возможность заглянуть в махинации агентов Антанты в России и установить, как они работали над тем, чтобы подорвать позиции советской власти и подготовить почву для вооруженной интервенции в то время, когда советская власть стремилась вывести Россию из несчастья Брест-Литовска и создать для страны короткую передышку. Это быстро поняли Советы в Вологде, так как несколько дней спустя все члены земства были на одном из заседаний арестованы и высланы из города. Организация как таковая была объявлена Советом распущенной на основании декретов большого съезда.

Но хотя Вологодский совет имел достаточную власть, чтобы распустить старые организации Керенского и другие очаги контрреволюционных интриг, все же он тогда еще не был в состоянии оказывать сколько-нибудь прочное влияние на окрестные районы. Вологда была маленьким революционным островком в анархистском море крестьянской апатии. Совет пытался, назначив комиссаров, провести в жизнь декреты съезда Советов о монополии на хлеб и организации государственных хозяйств на базе больших имений, но усилия этих комиссаров привели лишь к небольшим успехам. К этому надо прибавить, что многие из местных комиссаров были подобраны еще из членов партии левых эсеров. Несмотря на решение этой партии выйти из состава СНК после подписания мирного договора в Брест-Литовске, в провинции многие из комиссаров не очень строго соблюдали это решение. Они действительно продолжали оказывать немалое влияние на сельскохозяйственную политику Советов. В определенном смысле они были полезны большевикам, а именно тем, что в качестве интеллигентов они завладели вниманием среднего крестьянского слоя. Так, я встретился с одним из них в Вологде. Он был назначен на свой пост непосредственно комиссариатом по сельскому хозяйству, и я по приглашению комиссариата принял участие в заседании узкой коллегии комиссариата. Я нашел здесь смесь местных профессиональных революционеров, принадлежавших к левозэсеровской партии, и молодых солдат из крестьян, которые, будучи только что демобилизованными из старой армии, вернулись в родные края. Дебаты сосредоточились на вопросе о порядке применения земельного закона

и, поскольку на заседании не было ни одного большевика, было открыто выражено мнение, что идея создания на базе бывших помещичьих имений государственных образцовых хозяйств является бессмысленной, и что если нужно спасти революцию, то необходимо раз и навсегда решить этот вопрос и превратить каждую деревню в рабочую коммуну, которая была бы свободна и независима от декретов какого-либо центрального учреждения. Зачитывались различные сообщения из деревень, из которых вытекало, что инициатива создания трудовых коммун принадлежала в различных местах демобилизованным солдатам и матросам; в этих трудовых коммунах группы семей объявляли себя готовыми обрабатывать землю сообща и затем делить урожаем. Эти коммуны обращались к коллегии с просьбой выдать им авансом сельскохозяйственные орудия и зерно для посева. Другие сообщения извещали о планах создания обществ по использованию определенных лесных массивов на кооперативных началах. Во всех этих случаях инициатива исходила снизу. Мелкие группы сельского населения самых отдаленных местностей проявляли готовность отдать дань духу времени, а также повелительным требованиям экономики, под давлением которых наиболее бедные элементы с неизбежностью стремились к объединению. Идеалисты среди левых эсеров, заседавших в коллегии, с энтузиазмом приветствовали эту перспективу увидеть в реальности большую единую сельскую коммуну трудящихся масс, начиная с Северного Ледовитого океана и до Черного моря.

В начале апреля я совершил поездку из Вологды в соседний район, где я надеялся увидеть, как мне сказал комиссар сельского хозяйства, трудовую коммуну в процессе ее возникновения. Потратив день на поездку по железной дороге, идущей из Архангельска, я приехал на промежуточную станцию, где провел ночь на грязном полу зала ожидания в обществе крестьян, возвращавшихся в свои деревни. На следующий день я прошел несколько часов по снегу к деревне, лежавшей на юг от этой станции. После того как я пересек хвойный лес, где ели были покрыты последним зимним снегом, я попал в деревню, живописно раскинувшуюся со своими домиками, украшенными наличниками с резьбой, одну из тех деревень, которые можно увидеть на старинных изображениях московского искусства. В одном из красивых домов я нашел Совет, который представлял собой не что иное, как старую общину или мир, но под новым названием. У меня было письмо к одному из крестьян, члену партии левых эсеров. Он взял меня к себе домой, где угостил супом (собственно, кашей) и чаем без сахара. Затем он повел меня на арендованную землю, расположенную за деревней, которая раньше принадлежала местному помещику.

О судьбе этого куска земли долго спорили. Большевики, прибывшие из Вологды, хотели создать на нем государственное хозяйство под управлением комиссариата по сельскому хозяйству. Комиссариат, состоявший из крестьян и левых эсеров, со своей стороны, хотел предоставить право жителям организовать на этой земле трудовую коммуну. Когда мы подошли к хозяйственным постройкам, оказалось, что они были почти пустыми — мы не увидели живого инвентаря за исключением старой лошади, и сарай был пуст. Только несколько жаток и косилок оставались на месте только потому, что ни у одного из местных крестьян не было места, куда их поставить, где сохранить. Некоторое время спустя сопровождавший меня эсер начал как бы в свое оправдание рассказывать, что старое поколение крестьян деревни в те времена, когда режим Керенского еще господствовал, захватило имущества помещиков и разделило между собой урожай и хозяйственный инвентарь. Обработка арендной земли, на которой раньше велось культурное, интенсивное земледелие, по большей части опустилась до того примитивного уровня, на каком она находилась на остальных землях во всей округе. Это было первым результатом Февральской революции. Правительственный комиссар Керенского под давлением помещика предпринял попытку прекратить раздел, но безуспешно. В результате Октябрьской революции к власти пришли большевики и левые эсеры, и эти последние попытались превратить всю деревню в одну большую трудовую коммуну, а латифундии, инвентарь и машины, принадлежавшие имению, объединить в один общий, управляемый на месте сельский фонд. Посетив участок, мы увидели, что деревенские спекулянты и кулаки уже взялись за дело и становились поперек дороги устремлениям идеалистов. Края этого участка арендной земли уже были захвачены под частные владения и засеяны озимой рожью, которая как раз пробивалась из-под снега. В этот вечер я присутствовал на заседании местного Совета. На одном из предыдущих заседаний под давлением молодых, вернувшихся из армии и флота крестьян было принято решение объявить недействительными все решения о предоставлении земельных наделов, какие были приняты до Октябрьской революции, и обязать землевладельцев, имея в виду предстоящий весной новый и всеобщий передел земли, отказаться от всех приобретенных ими земельных участков. Это постановление было проведено в жизнь, что побудило некоторых сдобородых мужиков, сидевших вокруг стола в полушубках, высказать во всеуслышание свое недовольство поведением неопытных юнцов. Эти последние были по большей части левыми эсерами и должны были на этом заседании Совета прийти, наконец, к их трудовой коммуне и по воз-

возможности завоевать на свою сторону старое поколение. В соответствии с Законом о земле они имели право поделить необрабатываемые участки земли по принципу выделения всем равных земельных участков. Это уже было сделано. Но теперь они добивались, чтобы вся земля, имеющаяся в распоряжении сельского населения, обрабатывалась совместно. Много говорилось при этом о достижениях революции и о принципе «земля и власть — народу». Старые люди сидели при этом и помалкивали, но было не трудно догадаться, что они думали об этих идеях. Странным образом на заседании не присутствовал ни один большевик, и идея Вологодского совета — что небольшая часть земли должна быть взята в аренду самим государством, обрабатываться по централизованной системе и служить примером для всех остальных — эта идея совсем не дискутировалась. Трудовая коммуна, которая должна была охватить все семьи, живущие в деревне, была в этот вечер действительно образована. Ей-богу, это был утопический план! Ибо остался совсем не обсужденным вопрос о том, где взять семена, как восполнить нехватку инвентаря и всяких запасов, которых сельскохозяйственные предприятия лишились в результате войны и захватов, осуществленных старыми крестьянами. Выдадут ли большевики крупные суммы наличными в кредит и натурой этим трудовым коммунаам, не потребовав себе взамен широких прав контроля и инспектирования их деятельности? Но об этом ни левые эсеры в деревнях всей округи, ни их анархо-интеллигентские друзья не хотели слышать. Для них комиссар, наделенный контрольными функциями, был олицетворением бюрократической тирании.

Последнюю ночь в деревне я провел в обществе старого крестьянина, обрисовавшего в беседе со мной все те горести, какие переживала, по его мнению, Россия. Затем он рассказал мне, что еще недавно был владельцем 10 десятин земли, отменного леса и мельницы. Все это он на основе столыпинского закона купил у мира, и все это подлежало теперь передаче в общественный земельный фонд, — что, несомненно, и составляло самую глубокую причину его пессимистических высказываний относительно судеб России. Несколько позже в комнату вошел его сын, человек помоложе, и принял участие в разговоре. Со своей стороны, он не видел ни малейшей причины для угнетенного состояния духа. Он получил свою долю в трудовой коммуне и пытался побудить семью покончить с жалобами. Но старик оставался молчалив и хмур и исчез почти на час в то время, как все мы легли на пол, чтобы поспать. Позже меня разбудил странный шум, который доносился как будто из печи; взглянув на нее, я заметил, что ее заслонка таинственно движется. Доносившийся из-под

земли шорох усилился, и внезапно показалась голова, покрытая пеплом и пылью, затем шея, грудь и все туловище моего 70-летнего седовласого хозяина. «Не пугайтесь, — сказал он. — Я просто устроил себе в печи паровую баню. Наслушавшись идей, какие Николай Иванович привез из Петрограда, мне надо было хоть немного освежиться!»

На следующий день я покинул жителей этих лесов за Вологдой, предоставив им самим решать в борьбе друг с другом свои аграрные проблемы, — и тем, кто восхвалял добрые старые времена и все еще мечтал о том, чтобы они вернулись, — и мечтателям с их трудовыми коммунарами, — и тем комиссарам, которые вводили революционный порядок и олицетворяли собой дух централизации.

Глава 18. Передышка.

Большевики объявляют войну врагам справа и слева

Как уже было сказано в предыдущей главе, диктатуре пролетариата в ее начальном периоде в России угрожала как опасность крайних анархо-коммунистических элементов в сельскохозяйственных районах слева, так и опасность крайних кругов международного капитализма справа. Мы далее видели, что представители дисциплины — большевики — были готовы пойти на компромисс, чтобы избежать разрыва с первыми и, таким образом, сохранить единый фронт по отношению к последним. Хотя партия левых эсеров отозвала своих членов из СНК, она оставила, однако, своих делегатов в ЦИКе и удерживала в своих руках и в дальнейшем во многих губерниях комиссариаты по сельскому хозяйству. Была, таким образом, некоторая надежда, что компромисс будет длительным и что международный финансовый капитал будет так сильно вовлечен в европейскую борьбу, разыгрывавшуюся на равнинах Франции, что ему будет невозможно вмешаться в дела русской революции.

Вскоре должно было выясниться, насколько прочным был компромисс между большевиками и левыми эсерами. В середине апреля немецкое правительство сообщило о своем намерении направить в Москву посланника, в соответствии с теми отношениями мира, которые, по крайней мере, официально существовали между Центральными державами и советской республикой. Ей в свою очередь должно было быть предоставлено право послать своего представителя в Берлин. Левые эсеры и анархисты между тем с первого же дня отказались признать Брест-Литовский мирный договор, но в то время, как первые из них хо-

тели придерживаться решений последнего съезда Советов, последние, узнав, что немецкое правительство собирается послать в Москву графа Мирбаха⁵², выразили в своей прессе твердое решение не допустить его приезда. Более того, они зашли настолько далеко, что подкрепили подобные заявления известными и притом весьма определенными угрозами. В серьезности этих угроз предшественники Мирбаха, которым предстояло подготовить его приезд, могли убедиться, когда они начали получать в Москве анонимные письма, предсказывающие его скорую смерть, и таинственные пакетики, которые приходилось срочно бросать в ведро с водой. Анархисты располагали в Москве большим и внушительным клубом, который им удалось разместить в одном реквизированном ими для этой цели красивом особняке неподалеку от Тверской и которому они с бессознательным юмором присвоили имя «Дом анархии». Здесь расположился ЦК, который в неподдельном стиле маньчжурского императора постановил, что ни один чужеземный дьявол, агент европейского капитализма не должен грязнить почву, на которой происходит русская революция. Впрочем, они имели при этом в виду не только германских империалистов. В один прекрасный день, в середине апреля, один из обитателей «Дома анархии» украл автомобиль у полковника Робинса⁵³, который, как известно, относился к советскому правительству с величайшей симпатией, что должно было послужить для него предостережением о том, что последует и нечто худшее, если он не предпочтет убраться восвояси. Когда полковник Робинс рассказал об этом случае комиссару по военным делам Троцкому, он добавил, что хотел бы знать, имеется ли в настоящий момент вообще какая-нибудь центральная власть в России, ибо, если это не так, он незамедлительно последует желаниям анархистов и покинет Россию на следующий день. Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией собралась и на ночном заседании решила очистить Петроград, Москву и провинцию от всяких анархистских клубов. Глубокой ночью рота надежных красногвардейцев окружила «Дом анархии» и потребовала, чтобы его обитатели сдались. Поскольку ответа не последовало, красногвардейцы открыли ружейный огонь и сделали также пару выстрелов по зданию из легкого полевого орудия. В течение получаса обитатели дома сдались. На следующий день я обследовал «Дом анархии», стекла в котором большей частью были выбиты, а на фасаде которого

⁵² В. Мирбах-Харфф фон (1871–1918) — с апреля 1918 г. посол Германской империи при правительстве РСФСР в Москве.

⁵³ Р. Робинс (1873–1954) — полковник, глава американской миссии Красного Креста в России (1917–1918 гг.).

были видны две большие пробоины. Короче говоря, здание имело в высшей степени анархический вид. Аналогичные экспедиции были проведены повсеместно и в провинции. Анархистских вожаков на короткое время подвергли заключению, а их последователей, т.е. большей частью молодых, еще не уравновешенных интеллигентов, оставили на свободе, отобрав у них, как полагается, оружие. Это было первым объявлением войны ультралевым со стороны большевиков. Реалисты наконец отняли у идеалистов возможность мешать советской власти устанавливать отношения с капиталистическими странами и извлекать выгоды из противоречий между ними.

Левые эсеры не принимали непосредственного участия в бесчинствах анархистских клубов, но в высшей степени им симпатизировали. После роспуска их клубов анархисты на тайных заседаниях стали обсуждать вопрос о том, какую тактику им теперь следует проводить. Некоторые из них предлагали начать кампанию террора против большевиков и представителей советской власти. Но в конце концов восторжествовало убеждение, что это привело бы лишь к ослаблению революции в ее борьбе с международным империализмом, и поэтому решили, по крайней мере для настоящего момента, соблюдать спокойствие. Большое число анархистов вступило между тем в партию левых эсеров, чтобы под ее покровительством продолжать борьбу против тех, кто, как они заявляли, предаст революцию в пользу международной контрреволюции.

Между тем на реалистов и сторонников дисциплины нападали не только анархисты и левые эсеры. Внутри рядов самой большевистской партии было левое крыло, которое начало к этому времени активизироваться и сеять смуту. Читатель должен вспомнить, что Ленину лишь с большим трудом удалось склонить свою собственную партию к принятию условий Брест-Литовского мира. Весьма сильное меньшинство под руководством таких идейных столпов, как Радек и Бухарин⁵⁴, образовало внутри партии собственную группу и издавало собственный орган партии «Коммунист», который подвергал ленинские методы острой критике. Они особенно ополчались против предложений о привлечении чиновников и специалистов старого режима к делу восстановления страны, которые начали все громче раздаваться в кругах, близких к Ленину. Это, считали они, проложило бы дорогу для реставрации. Указанная оппозиционная группа внутри большевистской партии не имела тогда ничего

⁵⁴ Н.И. Бухарин (1888–1938) — в 1917–1934 гг. член ЦК РКП(б)/ВКП(б), в 1918–1929 гг. редактор газеты «Правда», в 1919–1929 гг. член Исполкома Коминтерна.

общего с оппозицией левых, исходившей от левых эсеров и анархистов. Оппозиция этой большевистской группы была направлена не против принципа централизованной диктатуры пролетариата в период перехода от капитализма к социализму. Она скорее выступала против данной формы диктатуры, ибо отстаивала тот взгляд, что пролетариат в состоянии сам пустить в ход государственную машину, не прибегая к помощи специалистов и бывших слуг буржуазии.

По отношению к этим левым коммунистам Ленин проявлял тем не менее не большую снисходительность, чем в отношении анархистов и левых эсеров. Он собрал их всех и напрямик обвинил в том, что они отстаивают мелкобуржуазные лозунги. Примерно через две недели после моего прибытия в Москву мне была предоставлена возможность присутствовать на совместном заседании ВЦИКа, Московского совета и Всероссийского совета профсоюзов, на котором Ленин сделал доклад, который означал важный этап в развитии политической теории революции и был почти целиком направлен против различных групп ультралевых. Он начал, разумеется, с ответа меньшевикам и правым эсерам вроде Мартова⁵⁵ и Чернова, которые, как говорилось в речи, продали себя буржуазии из Комитета защиты родины и свободы. «Нас радует это единство контрреволюционного фронта от Милюкова⁵⁶ до Мартова — воскликнул он с сарказмом, — оно заслуживает сооружения ему памятника за ту превосходную большевистскую пропаганду, которую оно ведет». Затем он обрушил тяжелую артиллерию доводов на левых эсеров, история которых, по его словам, с первых дней Октябрьской революции была цепью колебаний и шатаний, притом особенно в критические моменты, когда партии, ведущие пролетариат, должны были проявлять величайшую дисциплину и решительность. Вместо этого они дали себя полностью подавить тому несчастью, какое обрушилось на Россию, и искали выхода в настоящем самоубийстве. Но социалисты, сознающие свою ответственность, сказал он, должны пройти через это испытание и пройдут через него, как бы тяжело оно ни было. Левые эсеры показали себя в истинном свете. Они — революционные крикуны с психологией мелких буржуа. Обращаясь затем к левым коммунистам в его собственной партии, он стремился доказать, что и они идут по ложному пути и проявляют себя в качестве мелкобуржуазных идеологов. «Главный аргумент наших левых коммуни-

⁵⁵ Ю.О. Мартов (наст. фам. Цедербаум) (1873–1923) — один из лидеров меньшевиков.

⁵⁶ П.Н. Милюков (1859–1943) — лидер кадетской партии, министр иностранных дел Временного правительства (март — май 1917 г.).

стов, — сказал Ленин, — тот, что мы в результате политики, которую мы проводили во время “передышки”, находимся на пути к государственно-му капитализму. Когда я слышу подобные речи, я спрашиваю себя, что могло побудить этих людей ради голых формул отказаться от того, чтобы взглянуть на действительность открытыми глазами. Действительность учит нас, что государственный капитализм означал бы для нас шаг вперед. Как они могут быть настолько слепы, чтобы не видеть, что нашим врагом является именно мелкий капиталист, спекулянт продовольствием? Этот последний боится государственного капитализма больше, чем всякий другой, ибо все его стремление направлено к тому, чтобы урвать себе как можно больше из того, что осталось после свержения помещиков и крупных спекулянтов. В этом смысле он даже еще революционнее, чем рабочий, ибо он еще охвачен и жаждой мести. Он охотно оказывает некоторую помощь борьбе против крупной буржуазии, но не для того, чтобы на основе пролетарской дисциплины развивать социалистическое благосостояние, а для того, чтобы заполучить в своих собственных личных интересах плоды победы. Если левые коммунисты обрушиваются на методы поддержания дисциплины, необходимые в условиях государственного капитализма, то их ход мысли подобен ходу мысли мелкой буржуазии с ее лозунгом: “Долой богачей, но никакого контроля!” Что отдаляет даже самые революционные элементы мелкой буржуазии от классово-сознательного пролетариата — то именно отстаиваемый им лозунг: “Мы за организацию и самодисциплину”».

Эта примечательная речь Ленина показала, что сторонники дисциплины и реалисты среди большевиков объявили войну также и левым в их собственной партии, которые, хотя и были готовы бороться как с контрреволюцией от Милюкова до Мартова, так и с анархо-коммунистическими элементами мелкого крестьянства, но в то же время противодействовали логическому осуществлению диктатуры городского пролетариата и бедного крестьянства. Но оппозиция этих коммунистических левых оказалась не столь влиятельной и упорной, как это поначалу представлялось. Одному из главных лидеров этой группы вскоре было поручено руководство среднеевропейским Отделом Комиссариата иностранных дел, второй был послан в Берлин с важным поручением в связи с вопросом о русских военнопленных в Германии. Движение левого крыла постепенно совершенно сошло на нет, дело реалистов и сторонников дисциплины победило в том, что касалось руководства со стороны большевистской партии. После закрытия анархистских клубов и исчезновения левой оппозиции внутри большевистской партии единственной

силой, которую следовало принимать всерьез, грозившей слева, была все еще мощная партия среднего крестьянства, партия левых эсеров. Схватка с этой партией еще предстояла.

Между тем опасность, грозившая справа, а именно с фронта международного финансового капиталиста, принимала угрожающие размеры. Не считаясь с условиями Брест-Литовского мирного договора, который давал немцам только право создания на Украине независимого государства, колонны немцев, вступившие на Украину, продвигались все дальше на восток, пока не достигли Дона и не создали угрозу Северному Кавказу и губерниям Нижней Волги. Причины, которые немецкий Генеральный штаб и граф Мирбах, прибывший между тем в Москву, выдвигали, пытаясь оправдать это продвижение, были те, что восточные границы Украины окончательно еще не определены, и немцы поэтому вынуждены также и здесь занять области, лежащие дальше на восток. Всюду, куда приходили немецкие войска, происходило полное восстановление прежней социальной и политической системы. Царские офицеры и жандармы выползали из своих щелей и создавали режим террора, жертвой которого становился каждый, кто даже косвенно был связан с советской системой. Белые части старой царской армии, которые еще сохранились, присоединились к этому движению. Самыми крупными из них были войска генерала Щербачева⁵⁷, бывшего главнокомандующего русской армией на Румынском фронте, который вошел вместе с немцами в Ростов-на-Дону и с тех пор поддерживал с последними самые сердечные отношения.

На самой Украине реставрация также шла полным ходом. Немецкая военная партия считала, что уже пришло время отстранить марионетку, именовавшую себя Радой и ставшую простым аппаратом по регистрации приказов, исходивших от немцев. Подходящая возможность для этого представилась, когда Украинская социал-демократическая партия, являвшаяся прежде главной опорой Рады, потребовала проведения в жизнь закона о социализации земли, который был обнародован в одном из универсалов вскоре после Октябрьской революции. Социал-демократы попытались оказать соответствующее давление на жалкую Раду, в ответ на что немецкая военщина срочно созвала партию хлеборобов — группу богатых земельных собственников из крестьян, которая образовалась в Западной Украине непосредственно после вступления немцев. Члены партии хлеборобов получили в Киеве от немцев оружие, боеприпасы и

---

⁵⁷ Д. Г. Щербачев (1857–1932) — генерал, в 1917 г. помощник короля Фердинанда I, главнокомандующего армиями Румынского фронта.

были посланы разогнать презренную Раду. Этой последней пришли на помощь социал-демократы, но германская военщина вмешалась в борьбу на стороне хлеборобов. Результатом явился роспуск Рады и установление германским главнокомандующим, генералом Эйхгорном⁵⁸ военной диктатуры, которая для видимости якобы находилась под контролем генерала Скоропадского⁵⁹ — офицера, ранее служившего в лейб-гвардии царя. Так Рада, называемая демократическим учреждением, была отброшена в сторону после того, как она сыграла свою роль послушного оружия реакции и когда реакция почувствовала себя достаточно сильной, чтобы отказаться от ее услуг.

При этих обстоятельствах революционное движение на Украине было полностью обречено на деятельность в подполье. Польские и великорусские помещики вернулись в свои имения, а московские капиталисты устремились целыми группами опять в Киев, чтобы вновь взять в собственные руки свои сахарные заводы и угольные шахты. Фабричные рабочие и горняки Восточной Украины, безземельные батраки распустили свои революционные комитеты в то время, как их руководители уходили в леса и создавали там отряды добровольцев для партизанской борьбы против немцев. Атмосфера в Москве была в эти дни крайне подавленной. Я присутствовал на заседании ВЦИКа в Доме союзов, на котором Ленин стремился ободрить делегатов указанием на то, что, несмотря на реставрацию на Украине, не следует забывать, что борьба между обеими великими империалистическими силами в Европе, Германией и Англией, все еще составляет главную заботу для германского Генерального штаба и что поэтому нет никаких веских причин делать поспешный вывод, будто передышка уже пришла к концу. Это было, однако, лишь небольшим утешением для членов самой ленинской партии, которой пришлось стать свидетельницей того, как богатые хлебные районы юга и юго-востока с каждым днем ускользают от контрреволюционеров, в то время как удушающая петля голода, захлестнувшая города, стягивается все туже и туже.

Еще менее утешительным было это указание для авантюристически настроенных левых эсеров, вождь которых Камков обвинял Ленина чуть ли не в оппортунизме. Над передышкой он просто смеялся и полагал, что Россия при этих условиях никогда не сможет прийти к какому-либо

⁵⁸ Г. Эйхгорн фон (1848–1918) — генерал, в марте 1918 г. главнокомандующий группой армий «Киев», возглавил администрацию оккупированных областей Украины.

⁵⁹ П.П. Скоропадский (1873–1945) — генерал, гетман всея Украины в 1918 г.

строительству внутри страны, так как немецкая военная партия полна решимости окружить Россию цепью реакционных монархических государств. Эти последние должны будут послужить для них трамплином, чтобы реставрировать старый режим в Москве, ибо ни для какой другой цели они не могли понадобиться. Советское правительство само связало себе руки и не может оказать украинским революционерам никакой помощи, ибо это противоречило бы Брест-Литовскому мирному договору. «Мы не боялись ни корниловых, ни калединых, которые говорили по-русски, — воскликнул Камков под бурные аплодисменты, — почему мы должны испугаться корниловых и калединых, говорящих по-немецки?» Было ясно, что позиция левых эсеров в отношении Брест-Литовского мирного договора встречала большую симпатию также в рядах большевиков, и нужна была способность убеждать, присущая такому человеку, как Ленин, чтобы последние не потеряли умения видеть реальность такой, какова она есть. Один из самых близких доверенных людей Ленина, Свердлов, закончил дебаты глубоким анализом международного положения, в котором он показал, что немецкая военная партия со своими алчными планами, направленными на завоевание востока, еще не победила в Берлине и что промышленные круги Германии заинтересованы в Западе еще больше, чем в Востоке. Он зачитал сообщение немецкого посланника в Москве, которое, очевидно, было инспирировано Министерством иностранных дел в Берлине, в котором содержалось признание восточных границ Украины так, как они были описаны в третьем универсале Рады. Это означало, что Донская область и Крым находятся вне областей, контролируемых немцами согласно Брест-Литовскому мирному договору. Так закончилось заседание, оставив гораздо лучшие надежды на будущее, чем это можно было думать в начале дебатов. Но будут ли командующие немецкими армиями на востоке соблюдать решения Министерства иностранных дел в Берлине в той части, в какой они касаются восточных границ Украины?

В середине мая я узнал от одного большевика, члена ВЦИКа, о существовании группы внутри партии, не разделявшей взглядов Ленина на направление, в котором должна развиваться внешняя политика революции. Он заверил меня, однако, что речь идет при этом только о различии в оценке международного положения, а не о разногласии по принципиальным вопросам. Ленин и Троцкий, сказал он, придерживаются того мнения, что международное положение, даже после недавних событий на Украине, не изменилось. Несмотря на все возрастающую силу прусской военной партии и все более угрожающую

Григорий Яковлевич Сокольников

позицию Японии, которая недавно захватила Владивосток, и несмотря на все еще неясную позицию Англии и Америки, положение требует только усиленной бдительности и строгого соблюдения нейтралитета по отношению к борющимся между собой капиталистическим коалициям Европы. Соответствующая резолюция была только что принята на пленарном заседании СНК. Но все же существовала, как мне сказал мой собеседник, довольно сильная оппозиция внутри большевистской партии, во главе которой стоял Сокольников⁶⁰ и которая часто выступала в официальном партийном органе, газете «Правда». Эта оппозиционная группа придерживалась того мнения, что передышка, которую принес Брест-Литовский мирный договор, окончилась, прусская военная партия окончательно возобладала в Германии и реставрация на Украине является лишь прелюдией к реставрации старого режима в Северной России. Внешняя политика революции должна носить поэтому более определенный и более активный характер; пришло время вновь вступить в более тесные отношения с союзниками. Об этом важном сообщении я телеграфировал 15 мая в «Манчестер гардиан», ибо я видел в этом намек на то, что союзники, если предположить, что они осторожно примутся за дело, могли бы в значительной степени использовать в своих целях революционное настроение, создавшееся

⁶⁰ Г.Я. Сокольников (наст. фам. Бриллиант) (1888–1939) — член Политбюро ЦК РСДРП(б) (октябрь 1917 г.), член делегации, которая была направлена в Брест-Литовск для подписания мира, сменил Троцкого на посту руководителя делегации и 3 марта 1918 г. подписал Брестский мир от имени Советской России.

благодаря продвижению немцев на Дону и государственному перевороту на Украине.

Тот факт, что и другие англичане понимали, что в тогдашних условиях открываются новые возможности, виден из направленного полковнику Робинсу американским Красным Крестом письма Брюса Локкарта⁶¹, неофициального британского агента в Москве. В этом письме Локкарт приводит шесть случаев личных наблюдений того времени, из которых видна готовность Тройского прийти к соглашению с союзниками, и содержится замечание о том, что политика вмешательства союзников при помощи и согласии большевистского правительства находится вполне в пределах возможного. Мое личное впечатление было тогда то, что хотя влияние группы, объединившейся вокруг Сокольников, и усиливалось, никак нельзя было утверждать, не рискуя зайти слишком далеко, что советское правительство потерпит интервенцию союзников, которая, естественно, преследовала бы цель вновь втянуть революцию в мировую войну на стороне союзников. Но именно это составляло, по-видимому, позицию Локкарта в то время. Чтобы подтвердить свою точку зрения, я могу сослаться на беседу, которую я имел в июне с Чичериным, комиссаром иностранных дел, и о которой я телеграфировал в «Манчестер гардиан». «Если союзники, — сказал мне Чичерин, — серьезно хотят помочь России, то первым их шагом должно было бы быть признание советского правительства. В настоящий момент политика советского правительства направлена к тому, чтобы удержать нейтралитет России. Но в случае, если одна из двух крупных мировых группировок держав поведет себя по отношению к России более враждебно, чем другая, то Россия может оказаться вынужденной выступить на стороне менее враждебной силы. Поэтому, если Германия попытается занять часть Великороссии, то может случиться, что она натолкнется при этом на сопротивление английских штыков, сражающихся бок о бок с русскими. В случае, если, с другой стороны, Япония попытается оккупировать Сибирь, она натолкнется на немецкие штыки на Урале. Между тем не может быть никакой речи о военной поддержке России союзниками до тех пор, пока японские войска находятся во Владивостоке без разрешения советского правительства. Советское правительство рассматривает как свою ближайшую задачу заключение экономического соглашения как с союзниками, так и с Центральными державами». Отсюда ясно вытекает, что ни о какой интервенции союзников, проводимой с согласия советского правительства,

---

⁶¹ Р. Локкарт (1887–1970) — британский дипломат, журналист и писатель.

тогда не могло быть и речи. В лучшем случае речь могла идти при этом о сепаратной войне в случае, если бы сепаратный мир не мог быть далее сохранен.

Как между тем выяснилось, правительства стран Антанты никак не могли принять окончательного решения о своей политике в отношении России. Французы, как каждый знал, имели свои планы. Неофициальные агенты Англии и Америки в России заигрывали с представителями советской власти. Как бы для того, чтобы испытать искренность последних, член Комиссариата иностранных дел однажды предложил Локкарту, чтобы британское правительство, в доказательство того, что оно имеет серьезное желание помочь Советской России, снабдило революционные вооруженные силы, которые боролись против немцев на Украине и на Дону, пулеметами и боеприпасами. Фактом являлось то, что Москва была тогда центром широко разветвленной тайной организации, которая повела партизанскую войну (гверилью) против немцев. Большевики примирились с анархистами в такой степени, что предоставили им возможность использовать Северную Россию как плацдарм для сколачивания заговора против прусской военной диктатуры в Южной России. С ними были связаны террористические тайные организации левых эсеров. Я точно помню, как в мае и в последующие месяцы я наблюдал, как люди, которые мне были известны как уважаемые делегаты III съезда Советов от партии эсеров и которые имели обыкновение регулярно принимать участие в заседаниях ВЦИКа, неожиданно, словно по уговору, неделями пропадали. Когда я их вновь встречал, то они мне рассказывали, правда, настороженно оглядываясь вокруг, об экспедициях против врага на Украине, о взлетевших на воздух укрепления немецких солдат или об отрядах украинских крестьян, которые они возглавляли. Но постоянно им приходилось отходить в лесные массивы, которые лежат в Черниговской и Курской губерниях и отделяют Великороссию от Украины, так как у них все время были на исходе боеприпасы и бомбы. Большевистские чиновники оказывали им вдоль всей демаркационной линии всевозможную поддержку, несмотря на то, что это означало очевидное нарушение Брест-Литовского мирного договора. Чтобы доказать графу Мирбаху и генералу Эйхгорну, что их стремления расчистить дорогу на Украине и Дону монархической реставрации не смогут быть осуществлены без большой опасности для них самих, был поднят вопрос о том, чтобы попросить Британию о помощи в вооружении Красной гвардии. Это требование было передано по телеграфу в Англию. В течение многих недель ответа не было. Когда ответ, наконец, пришел, он оказался выраженным в отрицательном духе,

со ссылкой на то, что вооружение и другие предметы могут, пожалуй, попасть в руки немцев. Неудивительно, что комментарии к этому ответу, которые я слышал в кулуарах ВЦИКа, сводились к тому, что английское правительство больше заинтересовано подавить революцию на Украине, чем воспрепятствовать распространению власти немецкого империализма на Востоке.

Растущая опасность, которая угрожала революции перед лицом поведения прусских генералов на востоке и двойной игры, какую вела Англия, побудила большевиков спешно подготовиться к возможному концу передышки. Но объявление решительной борьбы правым — международной контрреволюции — означало также вызов ультралевым, в особенности тем, кто намеревался в экономической области поднять бунт против дисциплины труда. Начало было положено созданием дисциплинированной Красной армии, которая должна была заменить неорганизованные и почти независимые отряды, до этого защищавшие революцию. Основная часть добровольцев вышла на улицы в ходе большой демонстрации, состоявшейся на Ходынском поле. После этого Стеклов⁶², редактор официальных «Известий», опубликовал серии статей, в которых подчеркивалась уже упомянутая ранее в декларации III съезда необходимость ввести воинскую повинность для всех рабочих и крестьян и трудовую повинность для всех непролетарских элементов. Одновременно проводилась оживленная пропаганда как против недостатка дисциплины, который ощущался на фабриках и на железных дорогах, так и против ограничения прав рабочих комитетов в определенных сферах их прежней деятельности.

Наивысшей точки эта кампания достигла во время I съезда Советов народного хозяйства, который собрался в мае в Москве. В этот день я слышал выступление Ленина, который произнес вступительную речь в главном зале отеля «Метрополь». Главная часть его речи, которая тогда бросалась в глаза, была такова: «Мы знаем общие, ведущие к уничтожению частной собственности и к устранению экономики, основанной на системе эксплуатации, но особые, конкретные средства и пути, с помощью которых эта цель может быть осуществлена, нам в настоящее время еще неизвестны. Только коллективный опыт миллионов, которые мы привлекли к участию в делах управления, позволит нам решить эту проблему. Наша цель направлена к тому, чтобы найти для каждого

⁶² Ю.М. Стеклов (наст. имя и фам. О. Нахамкис) (1873–1941) — редактор газеты «Известия» в 1917–1918 гг.

Юрий Михайлович
Стеклов

отдельного человека подобающее ему место в общей структуре общества — такое место, на котором он сможет сделать больше всего для республики. В связи с этим мы должны поставить перед собой вопрос, как использовать для своих целей капиталистическую науку. Мы считаем осуществление социализма невозможным без привлечения технических специалистов, которые прежде служили капиталистам. Наша задача представляется особенно трудной, если учесть относительную отсталость России. Мы находимся накануне всеобщего преобразования и обновления мировой экономической системы, и наша попытка никогда не забудется. Самая тяжелая задача, перед которой мы стоим на этом съезде, заключается в том, чтобы выработать систему привлечения к труду, а также заложить основы дисциплины. Профсоюзы, фабзавкомы и другие организации, представленные на этом съезде, должны немедленно взять в свои руки решение этих проблем. Переход от капитализма к новому общественному строю будет до необходимости долгим и сложным процессом».

Эта речь была своего рода продолжением того тезиса, с которым Ленин выступил за три недели до того перед ЦИКом, и указывала, в менее абстрактной форме, путь, по которому большевистская партия решила вести рабочих в условиях переходного периода. Этот съезд ВСНХ был первым в своем роде в сравнении с теми, какие собирались ранее. В главе 14 сказано, что первый Совет народного хозяйства, который собрался в январе, состоял из наспех созданных, различных ранее существовавших организаций. Он решил создать в каждой губернии экономические Советы из среды местных производителей, потребите-

лей и технических организаций. Функции этих экономических Советов должны были быть поначалу только совещательными, и их решения подлежали как контролю со стороны фабзавкомов, так и утверждению местных Советов, обладающих политической властью. Большевистская партия намеревалась, как это ясно вытекало из речи Ленина, придать данному съезду местных Советов народного хозяйства функции более чем совещательные и предоставить ему возможность принимать в определенных областях экономической жизни самостоятельные решения. Он должен был послужить инструментом для насаждения новой, пролетарской дисциплины. ЦИК внес на рассмотрение съезда ряд проблем, и после речи Ленина из числа участников съезда был образован ряд специальных комиссий. В этих комиссиях можно было установить, какие перспективы имеют большевики для проведения в жизнь своих идей и какого рода тот противник, с которым им придется столкнуться.

В комиссии по железнодорожному транспорту, которая состояла из делегатов союза железнодорожников, заводских комитетов и некоторых специальных технических союзов, я встретился с представителем новой политической партии, которая называла себя «Союз рабочих уполномоченных». По-видимому, она возникла первоначально среди железнодорожников Тверской губернии, а затем распространила свое влияние и на другие местные центры. Одна из листовок этого союза, которая попала в мои руки, выдавала синдикалистские тенденции ее авторов. Кроме того, полное отсутствие принятой терминологии позволяло заключить, что движение возникло снизу и никак не являлось результатом агитации, проведенной «сверху». Такое же впечатление я вынес и из беседы с одним из его участников. По его словам, движение ограничивалось определенными отраслями промышленности, в первую очередь комитетами железнодорожников, и было направлено главным образом против вмешательства большевистской партии, комиссаров и находившихся под их влиянием профсоюзов, против угрозы с их стороны независимости рабочих и автономии фабзавкомов. В основе здесь лежала та же идея, но только переведенная на язык практики, что месяц тому назад определяла ход мыслей левых коммунистов в рядах большевистской партии. Меньшевики пообещали этому Союзу рабочих уполномоченных свою поддержку и этим, по-видимому, подтверждали слова Ленина, что все эти синдикалистские и направленные на подрыв дисциплины движения проникнуты духом мелкобуржуазных компромиссов.

Пётр Алексеевич
Кобозев

Комиссия по делам железнодорожного транспорта начала свою работу речью большевистского делегата Кобозева⁶³, который изобличал анархо-синдикалистские течения среди железнодорожных рабочих и говорил о необходимости американизировать управление железными дорогами, что даст возможность добиться большей централизации и более высокой производительности труда; это будет иметь решающее значение для того, чтобы революция не погибла в море анархии. Один делегат, представитель оппозиции, выдвинул то возражение, что американизация железных дорог неразрывно связана с капитализмом и таким образом противоречит принципам Октябрьской революции, которая дала рабочим, их Советам, власть. Другой оратор указал, напротив, на то, что оппозиция смешивает капитализм вообще с государственным капитализмом, хотя эти два понятия не обязательно представляют собой одно и то же. В России, полагал он, не надо бояться бюрократии, так как эта бюрократия в будущем будет работать уже не в интересах группы частных банков, как это имеет место в капиталистических странах. Дальнейшие дебаты показали, почему в среде железнодорожников было так велико недоверие к идее централизованного контроля. Один за другим, прибывшие из провинции, указывали на возрастающее давление, которое оказывали политические комиссары и профсоюзные должностные лица на рабочих железных дорог и железнодорожных мастерских. «При Керенском нам нужно было, как правило, девять месяцев для починки котла, а теперь недовольны, если работа длится немного больше чем 100 дней», — ска-

⁶³ П.А. Кобозев (1878–1941) — в то время нарком путей сообщения РСФСР.

зал делегат, прибывший из одной губернии. После дальнейших дебатов было решено создать постоянную железнодорожную комиссию Совета народного хозяйства, дав ей полномочия составить общий план по всем вопросам железнодорожного дела. Ее решения в том, что касалось чисто управленческих мероприятий, должны были быть обязательными для местных профсоюзов и заводских комитетов. Таким образом, большевики в основном провели свою точку зрения, и Союз рабочих уполномоченных должен был удовлетвориться обещанием, что местный рабочий контроль по вопросам заработной платы, обеспечения и продовольствия останется в силе. Так, при протестах людей боязливых, которые видели в этом начало конца революции, было положено начало созданию революционной бюрократии, которой должен был подчиняться контроль над производством, распределением и транспортом.

Подобную же попытку большевики предприняли и в области финансового дела. Гуковский⁶⁴ сделал на заседании специальной комиссии соответствующий доклад. На первое полугодие со времени Октябрьской революции дефицит составлял 15 млрд руб. Значительную часть расходов можно было, впрочем, с полным основанием занести и в графу прибылей, поскольку они представляли собой вложения в национализированные или взятые под контроль промышленные предприятия: ведь при условии, если бы республике был дарован период мира, эти предприятия стали бы приносить доход. Впрочем, дефицит подлежал покрытию путем выпуска бумажных денег и сбора налогов. Гуковский самым резким образом осудил систему обложения буржуазии контрибуциями. Эта мера применялась местными Советами совершенно бессистемно. Люди, принадлежавшие прежде к классу буржуазии, подвергались аресту, содержались под стражей и им предлагали вносить фантастические суммы денег, которых у них не было. Красногвардейские части увеличивали поборы с городов, где они были расквартированы, и тратили деньги без всякого отчета. Этой анархии в финансовом деле надо положить конец, сказал Гуковский, и надо создать ответственный финансовый орган в каждой губернии республики. Он предложил наделить этот финансовый орган полномочиями взимать прямые налоги, которые не должны превышать больше чем на 20% размер налогов, взимавшихся муниципальными властями при Керенском, и не больше чем на 10% превышать налоги, взимавшиеся земствами. Кроме того, разрешалось взимать чрезвычайные и единовременные налоги деньгами или натурой, но только с согласия

⁶⁴ И.Э. Гуковский (1871–1921) — нарком финансов РСФСР в марте — августе 1918 г.

Исидор Эммануилович
Гуковский

финансового комитета ВСНХ. Предложение Гуковского встретило почти единодушную поддержку, ибо было ясно, что зачинщики этих реквизиций и вымогательств, все еще продолжавшихся, не были представлены на съезде. Это касается, главным образом, анархистов и левых эсеров, которые сумели пробраться в ряды Красной гвардии. Вопрос о том, как положить конец этой горестной черте революции, был самым тесным образом связан с вопросом о том, как распустить Красную гвардию и создать дисциплинированную Красную армию.

В дальнейших дебатах Ленин поднял вопрос о том, нельзя ли ликвидировать бумажные деньги, которые были пущены в оборот после Февральской революции. Деньги, сказал он, являются только символом, и в социалистическом государстве, где никто не пытается жить за счет другого, должна быть введена система прямого обмена. Для этой цели не нужно ничего другого, кроме системы расплаты чеками, проводимой через пункт клирингового обмена, например через ВСНХ; эту систему удастся ввести, однако, лишь тогда, когда борьба против международной контрреволюции будет позади. Но до этого еще далеко. А раньше можно было бы сделать первый шаг, объявив, начиная с определенного момента, недействительными все деньги, находящиеся в обращении, причем все деньги, находящиеся в обращении внутри страны, подлежали бы сдаче в банк в обмен на купоны, которые в будущем заменяли бы бумажные деньги. Подобное постановление, сказал он, позволило бы также взять единовременный налог со всех обладателей бумажных денег, имеющих их более определенного количества. Эта идея была в принципе одобрена и особой комиссией было поручено выработать детали. Но на данной

стадии развития революции ленинская идея не была осуществлена. Было известно, что кулаки и мелкие крестьяне ни в коем случае не согласились бы на этом этапе революции опустошить свои кубышки с деньгами, спрятанные далеко в лесу и представлявшие собой доход от спекуляции, добытый ими с тех пор, когда в городах начала обнаруживаться нехватка продовольствия. Была нужна вторая аграрная революция, чтобы обложить налогом содержимое этих кубышек.

В другой созданной съездом комиссии профсоюзы, фабзавкомы и ряд политических комиссаров занимались трудным вопросом о том, как оплачивать труд рабочих и как увеличить объем производства. Здесь была действительно благоприятная почва для той главной борьбы, которая должна была развернуться между теми элементами, участвующими в революции, которые выступали за централизацию и дисциплину, и теми, которые мечтали о миновавших уже днях, когда каждый отдельный производственный совет был сам себе наивысшим законом. ЦК большевистской партии был крайне озабочен тем, чтобы направить внимание профсоюзов и фабзавкомов на принятие мер против ощущаемого недостатка продовольствия и сырья, мер, необходимых для поднятия производительности труда.

Преодолев опасения левого коммунистического крыла внутри собственной партии, большевики не остановились перед тем, чтобы предложить комиссии введение вновь сдельной оплаты, премий и тейлоровской системы. Против этих предложений наметилась очень сильная оппозиция в лице группы делегатов профсоюзов, входивших в комиссию. Эту группу возглавлял Рязанов, который до недавнего времени был еще членом большевистской партии. Он занимался профсоюзным движением в России и в Западной Европе и поскольку он был большим поклонником английских профсоюзных методов второй половины XIX в., то он самым беспощадным образом боролся против политики вмешательства в независимость профсоюзов. Он был вынужден выйти из большевистской партии, так как ЦК этой последней сделал данный вопрос принципиальным, преследуя цель обеспечить таким образом партийный контроль над профсоюзами. Члены Союза рабочих уполномоченных поспешили ему на помощь, так же как, с другой стороны, и делегаты—члены комиссии, принадлежавшие к меньшевистской группе и группе интернационалистов, возглавляемой Максимом Горьким.

В течение нескольких дней внутри комиссии длилась ожесточенная борьба между представителями этих двух противоположных точек зрения. Противники большевистских предложений указывали на то,

что сдельная работа и тейлоровская система — это как раз то, против чего рабочие Западной Европы и их профсоюзы боролись в течение десятилетий. Если Советы в России вознамерятся, только придя к власти, ввести подобную систему, то это будет означать, что они под предлогом увеличения объема производства готовы пожертвовать всеми достижениями революции. Особенно система Тэйлора, говорили они, несет на себе самые худшие черты капиталистической эксплуатации. Кроме того, это привело бы к привилегированному положению тех, кто быстрее работает, и к непомерному напряжению рабочих слабых и медлительных. «Я прошу вас, товарищи, — сказал Рязанов с большой горячностью, — не совершайте этой ужасной ошибки, которую организованные рабочие Западной Европы, имеющие большой опыт, чем вы, старались избежать в длительных боях». Северов, выступавший после него в таком же смысле, предложил вместо сдельной работы и системы Тэйлора ввести минимальный объем производства для каждой отрасли промышленности и установить, что профсоюзы и фабзавкомы должны принять на себя коллективную ответственность за выполнение этого минимального объема производства. В этом заключалась бы законная задача профсоюзов. Они должны обратить свое внимание на техническую сторону соответствующих отраслей промышленности и не допустить того, чтобы их превратили в жандармов советского правительства, поставленных, чтобы добиться проведения в жизнь определенной производственной системы. Ибо это задача политических организаций, а профсоюзы должны сохранять свою независимость.

Эта речь вынудила большевистских лидеров Милютина⁶⁵ и Ларина⁶⁶ подняться на трибуну. В чем, собственно, состоит эта так называемая независимость профсоюзов? Не должна ли она попросту служить предлогом, чтобы использовать профсоюзы в качестве ширмы для саботажа экономического строительства в условиях диктатуры пролетариата? Профсоюзы в Западной Европе находились в состоянии борьбы со всемогущим капитализмом, который прибегал к сдельной работе, премиям и системе Тэйлора, чтобы выжать из рабочих все до последнего в интересах прибыли. Не значит ли рассуждать по-детски, утверждая, что положение в России таково же? Разве банки и главные отрасли промышленности не находятся в руках Советов? Как же можно при этих условиях утверждать,

⁶⁵ В.П. Милютин (1884–1937) — народный комиссар земледелия в 1917 г., в 1918 г. и.о. председателя ВСНХ РСФСР.

⁶⁶ Ю. Ларин (наст. имя и фам. М. Лурье) (1882–1932) — советский экономист, в 1917–1921 гг. член президиума ВСНХ РСФСР.

что мероприятия, которые продиктованы неотложной необходимостью повысить производительность, вновь приведут рабочих под ярмо частной эксплуатации? Далее они указали на то, что при настоящем положении промышленности в России, где введение современных машин и убыль рабочей силы как следствие войны есть широко распространенные явления, производство не зависит более от физической силы и способностей отдельного рабочего. Оплата на основе сдельщины пойдет на пользу уже не самому сильному, а самому добросовестному рабочему. Кроме того, норма выработки будет установлена для каждой отрасли промышленности с учетом требований системы Тэйлора не директорами и не руководителями производства, а самими профсоюзами и фабзавкомами, и будет введена в действие только через их же орган, то есть Совет народного хозяйства. Предложение установить для каждой отрасли промышленности минимальный объем производства (с тем, чтобы после его принятия была введена коллективная ответственность всех работников за его выполнение) не станет, говорили они, подходящей мерой для того, чтобы преодолеть нужду, созданную обстановкой. Во-первых, этот минимум сразу же превратится в максимум, тогда как экономические затруднения, которые переживает революция, требуют превышения современного уровня производства. Во-вторых, попытка создать коллективную трудовую дисциплину уже была предпринята в течение пяти месяцев, истекших со времени Октябрьской революции, но губернские Советы народного хозяйства вместе с полузависимыми заводскими комитетами оказались неспособными повысить объем производства. Делу не поможет, если просто закрывать глаза на неприятные факты. Революции не удалось воспитать рабочего в духе самодисциплины. Это еще предстоит сделать, и лучшим методом для этого, как это показал опыт, является введение сдельной оплаты, системы Тэйлора в той или другой форме и отказ от коллективной ответственности.

После многодневных дебатов большевистские предложения были, наконец, приняты в комиссии. Это означало первый практический шаг вперед по пути централизации экономической власти и милитаризации труда в условиях диктатуры пролетариата. Угрожающая позиция международной контрреволюции, немецких империалистов и империалистов стран Антанты делала вопрос о дисциплине труда и повышении производительности решающим вопросом, вопросом жизни и смерти. Каждый чувствовал, что передышка приближается к концу, и наиболее прозорливые понимали, что теперь дорога каждая минута, чтобы подготовиться к новым испытаниям, которые предстояли рево-

люции. Но было бы ошибкой думать, что победа сторонников дисциплины и централистов на 1-м съезде Советов народного хозяйства была обязана всецело и исключительно опасности, угрожавшей со стороны международного лагеря правых сил. Эта победа была достигнута скорее благодаря необходимости подавить анархистские элементы, действовавшие слева, которые, выступая под различными именами и при помощи различных партий, пытались подорвать экономический фундамент республики. Большевистская партия была тогда единственной в России, которая имела мужество сказать нелицеприятную правду и заставить массы задуматься над тем, что если они не объединятся и не выступят с такой же решительностью против анархии, исходившей от ультралевых, с какой они боролись против международных правых, то революция будет обречена на гибель вследствие внутреннего развала. В этих целях большевики поставили перед собой задачу подчинить своему влиянию, своей власти экономические органы масс и при помощи этих органов воспитать массы в духе сознания того факта, что социальная революция означает не только лишение эксплуататоров их добычи, но и введение железной дисциплины в рядах самих работающих.

Примерно спустя две недели после заседаний съезда Советов народного хозяйства был предпринят дальнейший важный шаг к консолидации и централизации экономических органов революции. Декретом СНК важнейшие предприятия: горнорудные, металлургические, электротехнические, мукомольные, деревообрабатывающие, кожевенные, цементные и химические заводы, которые до этого, ввиду отсутствия для выполнения этой задачи аппарата, еще не были национализированы, были объявлены государственной собственностью и подчинены ряду специальных комиссий Совета народного хозяйства. Этот декрет касался всех фирм с капиталом в один миллион рублей и выше. Технические руководители заводов и специалисты должны были иметь своих специальных представителей в Совете народного хозяйства. Эти мероприятия были направлены особенно против международного лагеря правых и, прежде всего, против германского империализма. В течение апреля и мая на немецких биржах происходила жуткая спекуляция ценными бумагами русских промышленных фирм. Акции русских рудников, машиностроительной и электротехнической промышленности скупались агентами Централь-ных держав. Вне всякого сомнения, в этом участвовали и агенты Антанты. Я узнал, что русские владельцы промышленных акций, продававшие эти последние перед Октябрьской революцией синдикатам стран Антан-ты, стали вновь их скупать после Брест-Литовского мирного договора,

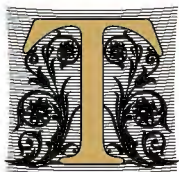
чтобы перепродать немецким банкам. В каждом отдельном случае эти сделки были искусно замаскированы привлечением посредников, но факт оставался неоспоримым и составлял предмет обычных разговоров в московском Кремле в эти дни. Международный капитал пытался всеми возможными путями избежать действия диктатуры пролетариата и национализации, не понеся при этом потерь, которые были неизбежны, поскольку революция имела в своем распоряжении аппарат управления экономикой. Декрет этот должен был вступить в силу через 48 часов. Как стало известно СНК, немецкий посланник имел намерение послать ноту, в которой подчеркивалось, что определенные, еще не национализированные, но находящиеся под контролем фабрики проданы подданным Германии и что поэтому декреты Совета народного хозяйства на них не распространяются. С лихорадочной поспешностью политические комиссариаты и различные отделы Совета народного хозяйства принялись за работу и после заседания, продолжавшегося целую ночь, представили на следующее утро декрет с целым списком фабрик, которые объявлялись государственной собственностью. Когда появился граф Мирбах, чтобы передать свою ноту, ему были показаны официальные «Известия», которые опубликовали на следующее утро весь список новых государственных предприятий. Следствием этого было всеобщее падение курса соответствующих акций на Берлинской бирже. Владельцы этих акций знали, что от немецкого Генерального штаба на востоке теперь будет зависеть, сохранит ли этот декрет свою силу или будет аннулирован.

Price M.P. My Reminiscences of the Russian Revolution. London, 1921.
P. 164–286 / Пер. с англ. яз. О.В. Кузнецовой.

Anastasiya A. Sotnikova

«MY REMINISCENCES OF THE RUSSIAN REVOLUTION» BY M. PHILIPS PRICE

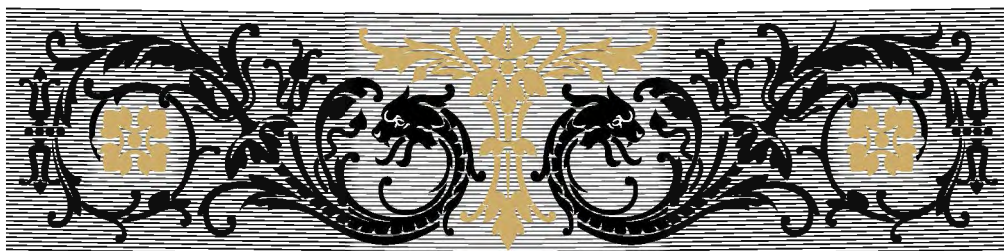
The book by the well-known British journalist Morgan Price, which appeared to be sold in England in 1921, had several main goals. First, the author told about his job in the Russian Empire during its revolutionary transformation into a democratic society. Price not only stated his attitude towards the revolution, its leaders and their opponents, but also recorded the course of the reforms, presenting them as gradually staged and multifunctional. Secondly, the author reveals his sympathy to the revolution, the people, who after long years of slavery has spoken up for their rights and freedoms. Depicting the actions of simple serfs, soldiers and workers, Price shows them, not their leaders, as revolution creators. Moreover Price offers a unique portfolio on all the political leaders of the revolutionary Russia, depicting in details their appearance, manners and behavior, having recorded them while officially speaking. This book played an important role in forging the attitude of British society towards the changes in Russia. It helped to eliminate misbeliefs and to estimate the Russian Revolution as a typical course of political changes, which at a certain moment took place in all European countries.

Подготовка текста и комментарии:

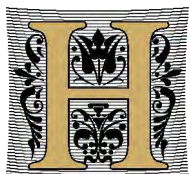
 Сотникова Анастасия Алексеевна

секретарь Научного совета РАН по истории социальных реформ,
движений и революций

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ СМЫШЛЯЕВ (30.01.1951—24.04.2019)

Н е стало Александра Леонидовича Смышляева, старшего научного сотрудника Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, ведущего научного сотрудника Института истории и теории мировой культуры при МГУ имени М. В. Ломоносова, члена редколлегии журналов «Вестник древней истории (ВДИ)» и «IUS ANTIQUM. Древнее право»¹. К этим должностям «Исторический вестник» с особой гордостью добавляет факты членства Александра Леонидовича в Редакционном совете журнала, а также его руководства составлением девятнадцатого тома, посвященного политической организации Римской империи, ставшего одним из наиболее удачных выпусков такого рода².

¹ Общую информацию об А.Л. Смышляеве, а также список его основных научных трудов см.: Смышляев Александр Леонидович (30.01.1951—24.04.2019) // URL: <http://ancientrome.ru/site/smyshlyaev.htm> (дата обращения: 02.06.2019).

² Исторический вестник. 2017. Т. 19: Рим: Dominatio Civilis. М., 2017. Полный список трудов А.Л. Смышляева и его Curriculum Vitae см.: <http://ancientrome.ru/site/smyshlyaev.htm> (дата обращения: 31.05.2019).

Ушел из жизни признанный специалист по истории Древнего Рима, который оставил глубокий след, главным образом, в изучении истории римской администрации³ (прежде всего, провинциального управления⁴)

³ См., напр.: *Смышляев А.А.* Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н. э. // ВДИ. 1979. № 3. С. 60–81; *Он же.* Всадники во главе ведомств императорской канцелярии во II — начале III в. н. э. // ВДИ. 1981. № 2. С. 91–108; *Он же.* Античная гражданская община: отсутствие или особый тип государственности? // ВДИ. 1989. № 3. С. 99–101; *Он же.* «Речь Мецената» (Dio Cass. LII. 14–40): проблемы интерпретации // ВДИ. 1990. № 1. С. 54–66; *Он же.* Государство без бюрократии (на опыте Ранней Римской империи) / Античность и современность. М., 1991. С. 37–40; *Он же.* Римская императорская власть эпохи принципата в современной зарубежной историографии (аналитический обзор) // РЖ ИНИОН АН СССР. Актуальные проблемы правоведения. Вып. 5. М., 1991. С. 67–78; *Он же.* Народ, власть, закон в позднеереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара) // ВДИ. 2003. № 3. С. 46–60; *Он же.* Проблема «римской демократии» в современной зарубежной историографии (в соавторстве с Е.А. Одеговой) / Академклуб. Исторические науки. Вып. 2. Античная история и классическая археология / Отв. ред. В.В. Дементьева. М., 2006. С. 64–78 и др.

⁴ См., напр.: Домиций Ульпиан. Об обязанностях проконсула (сохранившиеся фрагменты по Palingenesia iuris civilis О. Ленея) / Пер., вступ. ст. и прим. А.А. Смышляева // ВДИ. 1985. № 4. С. 221–233; ВДИ. 1986. № 1. С. 194–216; *Смышляев А.А.* Всту-

и римского права (главным образом, процессуального)⁵. Большая часть сознательной жизни Александра Леонидовича была связана с Московским университетом. Там преподавал его отец, юрист по специальности, среди прочего, положивший начало замечательной домашней библиотеке по истории и праву, которая впоследствии была расширена трудами самого Александра Леонидовича и которой довелось воспользоваться и авторам этой статьи. Там же, в Главном здании МГУ, в корпусе, построенном специально для преподавателей и их семей, Смышляев прожил

пление наместника в провинциальный город (церемония *adventus* по Ульпиану) // ВДИ. 1991. № 4. С. 106—117 (Переиздано в книге «Древние цивилизации. Древний Рим. Избранные статьи из журнала “Вестник древней истории”». 1937—1997. М., 1997. С. 703—713); *Он же*. Трактаты римских юристов «Об обязанностях наместника провинции» // IUS ANTIQUUM. Древнее право. 1997. № 1(2). С. 65—73; *Он же*. *Civilis dominatio*: Римский наместник в провинциальном городе // ВДИ. 1997. № 3. С. 24—35; *Он же*. Римский наместник как магистрат (к вопросу об особенностях римской государственности в эпоху ранней Империи) // Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). М., 1998. С. 282—295; *Он же*. Римский наместник в провинциальном городе: *otium post negotium* // ВДИ. 1999. № 4. С. 59—70; *Он же*. Няня-кормилица в суде римского наместника // ВДИ. 2001 № 3. С. 36—58 (Переиздано с незначительными дополнениями: *La nourrice au tribunal du gouverneur romain* // *Cahiers Glotz*. XIII. 2003. С. 113—139); *Он же*. Римский наместник в провинциальном городе: стиль управления в эпоху Принципата // IUS ANTIQUUM. Древнее право. 2006. № 1 (17). С. 65—77; *Он же*. Август в представлении римских юристов: предварительные итоги // В тени Мнемозины: коммеморативные практики в обществах прошлого. Сборник научных трудов / Под ред. А.Н. Маслова, А.В. Махлаюка. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. С. 146—159 и др.

⁵ Смышляев А.А. Римские правовые трактаты-инструкции «Об обязанностях наместника» и трактаты-монографии в *Libri terribiles*/Дигесты Юстиниана / Под ред. Л.А. Кофанова. Т. 8. М., 2006. С. 170—180; *Он же*. «De cognitionibus» Каллистрата: адресат и жанровая принадлежность (к вопросу о жанровых особенностях трактатов северовских юристов по публичному праву) // Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права. Материалы заседаний IV Международной конференции. Москва — Иваново — Суздаль, 25—30 июня 2006 г. / Отв. ред. Д.И. Польвянный. Иваново, 2006. С. 47—53; *Trattati monografici giuridici nei Digesta giustiniane*/Problemi della traduzione dei Digesta giustiniane nelle lingue europee. Atti del seminario internazionale di diritto romano. Caserta 13—14 giugno 2005. A cura di L. Minieri — O. Sacchi. Napoli: Jovene Editore, 2007. P. 107—116; *Он же*. Понятия римского права и научной этики в работе Д.О. Тузова. Письмо в редакцию // ZESZYTY PRAWNICZE. 8. 1. Warszawa, 2008. S. 339—353; *Он же*. «Добрые нравы» и «суровые законы» в римском суде // IUS ANTIQUUM. Древнее право. 2008. 2(22). С. 76—96; *Он же*. Суд наш есть дело чести, есть дело подвига и дело славы (судебный поединок как дело чести в Древнем Риме) // Юридические записки. 2011. № 1 (24). С. 25—31; *Он же*. *Argumentum ad hominem* в римском суде/MONUMENTUM GREGORIANUM. Сборник научных статей памяти академика Григория Максимовича Бонгард-Левина / Отв. ред. А.И. Иванчик. М., 2013. С. 403—412; *Он же*. Еще раз о *responsa* римских юристов и *disputatio fori* // ВДИ. 2014. № 4. С. 110—129 и др.

большую часть своей жизни. Там он учился в 1968–1973 гг., а затем, окончив курс исторического факультета по кафедре истории Древнего мира, еще три года провел в аспирантуре и подготовил диссертацию «Имперская бюрократия при первых Северах», которая была успешно защищена в 1977 г.

В те годы, ставшие временем становления Александра Леонидовича как исследователя, он — раз и на всю свою жизнь — определился с научными интересами, выбрав историю Древнего Рима и эпоху Северов (на которую приходится правление императоров от Септимия Севера (193–211) до Александра Севера (222–235)) как конкретный этап этой истории. Риму времен Северов Александр Леонидович посвятил уже свою дипломную работу о военных реформах Септимия Севера, которая была написана под научным руководством видного отечественного специалиста по истории Рима Василия Ивановича Кузишнина (1930–2013), заведовавшего кафедрой истории Древнего мира с 1973 по 2009 г. Впоследствии он писал о том же периоде в своей кандидатской диссертации, отдельные положения которой на протяжении всей своей жизни Смышляев развивал в отдельных исследованиях — статьях, переводах, рецензиях.

Эпоха Северов интересовала Александра Леонидовича не только как канун великих потрясений, которые у нас принято называть «кризисом III века», предопределенного, как мы сейчас понимаем, последствиями издания эдикта Каракаллы 212 г., предоставившего римское гражданство всем свободным провинциалам. Специалисты хорошо знают, что именно на это время приходится деятельность четырех из пяти наиболее выдающихся римских юристов — Эмилия Папиниана (ок. 150–212), Юлия Павла (первая половина III в.), Домиция Ульпиана (ок. 170–228), Геренния Модестина (первая половина III в.), которые (наряду с Гаем, жившим во II в.) были признаны основными авторитетами «Законом о цитировании» (426 г.). Именно на творчество римских юристов обратил внимание Александр Леонидович (вероятно, не без влияния своего отца); всю свою научную жизнь он работал над изучением и переводами их сочинений⁶; эти же тексты стали и

⁶ См., напр.: Домиций Ульпиан. Об обязанностях проконсула...; Трактаты римских юристов «Об обязанностях наместника провинции»... и др. В русском переводе Дигест Юстиниана, осуществленном под руководством Л.Л. Кофанова, именно Л.Л. Смышляев перевел большую часть разделов, посвященных публичному праву. См.: Дигесты Юстиниана. *Digesta Iustiniani* / Отв. ред. Л.Л. Кофанов / В 8 т. М.: Статут, 2001–2006.

главным источником для его работ, посвященных истории Римского государства и права.

О научном творчестве Александра Леонидовича мы еще поговорим ниже. Сейчас же хочется обратить внимание на другую сторону его биографии, вне всякого сомнения, игравшую для него самого еще более важную роль, чем занятия наукой. Речь идет об университетском преподавании, которому Александр Леонидович отдал без малого два десятка лет: за период 1977–1995 гг. он прошел путь от начинающего преподавателя до доцента кафедры истории Древнего мира. В этот период он разработал и прочитал общие курсы по истории Древней Греции и Древнего Рима на вечернем отделении Исторического и дневном отделении Философского факультетов МГУ, а также по истории Древнего Рима (на дневном отделении Исторического факультета МГУ); его практические занятия по этому курсу стали, вероятно, наивысшим достижением Смышляева-преподавателя. Наконец, на кафедре истории Древнего мира он много лет читал спецкурсы («Римское право для историков», «Жизнь римской провинции по Дигестам Юстиниана») и вел спецсеминары («Быт и нравы Древнего Рима», «Латинская эпиграфика»).

Именно курс по истории Древнего Рима лег в основу учебника римской истории, задуманного А.Л. Смышляевым уже в 2000-х гг. Первая его часть вышла в издательстве «Университет Дмитрия Пожарского» в 2007 г.⁷ Она же, увы, оказалась единственной. Причины этого, будь то непонимание между автором и издательством, чрезмерная загрузка А.Л. в последние годы или еще что-либо, сейчас уже не важны. Важным оказывается то, что, наверное, лучший из имеющихся на русском языке учебных курсов по римской истории остался незавершенным. Впрочем, даже в том виде, в котором он есть, этот учебник достоин самого пристального внимания.

Начать надо с того, что перед нами не просто учебник по истории Древнего Рима, но курс истории Римской империи, и воспринимать его следует именно так, несмотря на то, что в вышедшей части нет практически ни слова ни об одном из императоров. В самом начале первой лекции («Всемирно-историческое значение римской цивилизации. Римское чудо») А.Л. Смышляев пишет о том, что «великую Римскую империю было бы справедливо называть римским чудом»⁸. И несколькими стро-

⁷ Смышляев А.Л. История Древнего Рима от Ромула до Гракхов. М.: УДП, 2007.

⁸ Там же. С. 5.

ками ниже он вновь возвращается к этому тезису, ставя ряд вопросов: «В чем же секрет столь удивительной прочности и долговечности Римской империи? И почему после гибели своей она оставила по себе столь долгую благодарную память даже у некогда покоренных ею народов? Чем объясняется римское чудо?»⁹

На протяжении последующих семи лекций А.Л. Смышляев разворачивает панораму истории Рима, от легенды о его основании 21 апреля 753 г. до н.э. и до победы над Карфагеном в Третьей Пунической войне и разрушения Римом Коринфа в 146 г. до н.э. Описания природы сменяются рассказом о военных действиях, они, в свою очередь, плавно переходят в анализ социальных перемен, а от них — к сопутствовавшим им законодательным инициативам. Шаг за шагом А.Л. Смышляев показывает, как стала возможна Римская империя, из чего она складывалась и откуда выростала. При этом у него получился настоящий курс лекций — любой человек, хоть раз слушавший лекции А.Л. вживую, читая «Историю Древнего Рима», почти слышит его голос, читающий неторопливо, но без затяжек и лишних отступлений.

Продолжая разговор о Смышляеве-преподавателе, заметим: все, кому довелось учиться у Смышляева, вспоминают это время в числе лучших периодов своей жизни. Главное, чему учил Александр Леонидович, — это умение работать с источниками, извлекать из них максимальный объем информации и корректно ее интерпретировать. Не меньшее внимание уделялось также созданию готового текста. Здесь он достиг особых высот. Именно его примером и советом руководствовался один из нас, когда разработал специальную методичку по написанию студенческих докладов и курсовых работ. Александр Леонидович подробно объяснил, как и почему это следует сделать: студенты 1990–2000-х гг. не в лучшую сторону отличались от своих предшественников позднесоветского времени; для того чтобы достичь нужного уровня в работе с ними, требовалось гораздо больше внимания и усилий преподавателя, в том числе — и в смысле создания особых учебных пособий. Советы, полученные от Александра Леонидовича в прежние времена, помогают и сейчас в решении многих дидактических проблем. И остается лишь сожалеть, что ни одному из авторов этого текста не довелось пройти блестящей «смышляевской» школы.

Все знавшие Александра Леонидовича подчеркивают, что он не терпел халтуры ни в большом, ни в малом, учил тщательно отделять,

⁹ Там же. С. 7.

шлифовать работы до того момента, пока концептуальные построения не обретали необходимую стройность и надежную аргументацию. Впоследствии, когда его основной деятельностью стала редакция научных статей, это же качество было в полной мере оценено коллегами также и с этой стороны. Оба автора этих строк знают об этом не понаслышке: именно Александр Леонидович в разное время рекомендовал наши тексты в «Вестник древней истории», именно ему мы обязаны не только самим фактом своих публикаций там, но и (в немалой степени) качеством своих текстов, ставшим результатом общих трудов.

При этом своих студентов и коллег Александр Леонидович привлекал не только фундаментальностью своих знаний и научной тщательностью. В не меньшей степени обращали на себя внимание его человеческие качества — врожденная интеллигентность, тонкое чувство юмора, хлебосольность и открытость, умение жить и радоваться жизни. Рожденный в семье высокопоставленного университетского чиновника, Смышляев тем не менее (а может быть — именно в силу этого факта) обладал стойким иммунитетом против карьеризма. Его не привлекала карьера — ни бюрократическая, ни научная, ни любая другая. Он был чужд стремления помыкать другими людьми — того, что обыденная философия выдвигает ныне в качестве главной цели человеческой жизни, ради которой стяжают богатства и во имя которой, срывая ногти, лезут на вершину бюрократической пирамиды. При этом Александр Леонидович вовсе не был бессребреником: он всегда четко знал, сколько именно и чего ему нужно — не меньше, но и не больше. Он любил хорошую еду и алкоголь, приятную и (обязательно!) умную и утонченную беседу, а еще любил и хорошо знал русскую поэзию, обладая при этом редким чувством такта и умением не давить на окружающих своей эрудицией.

Александр Леонидович был гостеприимным и хлебосольным хозяином. Один из авторов этих строк не раз и не два сидел с ним в его квартире в ГЗ МГУ, за накрытым столом (иногда это был чай с тортом и рюмкой коньяку, иногда его коронная жареная картошка с луком, к которой полагалась всегда бывшая у него граппа). Эти неспешные вечера, наполненные не только вкусной едой, но и неторопливой беседой на самые разные темы, бережно хранятся в памяти. В ходе таких встреч мы обсуждали статьи, уже находящиеся в работе, или замыслы новых исследований, говорили о нашей общей любви — о путешествиях, обменивались впечатлениями от недавних поездок. Иногда, увы, не очень часто, Александр Леонидович рассказывал что-то из своих воспоминаний, из тех лет, когда

он только начинал работать в МГУ. Он был превосходным рассказчиком, умел оживить прошедшее время, воскресить для сидящих за столом давно ушедших от нас людей.

Несколько раз мы были вместе в различных поездках. В Риме, где мы оказались проездом на конференцию в Казерту, получилась чудесная ночная прогулка, в ходе которой Александр Леонидович вместе с Михаилом Вадимовичем Бибиковым рассказывали нам, тогда еще молодым, начинающим, истории древности, о том, как протекала жизнь Римского форума. После этого была небольшая, но чудесная поездка в Мадрид, в компании Александра Леонидовича, Дмитрия Вадимовича Дождева и его жены. И наконец, еще пару лет спустя один из авторов этих строк вместе с А.А. поехал в Севилью. Прогулки по городу, поездки в Гранаду, Кордову и древнюю Италику, снова Севилья, — и все это время разговоры о Римской империи, о присоединении Испании к Риму, о Пунических войнах... Две недели счастья, которым мы с Александром Леонидовичем оказались обязаны друг другу.

Он был ограничен во всем, в том числе — в своей способности к тонкой иронии, не унижающей собеседника, но способствующей взаимопониманию. Он ценил внимание других и желал быть уважаемым — но лишь теми, кого уважал сам. Он был харизматичен, и эта его как бы совсем «непрофессиональная» черта имела прямое отношение к его профессии — и как преподавателя, и как исследователя: именно она привлекала людей — слушателей и читателей — и помогала доступно объяснять самое сложное. Когда он ушел из Московского университета — пусть даже не навсегда (в 1997–2006 гг. он в качестве почасовика преподавал в Институте стран Азии и Африки) и не до конца (с 2003 г. и до конца жизни он сотрудничал с Институтом мировой культуры) — потеряли и он, и Московский университет. Впрочем, приобрели другие места, где он преподавал после 1995 г. — Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Еврейский университет в Москве, но прежде всего — Институт истории, политологии и права РГГУ, где в 1997 г. ему удалось организовать специализацию по истории Рима и римскому праву. Оксфордскому университету эта (увы, весьма скоро закрытая) специализация дала Георгия Максимовича Кантора, а Московскому — Андрея Михайловича Ширвиндта, и до сих пор они, прямые ученики А.А. Смышляева, в числе лучших.

В свою очередь, Смышляев-исследователь многим обязан Смышляеву-преподавателю. Человеческая харизма и знание людей, умение говорить с ними ясно, четко и по существу — все эти качества в полной мере

отразила научная манера Александра Леонидовича. Они проявились и в отборе сюжетов (всегда наиболее существенных, значимых в контексте учебных курсов), и в стройности концептуальных построений (которые преподаватель априори рассчитывает на понимание студентов) и, наконец, в манере изложения, способности из множества фактов отобрать не только самые веские, но и самые впечатляющие, воздействующие не только на сознание, но и на воображение.

Такова, например, работа, посвященная *adventus* — ритуалу торжественного вступления наместника в провинциальный город¹⁰. Шаг за шагом разбирая отдельные элементы церемонии, он закономерно подводит читателя к своему главному выводу: «Вероятно, в торжественных процедурах, связанных с прибытием правителя, следует видеть не только церемониал и не только метод восприятия и осмысления участниками торжеств этого события, но также и способ своеобразного преобразования действительности. Вступавший в город наместник (или император) в итоге этой церемонии превращался в сознании его жителей из представителя и воплощения высшей и внешней по отношению к ним власти в полномочного представителя гражданского коллектива — в верховного магистрата полиса, получившего от сограждан свою власть, чтобы использовать ее для их блага. Таким образом, церемония “прибытия” и связанные с ней процедуры освящали и узаконивали власть правителя в соответствии с полисными традициями»¹¹.

Собственно, в таком понимании «полисных традиций» появляется не только вывод отдельно взятой статьи, но и одна из ключевых идей Александра Леонидовича применительно к характеристике государственного строя Рима эпохи Империи. Он был уверен (и сохранил эту уверенность до конца своих дней) в том, что, вопреки существующим представлениям, Рим сохранял ключевые черты полисного политического устройства вплоть до конца своей истории (в значительной степени, распространяя это представление и на эпоху Поздней Империи). Уже на рубеже 1980–1990-х гг., в период участия в дискуссии об особенностях римской модели политогенеза¹², связанной с появлением статьи Е.М. Штаерман, утверждавшей об отсутствии классовой диффе-

¹⁰ Смышляев А.А. Вступление наместника в провинциальный город (церемония *adventus* по Ульпиану) // Древние цивилизации. Древний Рим. Избранные статьи из журнала «Вестник древней истории». 1937–1997. М., 1997. С. 703–713.

¹¹ Там же. С. 713.

¹² Смышляев А.А. Античная гражданская община: отсутствие или особый тип государственности?..

ренциации (в ее марксистском понимании) и государственного аппарата вплоть до начала эпохи Империи (а в Древней Греции — вплоть до возникновения эллинистических монархий)¹³, Смышляев, осторожно согласившись с главным выводом Елены Михайловны, вместе с тем посчитал нужным оговориться: «Е.М. Штаерман справедливо отмечает, что нельзя говорить о существовании государственности, исходя лишь из наличия в обществе монеты, письменности и права. Однако если монета представляет собой основную меру стоимости, главное средство обращения и платежа, если письменность служит для создания произведений литературы с отчетливым авторским началом, а наряду с правом существует и правовая наука, то это предполагает такую степень выделения индивида из коллектива и дифференциации экономической и социальной жизни, что общество этого типа вряд ли можно признать догосударственным»¹⁴.

Ключевую для себя мысль о том, что Римское государство являлось, с одной стороны, непреложным фактом (по меньшей мере, начиная с эпохи Империи), но вместе с тем принципиально отличалось от современного, он проводил едва ли не во всех своих работах¹⁵. Тем не менее в наиболее зрелой форме эта мысль проявилась именно в статье, помещен-

¹³ Штаерман Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. №2. С. 76–94.

¹⁴ Смышляев А.А. Античная гражданская община: отсутствие или особый тип государственности?.. С. 99–100.

¹⁵ Назовем лишь главные из них: Смышляев А.А. «Речь Мецената» (Dio Cass. II. 14–40): проблемы интерпретации // ВДИ. 1990. № 1. С. 54–66; *Он же*. Государство без бюрократии (на опыте Ранней Римской империи) // Античность и современность: докл. конф. [г. Москва, 30 окт. — 2 нояб. 1989 г.] / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории, Всесоюз. Ассоц. Антиковедов [отв. ред. Е.С. Голубцова]. М.: [б. и.], 1991. С. 37–40; *Он же*. Римская императорская власть эпохи принципата в современной зарубежной историографии (аналитический обзор) // РЖ ИНИОН АН СССР. Актуальные проблемы правоведения. Вып. 5. М., 1991. С. 67–78. [Электронный ресурс] <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1454362669> (дата обращения: 02.06.2019); *Он же*. Вступление наместника в провинциальный город (церемония *adventus* по Ульпиану) // ВДИ. 1991. № 4. С. 106–117; *Он же*. *Civilis dominatio*: Римский наместник в провинциальном городе // ВДИ. 1997. № 3. С. 24–35; *Он же*. Римский наместник как магистрат (к вопросу об особенностях римской государственности в эпоху Ранней Империи) // Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). М., 1998. С. 282–295; *Он же*. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара) // ВДИ. 2003. № 3. С. 46–60; Смышляев А.А., Одегова Е.А. Проблема «римской демократии» в современной зарубежной историографии // Академклуб. Исторические науки. Вып. 2. Античная история и классическая археология / Отв. ред. В.В. Дементьева. М., 2006. С. 64–78.

ной в «Историческом вестнике» в 2017 г.¹⁶ Александр Леонидович полагал, что Римское государство сохраняло полисную основу, «правление по-граждански», на протяжении не только республиканского, но и имперского периода (вплоть до эпохи домината, да и то с существенными оговорками).

С одной стороны, римское общество эпохи Поздней Республики и Ранней Империи по основным характеристикам невозможно сравнить с социумами догосударственной эпохи, со свойственными им отсутствием (или присутствием лишь в зачаточной степени) письменности, права, денежного обращения и ряда других основополагающих социальных институтов. С другой стороны, даже императорский Рим практически не знал бюрократии в современном понимании этого слова (она была относительно немногочисленна и не знала профессиональной специализации), основные властные полномочия реализовывались на уровне самоуправляющихся общин полисного типа, составлявших фундамент организации общества и власти, стоявшие на вершине властной вертикали императоры и наместники провинций не столько распоряжались учреждениями полисного типа, сколько стремились подстроиться к их деятельности, ориентируясь на систему ценностей, в полной мере сохранившую свои республиканские основы¹⁷.

Один из нас разделяет подобную точку зрения (которая известна ему, в том числе, из личных бесед с Александром Леонидовичем в конце 1990-х — начале 2000-х гг.), другой предпочитает позицию, утвердившуюся в русле современной «истории понятий»¹⁸. Однако ни один из нас не ставит под сомнение ключевую, системообразующую роль тех явлений, на которые обращал внимание А.Л. Смышляев; речь идет лишь о вариантах интерпретации связанных с ними характеристик. В частности, мы имеем в виду характер власти наместника провинции,

¹⁶ Смышляев А.Л. «Правление по-граждански» в представлении греческих писателей и в практике римской власти // Исторический вестник. Т. 19. Рим: *dominatio civilis* / Под общ. ред. А.Л. Смышляева. М., 2017. С. 10–49.

¹⁷ Там же. С. 17–19.

¹⁸ См., напр.: Понятие государства в четырех языках / Под ред. О. Хархордина. М., СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002; Штарк Р. *Res publica* // *Res publica: история понятия: сб. статей*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 8–66; Дрекслер Х. *Res publica* // Там же. С. 67–170; Шюрбаум В. Цицерон: *De re publica* // Там же. С. 171–278; Скипнер К. *Свобода до либерализма*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. С. 15–56; Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // *История понятий, история дискурса, история метафор*. М.: ИА РАН, 2010. С. 31 и др.

в статусе которого (как, кстати, и в статусе императора) А.Л. Смышляевым подчеркивались элементы, сближающие его не с бюрократами современного типа, а с магистратами античной эпохи, что явствует не только из содержания правовых норм, регламентировавших деятельность этой категории должностных лиц, но и из свойственных им форм публичного поведения (например, см. выше сказанное о церемонии *adventus*). Конечно, такое политическое объединение невозможно поставить в один ряд с государственными структурами Нового и Новейшего времени.

Александр Леонидович и сам был словно оттуда, из Древнего Рима. Когда он читал доклады или просто рассказывал о римской истории в частной беседе, в его облике ясно проступало что-то патрицианское. И сейчас, когда нам, оставшимся здесь, остается только вспоминать, перебирая образы прошлого, подобно драгоценным камням в сундуке, в памяти остается образ последнего римлянина, пережившего свою империю. Прощайте, коллега, друг и учитель, прощайте, и — до встречи.

О.В. Ауоров (ШАГИ ИОН РАНХиГС)

А.В. Марей (НИУ ВШЭ)

* * *

Post Scriptum

Ниже, в качестве приложения к нашему тексту, приводим краткие воспоминания двух людей: одного из самых близких друзей Александра Леонидовича — Алексея Алексеевича Вигасина, доктора исторических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Кафедры истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова и одного из учеников А.Л., а сейчас — доцента Оксфордского университета доктора Георгия Максимовича Кантора.

* * *

Осенью 1972 г. меня, молодого преподавателя, назначили руководить педагогической практикой студентов нашей кафедры истории Древнего мира. Тогда-то я и познакомился со студентом V курса Сашей Смышляевым. Сблизились мы позже, когда после окончания аспирантуры он был оставлен на кафедре. Саша попросил разрешения посещать мои занятия на I курсе. Я пытался отговорить его — безуспешно. Он ходил на все мои лекции по истории Древнего Востока и старательно их конспектировал. Очевидно, это дало ему повод позднее пошутить, что считает себя моим учеником. Шутка эта была для меня лестной, потому что преподавателем он был превосходным. Это было его настоящим призванием. Его уход с Истфака МГУ (вскоре после меня, в 1995 г.) стал огромной потерей для кафедры. Думаю, и сам он переживал расставание с университетом, хотя до последних дней жизни имел возможность читать лекции в других вузах. В конце 70-х гг., уже будучи близкими друзьями, мы писали статьи по методике преподавания на I курсе (так и не опубликованные). У нас было полное единодушие в том, что основной задачей университетского семинара является обучение ремеслу историка, навыкам анализа источников. Только у него это получалось лучше.

В том, что Смышляев ходил на мои занятия, проявилась очень важная черта его природы: он все делал основательно, не вынося халтуры. И с той же требовательностью, как к себе, относился к ученикам. Не всем это было по душе, но я уверен, что лучшие студенты тех лет благодарны ему за полученную школу. Упросить его сделать кому-то поблажку было невозможно — это не соответствовало его отношению к науке и университету. Свойственный многим коллегам легкий цинизм был ему чужд — всегда и во всем он был принципиален. Я привык показывать ему все, что сочинил, и знал, что он все незамедлительно и очень внимательно прочтет. А в оценке не покривит душой. Когда-то он исчеркал мои главы в учебнике по историографии и сказал: «Не то! Огромное количество имен, названий и фактов, которые невозможно запомнить, а общие линии даны нечетко». Дружба дружбой, а истина дороже!

Сам он писал медленно и мало, выводя из терпения издателей и редакторов. Чаще всего это можно объяснить его предельной добросовестностью (он любил слово «перфекционизм»). Но иногда приходилось и отвлекаться от текущей работы. Его чрезвычайно увлекала любая история — и древняя, и новейшая. Если в руки попадала интересная книга, он

мог забыть все на свете и читать ее ночами напролет. Саша был бескорыстен в своей любви к науке, и, вероятно, среди его публикаций нет таких, которые написаны не от души, а по обязанности. Он охотно ссылался на предшественников (будь то Фергюс Миллар или Виктор Моисеевич Смирин), но в своих лучших работах был вполне оригинален. Часто ему удавалось найти собственное — и убедительное — прочтение давно известных источников.

Его отличала безукоризненная порядочность. Характерный эпизод случился после нескольких лет его работы на кафедре. Неожиданно скончался его отец Леонид Петрович, и друживший с ним проректор И.А. Федосов предложил найти для Саши ставку доцента. Но тот решительно отказался по той причине, что на кафедре работал человек с несколько большим стажем. Пройти без очереди А.А. Смышляев не мог — не так он был воспитан.

В своей болезни он держался с поразительной стойкостью, а на вопросы о здоровье отвечал «хорошо» или «по-разному» (последнее, конечно, означало «очень плохо»). В нем, кажется, вовсе не было простительного эгоизма тяжелобольного человека. За несколько месяцев до его кончины, навестив его, я упомянул о каком-то своем легком недомогании — и был тронут тем, с каким участием и заботой он стал меня расспрашивать о моих пустячных проблемах.

Саша был настоящим историком и преподавателем, настоящим сыном и отцом. Для меня он был настоящим другом. Около десяти лет назад я показал ему свой отклик на смерть Андрея Самозванцева¹⁹. Он сказал: «Замечательный у тебя получился портрет. Прошу, напиши и на меня некролог». Я тогда посмеялся — еще ничто не предвещало смертельный диагноз. А теперь, Саша, выполняю твою просьбу.

А. Вигасин

¹⁹ Андрей Михайлович Самозванцев (1949–2009) — видный советский и российский индолог, доктор исторических наук, специалист по истории права и религии древней Индии, переводчик санскритской литературы шаштр. См.: Вигасин А.А. Памяти Андрея Самозванцева // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 5. С. 218–220.

А.Л. Смышляев как я его помню

Я познакомился с Александром Леонидовичем на первом курсе, когда пришел к нему писать курсовую. Потом он позвал меня участвовать в занятиях специализации по римской истории и римскому праву, его детища с Дмитрием Вадимовичем Дождевым: первый набор был на курс младше меня, записать меня на их курсы факультетское начальство не разрешало, и только благодаря настойчивости и неустанному попечению А.Л. я смог посещать почти все их курсы. А за этим уже последовало руководство курсовыми на третьем и четвертом курсах, а потом и дипломом. Не в последнюю очередь благодаря заботам А.Л. после пятого курса я поступил в Оксфорд и уехал, но связь между нами на этом не прервалась: страха ради иудейска, я на первых порах поступил в аспирантуру ГУГН, где А.Л. оставался моим титулярным научным руководителем, а потом уже началось сотрудничество с ВДИ, а затем с «Историческим вестником», чем я безусловно обязан его инициативе. Уже на третьем курсе я начал ходить к нему домой в Главное здание МГУ, и эти визиты, непременно чай с тортом, иногда сопровождаемый рюмкой коньяку, и разговор о римской истории, университетских делах, российской и британской политике под наблюдением кота, продолжались почти двадцать лет — очень жалею, что мало бывал в Москве в последние несколько лет, и уже три года не был у него дома, хотя мы продолжали переписываться о делах «Вестника» и о его последней (и важной для него) статье, о латинской надписи из Азербайджана.

Среди людей, преподававших античную историю в Москве, А.Л. выделяли два свойства: полная включенность в мировую науку об Античности (в первую очередь французскую и британскую, но и не только) и готовность судить свой собственный вклад и вклад российской науки в целом по «гамбургскому счету», на мировом уровне. Он всегда с глубочайшей иронией относился к фразам вроде «первым в отечественной науке осветил» такой-то вопрос и от своих учеников (а равно от авторов статей в ВДИ) требовал научной новизны для антиковедения в целом, а не для узкого мирка отечественных антиковедов. На лица он при этом не взирал и всегда был готов сказать, что предписанная всем студентам стандартная отечественная монография ничего нового в науку не внесла и лишь проходит по верхам (заслуженное исключение он делал для «Принципата Августа» Н.А. Машкина). Преклонение перед авторитетами местного значения было ему совершенно чуждо.

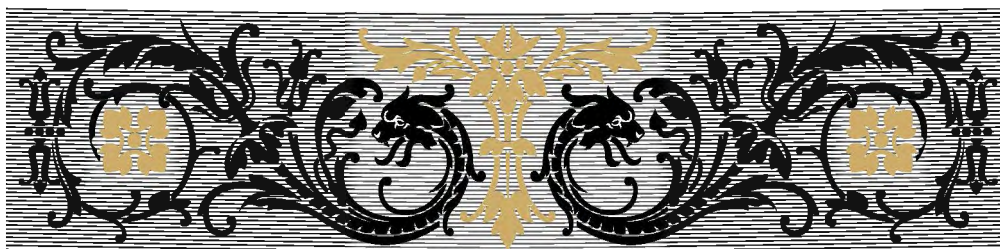
Когда он говорил, что считает себя учеником Фергюса Миллара, это не было ни претензией, ни позой, хотя, разумеется, учиться у него он

мог только по книгам. А.Л. действительно глубоко осмыслил концепцию, предложенную в «Императоре в римском мире», и серия его работ о наместнике провинции дает важное и оригинальное приложение этой концепции на провинциальном уровне — не будет преувеличением сказать, самое интересное из предложенных кем-либо за прошедшие сорок лет. Выбор Миллара, а из французских историков — покойного Франсуа Жака в качестве образцов не случаен. Оба разделяют две основные черты, которые А.Л. хотел видеть в любом историке, которыми был сполна наделен сам — тщательное внимание к источникам и к их языку, в сочетании со стремлением понять мир идей и представлений, стоявший за ними. К антикварному описательству и перечням без попытки понять и вне диалога с современной наукой на всех возможных языках он относился с такой же иронией, как и к попыткам заниматься древней историей без серьезного знания латыни и греческого.

Я несколько раз упомянул иронию. А.Л. не был «шутником» в общепринятом смысле этого слова, хотя и ценил хороший анекдот, и уж точно не был им на работе: всякий, кто был у него на лекциях, помнит их необычайно плотную содержательность и стремительный темп. На шутки-прибаутки, когда надо было научить ремеслу, он не отвлекался. Но при близком знакомстве становилась заметна глубокая ирония по отношению к несовершенству мира: кумовству и коррупции в вузах, отсутствию книг в библиотеках. К проделкам ректоров и завкафедрами, банальности и самовосхвалению коллег относился язвительно, но делал это спокойно, доброжелательно, без малейшего комплекса неполноценности, и это никак не изменяло спокойной решимости делать свое дело, и делать его хорошо по любому счету, который можно было бы к нему предъявить. Как все мы знаем, сделал он, во всем, за что брался, очень много и без малейшей показухи, совершенно ему чуждой. Римские стойки признали бы А.Л. за своего, а нам остается вдохновляться его примером.

Г. Кантор

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J. The History of USA. London, 2002. P. 14.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1 500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

ПОДПИСКА

Подписка на журнал на второе полугодие 2019 г. возможна в любом почтовом отделении России и стран СНГ.

Наш индекс в каталоге «Почта России» — 24652.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 18.08.2019 г. Формат 70×100 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. Заказ № 592.

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2019

---

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии Издательского центра РГГУ. Адрес: 125993, Москва, Миусская пл., 6.
Электронная почта: kentavr@rggu.ru. Тел.: +7 (499) 973-42-05

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

Османская империя — удивительный феномен мировой истории. Это государство на протяжении сотен лет объединяло множество этносов с разнообразными религиозно-культурными традициями. Предстоящий номер «Исторического Вестника» является первым в современной российской истории сборником статей, освещающим различные аспекты османского имперостроительства.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке